

ПОКЛОНЯЮЩИЕСЯ
ЗВЕЗДАМ

Милослав
СТИНГЛ

ПОКЛОНЯЮЩИЕСЯ ЗВЕЗДАМ

Прогресс

ПО СЛЕДАМ
ИСЧЕЗНУВШИХ
ПЕРУАНСКИХ
ГОСУДАРСТВ

Милослав СТИНГЛ

Южное Перу. Главные центры древних культур

Доколумбово Перу. Важнейшие центры древних перуанских культур и наиболее значительные города

Северное Перу. Главные центры древних культур

Miloslav
STINGL

UCTÍVAČI HVĚZD

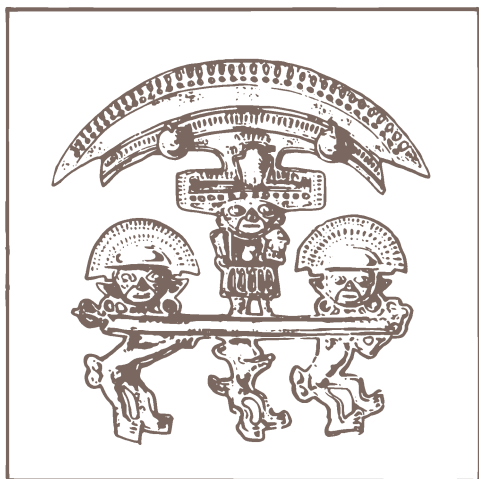
PO STOPÁCH
ZTRACENÝCH
PERUANSKÝCH
ŘÍŠÍ

Práce
Praha
1980

Милослав
СТИНГЛ

ПОКЛОНЯЮЩИЕСЯ ЗВЕЗДАМ

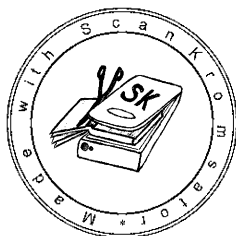
ПО СЛЕДАМ
ИСЧЕЗНУВШИХ
ПЕРУАНСКИХ
ГОСУДАРСТВ

Перевод с чешского
В. А. КАМЕНСКОЙ и О. М. МАЛЕВИЧА

Послесловие и научная редакция
кандидата исторических наук
Ю. Е. БЕРЕЗКИНА

Москва
Прогресс
1983

Редактор В. П. ТЕРЕХОВ

Scan AAW

Редакция литературы по истории

© Miloslav Stingl, 1980

© Перевод на русский язык, послесловие и примечания
«Прогресс», 1983

С $\frac{0507000000-608}{006(01)-00}$ 31-83

ПОЧЕМУ?

В этой книге я хочу рассказать историю, над которой размышлял много лет, а именно загадочную историю об исчезнувших индейских «империях» древнего Перу. Эта удивительная страна принадлежала «поклоняющимся звездам» задолго до того, как ею овладели могущественные инки. Возможно, вы спросите меня, почему из истории древних индейских государств меня заинтересовала эта эпоха и почему именно «поклоняющиеся звездам».

Очевидно, прежде всего потому, что достаточно полного популярного изложения истории доинкских индейских государств Перу пока что не существует. До недавнего времени наука почти ничего не знала об этой эпохе, и составить из осколков древней мозаики сколь-нибудь полную картину еще несколько лет назад было попросту невозможно. А ведь судьбы древних перуанских «империй» имеют для понимания истории индейцев Южной Америки решающее значение, и вероятно, не только для меня, но и для читателя они будут весьма интересны.

Сегодня благодаря разысканиям минувшего десятилетия мы знаем чуть больше, поэтому имеет смысл попы-

таться воссоздать из все еще разрозненных сведений целостную картину и отправиться в путешествие по следам древнейших индейских культур, которые стали основой могучего государства инков.

Было у меня и еще одно побуждение: почти всем древнеперуанским культурам свойственно почитание небесных тел — Луны, Солнца, звезд и целых созвездий. Интерес к космическим телам, можно даже сказать, настоящая одержимость ими, а также многочисленные, на первый взгляд необъяснимые «следы» их связи с космосом еще раз доказывают важность этой темы. В ареале культуры Наска был открыт предполагаемый «космодром»; здесь посреди пустыни мы находим гигантские, порой километровые «фигуры» и рисунки, видимые только с высоты птичьего полета. О присутствии «неземных» существ, казалось бы, свидетельствовали и некоторые открытия, сделанные в индейском городе Тиауанако, расположенном в горах. Все это дало повод некоторым литераторам и романтикам выдвинуть смелое предположение, что авторы подобного рода «загадок» явились к нам из иных космических

миров. Нередко эта гипотеза выдается за научно доказанный факт. Подчас мы даже встречаемся с утверждением, будто у истоков человеческих знаний и успехов стояли посланцы внеземных цивилизаций.

Но я верю, что человек сам изобретал и развивался, собственным трудом преобразовывал мир. Ему не нужны были ни боги, ни гости из других звездных систем, которые водили бы его за руку и «цивилизовали». Достаточно вооружить его разумом, волей и

жаждой познать правду. И хотя следы «носителей внеземных цивилизаций» и неоспоримый культ небесных тел мы чаще всего, пожалуй, обнаруживаем у перуанских индейцев в доинкский период, избыток неточной, а порой совершенно ложной информации не приблизит нас к истине.

Думаю, что, вместо того чтобы говорить: «Так не было», следует, вероятно, попытаться представить, что же все-таки было. Именно из этих соображений я и написал свою книгу.

Автор

ПРОИЗНЕСЕМ ЭТО СЛОВО: ПЕРУ

Перу! Это слово современные люди должны, наверное, произносить с тем же восхищением и уважением, с каким мы произносим: Греция, Рим, Шумер, Вавилон или Египет. Историю этих прославленных культур знает всякий. Это, собственно, и нынешняя история. Ведь в упомянутых древних государствах были написаны и первые главы нашей цивилизации. Говоря «нашей», мы, как правило, имеем в виду цивилизацию той части планеты, которую — пожалуй, не совсем по праву — называем Старым Светом, то есть цивилизацию Восточного полушария.

Однако наша планета имеет и Западное полушарие, свой Новый Свет, где зародились столь же древние и замечательные культуры, столь же великопепные и могущественные «империи». Например, культуры Перу. Широкой общественности гораздо лучше известен другой очаг доколумбовых индейских культур Америки — Мексика и прилегающие к ней территории нынешних центральноамериканских республик — Гватемалы и Гондураса. На зрелых культурах ацтеков и майя, населявших эту область

(она получила общее название «Месоамерика»), и было сосредоточено внимание научно-популярной литературы. Даже в таком широкоизвестном и написанном со знанием дела произведении Керама, как «Боги, гробницы, ученые», рассказывается о древней Мексике, об ацтеках, майя, тольтеках и прочих культурах, но о Перу не упоминается ни единым словом.

Впрочем, даже те, кто говорит о древнем Перу, часто рассматривают его лишь как «империю» инков. Они не видят или не хотят видеть, что эпоха суверенной власти инков — это только блистательная кульминация истории древнеперуанских культур, а инки — это лишь «вершина айсберга», последнее и наиболее значительное из индейских государств и культур. Славу других культур и государств, а порой даже их названия заслонила слава инков, слава их несметных золотых сокровищ и великопепных каменных городов.

Если мы хотим узнать правду о доколумбовых индейцах Перу, нам следует в первую очередь познакомиться с теми, кто жил и владел этой землей до инков. В течение текущего

столетия, в особенности в последние его два-три десятилетия, были сделаны археологические открытия, которые позволили нам хотя бы в общих чертах составить представление о замечательных предшественниках инков.

До недавнего времени на всей доинкской истории Перу и на культурах этой страны лежал непроницаемый покров забвения, что объясняется рядом причин. Одной из них является тот факт, что среди завоевателей Перу не нашлось человека, который, подобно монаху Бернардино де Саагуну в Мексике, сумел бы точно и исчерпывающе записать все, что перуанские индейцы рассказывали о себе, о своей стране, культуре и особенно о своем давнем прошлом.

Перуанские индейцы не изобрели собственного письма (по крайней мере нам оно не известно), в то время как в Месоамерике, возможно, уже три тысячи лет назад возникло местное индейское письмо, а также оригинальные способы записи дат. Майя, ацтеки, миштеки оставили после себя ряд «кодексов», из которых, как, например, из миштекских, мы сегодня черпаем ценные сведения о жизни в доколумбовых государствах Мексики. В Перу же книг не существовало. Перуанцы, точнее, инки в одном походили на своих месоамериканских братьев. Ацтеки в эпоху расцвета своего государства из всех сил старались распространить собственную культуру по всей Мексике и полностью уничтожить свидетельства о том, как они пришли к мексиканским озерам. Инки еще настойчивее, чем ацтеки, и с большим успехом насаждали свои

порядки во всем Перу, они стремились навязать свой язык и культуру, свой образ жизни, а главное, вытравить из памяти индейцев все, что происходило в этой стране до того, как на золотом троне императорского творца в Куско стал восседать первый Инка. До Куско существовали иные древние перуанские столицы, а до «империи» инков — другие перуанские государства. До трона Инки тут стояло множество других тронов. И все же старания владык из Куско увенчались успехом, причем столь убедительным, что не только миллионы индейцев, но и первые поколения ученых, занимавшихся историей перуанских культур, приняли за аксиому утверждение, будто история Перу начиналась с инков. Профессор Филип Эйнсворт Минз некогда сказал о Перу, что «весь этот регион носит нестираемую инкскую окраску». Однако тот, кто хочет глубже познать историю древнеперуанских культур и государств, должен попытаться проникнуть под этот слой. Ведь именно здесь, под видимой вершиной древнеперуанского «айсберга», исследователей ожидают захватывающие тайны, верстовые столбы того пути, по которому индейцы этой страны шли на протяжении многих тысячелетий своей бурной истории. Верстовые столбы здесь сделаны из камня. Именно с камня начинается история перуанских культур.

Но прежде, чем мы обратимся к древнейшим из камней, к которым прикасалась рука человека, бросим взгляд на само Перу, на ту грандиозную сцену, где разворачивался первый акт драмы перуанских культур и индейских государств.

СНЕГ, ВОДА И ПЕСОК

Прежде чем заговорит история, дадим слово географии. Ведь нам следует определить территорию, о которой пойдет речь в этой книге, поскольку политические границы современного Перу не совсем совпадают с границами области, обозначаемой тем же названием в истории американских индейцев.

К доколумбову Перу мы относим большую часть его нынешней территории и обширные пространства плоскогорий Андского горного хребта, занимающих западную часть Боливии. Как правило, мы не относим сюда восточные склоны Кордильер с густыми тропическими джунглями — территорию, по которой протекают Мараньон и другие реки из бассейна великой Амазонки. Монтанья, как называют большую область нынешнего Перу, заросшую джунглями, до Христофора Колумба и после него была уже другим миром.

Территория, ставшая сценой для, пожалуй, самого драматического сюжета в истории доколумбовой Америки, охватывает несколько сот тысяч квадратных километров.

Американисты называют ее Андской областью. Но Анды — лишь одна из двух весьма различных в кли-

матическом отношении частей. Другая часть — это Коста, узкая прибрежная полоса Тихого океана. И хотя она представляет собой побережье самого большого океана нашей планеты, здесь не хватает именно воды! Многие области Косты напоминают скорее центр Африки, чем берег океана. Мы находим здесь обширные пустыни, большие песчаные дюны. И только там, где мертвый край пересекают реки, текущие в океан со склонов Анд, есть жизнь. Во всей Америке нет ничего похожего на климатические условия перуанской Косты. Реки тут в буквальном смысле слова основа жизни. И если «отцом» древнеегипетской культуры считают Нил, то «матерями» культур прибрежного Перу вполне можно считать эти на первый взгляд малозначительные реки со своими неширокими долинами. Прибрежные индейские государства и культуры подчас расцветали на одной-двух тысячах квадратных километров земли, то есть зачастую были меньше, чем некоторые из теперешних крупных европейских городов. Реки Ламбайеке, Виру, Ика или Наска вдохнули жизнь в оазисы, окруженные песками, и их названия закрепились в литературе в качестве названий древнеперуанских культур, существовавших на протяжении последних тысячелетий.

Территория прибрежного Перу начинается у города Тумбес, на границе с Эквадором, и кончается примерно у нынешней перуанско-чилийской границы. Однако между северной и южной частями Перу существует определенное различие. На юге, собственно, вообще не бывает дождей.

Песчаные барханы представляют здесь высокие дюны, напоминающие лунный пейзаж (медано), они постоянно в движении и могут даже засыпать неосторожного путника. Однако страшная сушь, это проклятие южного Перу, имеет для археолога одно неоценимое преимущество. Абсолютно сухой воздух надежно консервирует здесь то, что в любом другом месте быстро подвергается гниению.

Долины северного Перу, как правило, шире, чем долины южной части Косты, и более влажны. Тем не менее даже в эпоху расцвета древнеперуанских государств жизнь тут была невозможна без искусственного орошения и строительства сложных ирригационных систем. Так выглядит этот удивительный мир пустынь, морских течений (в частности, течения Гумбольдта) и необычных туманов (гарруас), которые всякий раз скрывают прибрежные области в начале перуанской зимы, то есть в мае.

Перуанская Коста, шириной не более 150 километров, протянулась в длину на несколько тысяч километров. Вдоль ее западной стороны высится великолепный массив Анд, расчлененных на два хребта, которые нынешние перуанцы называют Черная и Белая Кордильера, а боливийцы, чтобы хоть немного от них отличаться, — Западная и Восточная Кордильера. В Боливии пространство между обоими хребтами Анд занимает легендарное Альтиплано — горное плато высотой около 4000 метров. В центре его лежит самое высокогорное в мире судходное озеро Титикака, а близ берегов озера загадочный священ-

ный город доинкской поры — Тиауанако.

Андское горное плато распадается на ряд меньших хребтов, плоскогорий, равнин и речных долин. В Республике Перу между Черной и Белой Кордильерами находится пять таких областей. Мы называем их «бассейнами». В одном из них — Куско — вырос позднее главный город «империи» инков, носящий то же название. Другой — Кахамарка — был свидетелем пленения последнего Инки и крушения крупнейшей индейской «империи». Долина Кальехон-де-Уайлас — самый большой в Перу «бассейн» и археологически изучен лучше других. Великолепные вершины Кордильер достигают 6000 метров. Их покрывает вечный снег, а кое-где и ледники, с которых в деревни и города здешних индейцев спускается долгая и суровая зима. Собственно, холодно тут весь год. Настоящего тепла не бывает почти никогда.

Если природные условия Косты можно сравнивать с древним Египтом, а именно с долиной Нила, то для Перуанской возвышенности мы не найдем в Старом Свете аналогичного региона, где бы выросли столь же высокие культуры.

Горная область Перу, или Сьерра, имеет более неблагоприятные природные условия по сравнению с Месоамерикой, то есть с Мексикой, Юкатаном, Гватемалой, Гондурасом. Например, королеву индейских злаковых — кукурузу здесь смогли выращивать только после того, как ускорили созревание початков с помощью искусственного орошения, чтобы собирать урожай до наступления холодов.

И в то же время Сьерра отлично подходила для выращивания такой культуры, как картофель. Именно оттуда он начал свой победный путь к обеденным столам жителей почти всего света.

Не только высокогорные поля, но и луга Сьерры одаривали древнюю Америку: они служили прекрасными пастбищами для разведения лам. И хотя эти типично южноамериканские животные не способны были удерживать на себе наездника или сдвинуть с места плуг, они все же могли нести более ста фунтов груза, а кроме того, давали перуанским пастухам шерсть и мясо.

Ламы и картофель, постоянные холода и горные ветры, снежные и ледниковые гиганты — таков был мир инков, последних владык в индейской истории Перу. Как в Мексике ацтеки, так в Перу инки — эти люди с гор — одержали победу над последним государством прибрежной низменности — над древним Чиму. Однако прежде, чем это произошло, на кромке суши, между океаном и Кордильерами, из песка и снега поднялись некоторые другие, совсем нам неизвестные государства и культуры. По иронии судьбы ни одно из этих государств не носило название Перу.

Например, в отличие от Мексики или Гватемалы, которые и поныне носят свои доколумбовы названия, слово «Перу» было «изобретено» первыми испанцами, проникшими в Америку. Собственно, это было не изобретение, а скорее явная ошибка. Название возникло в результате описки. Словом «Перу», очевидно, обозначали страну или народ Нового Света, а воз-

можно, это вообще было имя какого-то индейца, который, может быть, и жил-то не в Перу, а где-нибудь возле отправного пункта экспедиции Франсиско Писарро*, завоевавшей эту страну. Исходной точкой проникновения испанцев на юг был Панамский перешеек. Именно здесь, в местности Дарьен, жил, вероятно, вождь по имени Пиру. Сам того не ведая и не желая, он дал название той далекой южноамериканской стране, с которой вообще не имел ничего общего.

Французский ученый Поль Риве считал, что название Перу является искаженным при переписке словом «Пелу», что на языке индейцев племени чибча означает «вода». Чибча создали государство не на территории Перу, а в доколумбовой Колумбии, то есть более чем на тысячу километров севернее. Как бы то ни было, Перу уже полтысячелетия называется Перу, и поскольку лучшего, более точного древнего индейского названия страны, располагавшейся между Андами и океаном, нам не известно, то и мы будем пользоваться этим обозначением, как пользуются им другие. Итак, произнесем это слово: Перу! Название страны, живущей под знаком снега и песка. А теперь полистаем самые древние страницы ее удивительнейшей истории.

* Испанский конкистадор, уничтоживший государство инков Тауантинсуйу. — *Прим. ред.*

Рисунок
десятитысячелетней давности
из перуанской пещеры Токепала
(департамент Мокегуа)

СНАЧАЛА БЫЛ КАМЕНЬ

Первые свидетельства присутствия в Перу древнейшего из индейцев мы

находим на каменных обломках в карьерах. Самые ранние следы были обнаружены в долине реки Чильон, то есть в области Центрального побережья, менее чем в ста километрах от нынешней столицы Республики Перу — Лимы.

По месту находки эта древнейшая эпоха Перу была названа «Красная зона». В примитивных «мастерских», в карьерах из зернистого кварцита человек работал тринадцать, а то и четырнадцать тысяч лет назад. (Напомним, что древнейшим из известных науке жителей Южной Америки является «человек из Эль-Хобо», который жил в Венесуэле пятнадцать тысяч лет тому назад.)

Первые группы переселенцев из Азии вступили на землю Нового Света примерно сорок тысяч лет назад, очевидно, в районе нынешнего Берингова пролива. Предполагают, что в ту пору обе части света были еще соединены. Прошло не менее двадцати тысяч лет, прежде чем волны миграции с севера достигли Мексики и Центральной Америки. Примерно пятнадцать тысяч лет назад первые индейцы добрались наконец до Перу. В настоящее время в долине реки Чильон с тех пор остался только камень. И тем не менее это косвенное доказательство пребывания здесь людей. Как известно, суд порой не признает косвенных доказательств. Исследователи же древнейшей истории Перу хотя бы для начала должны довольствоваться косвенными свидетельствами. Дело в том, что «расследование» древнейшего прошлого этой страны далеко не закончено. Пока в нашем распоряжении лишь камни из

«Красной зоны». К сожалению, остатки скелетов первых перуанцев не сохранились, а может, что более всего вероятно, несмотря на все усилия, их до сих пор просто не удалось отыскать.

За древнейшей эпохой «Красной зоны» в долине реки Чильон следует другая эпоха, носящая название — опять же по месту находки — Окендо. Представители культуры Окендо изготавливали длинные тонкие ножи, похожие, как считают некоторые исследователи, на бритвы. Их так и окрестили: «бритвы». Те, кто их изготавливал, жили у реки Чильон примерно двенадцать тысяч лет назад. Поздний и самый позднейший культурные слои в долине Чильон — Чиватерос I и Чиватерос II. Индейцы чиватерос «специализировались» на выработке тяжелых каменных «головок» — увесистых «лезвий» к топорам — и выделке нешироких наконечников для копий.

Копье означает охоту, поэтому можно сделать вывод, что чиватерос занимались охотой. Они, несомненно, значительно продвинулись вперед по сравнению со своими предшественниками, которые только собирали плоды дикорастущих кустарников и, возможно, пользовались тем, что давало им море. О чиватерос мы знаем немного больше, чем об их предках. Благогатная перуанская природа, исключительно сухой климат сохранили для нас их телесные останки, одежду и кое-какую утварь.

Ценнейшие находки, проливающие свет на образ жизни носителей культуры Чиватерос, были сделаны в нескольких перуанских пещерах —

обычном жилище древних южноамериканских индейцев. Одна из них — Лаурикоча — дала потом свое имя этой давней эпохе доколумбовой истории Перу. Но самые замечательные открытия были сделаны не в Лаурикоче, а в центральноперуанских пещерах близ деревни Чилька, расположенной в 350 метрах над уровнем моря, в чрезвычайно сухой области Анд. В одной из пещер археологи нашли хорошо законсервированные благодаря сухому воздуху останки покойников — двух мужчин, женщины и ребенка. Эти древнейшие перуанцы были весьма статны (один из мужчин имел рост 175 сантиметров).

Скелет человека из Лаурикочи, найденный в 1958 году инженером Кардичем. Перуанский индеец из Лаурикочи жил примерно десять тысяч лет назад

Находки в пещерах Чильки не только наглядно показали, как выглядели эти люди, но и рассказали о том, что они умели делать. Необычайно сухой воздух в пещере сохранил тела умерших десять тысяч лет назад индейцев, одетых в настоящие, хотя и примитивно выделанные ткани из рас-

тительных материалов (волокон кактуса). Кроме того, сверху они были прикрыты плащами из шерсти викунии*. Рядом с умершим ребенком лежала хорошо сохранившаяся пестрая птичка, завернутая в соломенный моток.

Помимо одежды, в пещерах близ Чильки были найдены и остатки оружия древних перуанцев. Древнейшие индейцы, очевидно, пользовались «копьеметалками». Копья, «выстреливаемые» этим оригинальным оружием, имели базальтовые или обсидиановые наконечники. Находки в Чильке дают повод сделать предположение, что древние перуанцы охотились главным образом на оленей. А поскольку они жили недалеко от моря, то пополняли свой рацион и морскими моллюсками, а также, но в меньшей степени, рыбой. И все же в рационе преобладала пища растительного характера. Откуда это известно? Прошу прощения, из экскрементов, которые пещерные жители оставили в большом количестве. Когда же археологи изучили и этот столь ценный для них материал, они выяснили, что древние жители района Чилька, помимо прочего, собирали плоды одного из местных кактусов, дикие томаты, а также картофель и сходные с ним клубневые растения хикима.

На юге, в департаменте Мокегуа, в пещере Токепала были найдены рисунки лауриковских людей, примерно десяти тысячелетней давности. Эта древнейшая картинная галерея Перу

так же, как прославленные европейские пещерные рисунки (например, из испанской пещеры Альтамира), знакомят нас с хаотичными, не признающими никакой перспективы сценами охоты на животных, главным образом на гуанако*.

Охотники из Токепалы изобразили в своей пещерной «галерее» и самих себя, в большинстве случаев с чем-то похожим на палицу или кол в руках. Некоторые держат даже сразу две такие палицы. Охотники совершенно нагие (хотя находки в пещерах Чильки говорят о том, что эти люди уже имели одежду).

«Галерея» в Токепале — одновременно и древнейшее свидетельство о религиозных представлениях и магических обрядах древних перуанских охотников. Рисунки сильно испорчены самими же творцами. Дело в том, что мужчины, прежде чем выйти на охоту, «убивали» будущих жертв на стенах пещеры, обрушивая на их изображения палицы и копья. Этот обряд явно должен был обеспечить охотникам удачу. Таким же способом они поступали и с морским уловом, поэтому на стенах в Токепале изображена, к примеру, лангуста.

Пещерные рисунки в Токепале в 1960 году совершенно случайно открыл перуанец Миомир Бохович. Позднейшее обследование находок с помощью радиоактивного углерода C_{14} показало, что органический образчик, взятый из этой пещеры, имеет возраст 9500 лет (± 250 лет). Сначала здесь было обнаружено три скелета, а затем

* Викиня — млекопитающее рода лам, ранее широко распространенное в Андах. — *Прим. ред.*

* Гуанáко — млекопитающее рода лам. — *Прим. ред.*

известный перуанский археолог Аугусто Кардич нашел еще три великолепно сохранившихся скелета. Череп одного из них был искусственно деформирован! Так, уже десять тысяч лет назад в Лаурикоче мы впервые сталкиваемся с обычаем деформировать черепа, который позднее широко распространился в ряде областей доколумбовой Америки. Кстати, весьма интересен способ захоронения детей. Он свидетельствует о том, что у индейцев уже существовал относительно развитый и своеобразный погребальный ритуал. В последний путь каждому из умерших детей давали немного пищи, а также пару камней. Так, например, на шею одного ребенка висело ожерелье, украшенное бирюзовым кубиком. Но наибольший интерес представляет следующее открытие Кардича: тело маленького индейца не отправили сразу после смерти «на вечный покой», а сначала выставили на солнце, и только потом, когда от него остались лишь высохшие кости, оно было захоронено. Поначалу этот случай вызвал множество догадок. Ученые задались вопросом: не съеден ли был ребенок во время какого-нибудь людоедского обряда, не голод ли заставил жителей Лаурикочи поедать собственных детей? На наш взгляд, ничего подобного не было, и мы имеем в данном случае дело с особым способом погребения, при котором между смертью человека и захоронением его тела проходило несколько недель.

Наряду с пещерами, в которых обитали носители культуры Лаурикоча, ученым известно несколько других древнеперуанских скальных убежищ,

которые ожидают еще тщательного археологического обследования. Самую ценную из этих еще не изученных пещер открыл профессор Фредерик Андре Энгель, он же распорядился замуровать вход в нее, чтобы клады десяти тысячелетней давности не были случайно разрушены природными стихиями. К сожалению, пещеру разграбили наткнувшиеся на нее современные пастухи-индейцы. Когда их застигла в горах гроза, они продолбили вход в пещеру и загнали туда скот.

Так одна из ценнейших археологических достопримечательностей была в буквальном смысле слова растоптана копытами коров.

Открытия ученых в пещерах Чильки, Лаурикоча и Токепала значительно расширили наши представления о жителях самой древней эпохи в истории Перу, — эпохи, которая зародилась под знаком камня.

ОТ ТЫКВЫ К ПИРАМИДЕ

Если мы хотим проследить развитие индейских культур от начала и до конца, то нам прежде всего следует найти самое древнее звено в этой сложной цепи. В первую очередь это «человек из долины Чильона», затем — «чело-

век из Лаурикочи»... Прежде чем отправиться в путешествие за тайной следующего звена, расскажем немного о тех, кто эти тайны разгадывает, тем более что исследование начального этапа перуанской истории связано с именем известного перуаниста, профессора Энгеля.

Перуанистика — наука, изучающая историю и культуру древнего Перу, — имеет своих основоположников: это немец Макс Уле, англичанин Эфраим Джорж Скуайер, американец Уэндел Кларк Беннетт, а также метры, родившиеся в самом Перу. Среди них первым по достоинству должен быть назван профессор Хулио С. Тельо.

Упомянутый выше профессор Энгель с успехом (а также с известной долей везения) находит в настоящее время ответы на вопросы: как развивались общество и культура в раннюю эпоху перуанской истории, кто сменил людей из Лаурикочи и как возникло в индейском Перу земледелие? Энгель родом из Эльзаса. Он учился в Австрии и Швейцарии, докторскую диссертацию защитил в Париже, а университетскую кафедру получил в столице Республики Перу — Лиме. Здесь для него был создан Институт доколумбова земледелия. Учитывая заслуги Энгеля перед Перу, его избрали старостой одного из округов столицы, хотя он не перуанец по происхождению и не имеет перуанского гражданства. Его многочисленные открытия пролили немного света на сложный и длительный период, в течение которого перуанские собиратели плодов и охотники постепенно превращались в земледельцев.

Доколумбово земледелие Перу знает свыше сорока растительных культур. Из злаков это, помимо кукурузы, преимущественно киноа (*Chenopodium quinoa*). Важное место занимал хлопчатник. Далее — сладкий картофель, батат (*Potomea batatas*), фасоль, табак двух видов (*Nicotiana tabacum* и *Nicotiana rustica*), ананасы, авокадо, чиримойя, чилийский перец (так называемый ахи), печально знаменитая кока (*Erythroxylon coca*) и особенно местные тыквы (*Cucurbita maxima*, *Cucurbita ficifolia* и *Cucurbita moschata*).

Тыквы по праву должны занять в этом перечне самое почетное место. Очевидно, это старейшая из выращиваемых в Америке культур. Самую древнюю тыкву профессор Энгель нашел в песчаной области Косты, которую называют Пампа-де-Санто-Доминго, в центре южноамериканского полуострова Паракас. Эта древнейшая из сохранившихся в Перу тыкв сопровождала в последний путь индейца, который был одет в рубашу, выделанную из волокон кактуса (рядом с хорошо сохранившимся скелетом найдена маленькая флейта — самый древний музыкальный инструмент Америки, а также рыбацья сеть — древнейшая из всех сетей, известных в Южной Америке).

Но больше внимания, чем нежная флейта, редчайшая рыбацья сеть или сам паракасский покойник, заслуживает обыкновенная тыква. Она ценнее золота и даже платины. Почему? А потому, что радиоактивный углерод позволил установить: человек из Пампа-де-Санто-Доминго умер 8830 лет назад (то есть в начале 7 тысячелетия

до н. э.). Это значит, что калабаса* — единственное яркое свидетельство того, что в столь давние времена этот по преимуществу еще собиратель даров природы и рыбак пытался выращивать первые плоды. Хотя человек из Пампа-де-Санто-Доминго стоял у истоков рождения земледелия, а переход от собирания дикорастущих плодов и охоты к оседлой жизни охватывает чрезвычайно длительный период (при этом — как показывают археологические находки в отдельных областях Перу — он протекал весьма различными темпами), первый шаг был, по всей вероятности, сделан еще девять тысяч лет назад! Если дальнейшие находки подтвердят это предположение, то можно будет сделать вывод, что в Перу земледелие зародилось в ту же эпоху, что и в Месоамерике и, собственно, в Старом Свете — на Ближнем Востоке. Таким образом, Перу, бесспорно, стало бы одной из колыбелей мирового земледелия.

Помимо находки «древнейшего земледельца», Энгелем было сделано еще несколько открытий, которые позволили постепенно заполнять историю «третьей ступени развития» перуанского общества новыми датами и данными. Из длинного перечня находок заслуживает внимания, например, открытое Энгелем древнейшее сооружение перуанской архитектуры — остатки каменной постройки четырехугольной формы в Серро-Паломе, южнее Лимы. (По всем признакам строению этому 6300 лет.)

Речь идет не только о том, что

каменная архитектура Перу начинает зарождаться в ту же пору, что и древние культуры Ближнего Востока. Важно также назначение этой архитектуры. В данном случае мы впервые сталкиваемся с настоящим святилищем, предназначенным исключительно для богослужений. Между прочим, интересно, что в Серро-Паломе Энгель тоже откопал скелет мужчины ростом 164 сантиметра и нашел остатки его пищи. И вновь наряду с морскими моллюсками мы встречаемся с тыквами, хотя в рационе перуанцев они еще не играли большой роли.

Наряду с остатками поселения в Серро-Паломе Энгель нашел и несколько других деревень, населенных перуанцами в период зарождения земледелия. Все они явно были обитаемы уже 5500 лет назад. Кроме тыкв, древние перуанцы выращивали хлопчатник, фасоль трех сортов. Одни поселения, например Рио-Гранде-де-Наска или Асиа, располагались на берегу небольших рек, чтобы иметь под рукой воду для поливки маленьких полей и огородов, другие, например деревня под порядковым номером 514, которую Энгель раскопал на полуострове Паракас, располагались в пустынном районе, где на поверхности бил мощный источник пресной воды. В каждой деревне (например, в Чильке, которую мы довольно хорошо знаем благодаря обширным раскопкам) проживало обычно от десяти до пятнадцати семей. Они жили в конусообразных хижинах, наклонные стены которых подпирались могучими китовыми костями. Эти деревни были населены в течение сотен, а то и тысяч

* Калабаса — сосуды из высушенных плодов тыквы-горлянки. — *Прим. ред.*

лет. В самой Чильке, например, люди обитали не менее 1200 лет.

*Реконструкция жилища
человека из Чильки
(по рисунку Фредерика Энгеля).
Китовые кости подпирают
конусообразные стены*

Жители Чильки и других древних поселений, все без исключения, могли бы похвастаться «великолепно» деформированными, искусственно сжатыми черепами. Люди с плоскими черепами воплощали свои эстетические идеалы в различных изделиях. К примеру, грубые ткани они украшали примитивными геометрическими рисунками. И наоборот, им еще долго не будет известна керамика. Убедительные доказательства существования гончарного дела относятся только к середине II тысячелетия до н. э., между тем как, например, в эквадорской Вальдивии, в этом северном

«предместье» Перу, мы встречаемся с гончарными изделиями, сделанными 3—3,5 тысячи лет до н. э. Возможно, что знакомство с керамикой пришло в Перу из нынешнего Эквадора или через Эквадор, откуда-то с севера. Самое древнее дошедшее до нас южноамериканское керамическое изделие происходит из Колумбии.

Уже в начале первой половины II тысячелетия до н. э. мы наблюдаем в Перу ряд немаловажных изменений. Люди начинают жить оседло, особенно на побережье. Их поселения разрастаются. Профессор Леннинг, изучивший ряд древнеперуанских поселений, установил, например, что в местности, называемой ныне Кулебрас («Змея»), в тот период жило свыше тысячи человек. Перуанские индейцы впервые начинают пользоваться примитивными ткацкими станками. Помимо керамических изделий и тканей, производится и другая ремесленная продукция. Как нам представляется, постепенно в Перу возникает прослойка ремесленников. Примерно в середине II тысячелетия до н. э. здесь, вероятно, впервые появляется кукуруза (впрочем, некоторые ученые связывают ее появление лишь с приходом чавинцев, носителей первой высокой культуры в истории Перу. О чавинцах, их культуре и государстве мы расскажем ниже).

Быстрое экономическое развитие сопровождается и развитием духовной культуры, главным образом религиозных представлений. Наиболее зримые следы, оставленные предками современных индейцев, — это пирамиды.

Первая пирамида — пока раскопан-

ная лишь частично — была обнаружена в результате счастливого стечения обстоятельств. Она расположена в пределах столицы современного Перу и по названию одного из округов Лимы именуется «Ла-Флорида». Стоит она из нескольких прилегающих друг к другу каменных построек. Раскопки перуанского Национального музея антропологии и археологии показали, что «Ла-Флорида» была большим культовым центром, однако вблизи этой древней монументальной пирамиды люди никогда не строили постоянных поселений.

Некоторые религиозные центры или храмы четырехтысячелетней давности очень обширны. Например, святилище в Лас-Альдас, тщательно обследованное перуанским археологом Росой Фунг Пинедой, имеет 750 метров в длину и 250 метров в ширину.

К святилищу некогда вела более чем тысячеметровая дорога, по которой в храм шли процессии паломников. Большой обрядовый комплекс Чуки-танта, найденный все тем же профессором Энгелем, украшает ряд построек, ворот и лестниц. Меньшие по размерам пирамиды той же эпохи сохранились и в перуанской деревне, носящей ныне название Рио-Секо.

Эта часть нашего путешествия по истории перуанских культур началась знакомством с первой выращенной человеком тыквой и заканчивается остановкой перед первой пирамидой. Пирамида со своими ведущими к вершине ступенями была символом достижений древнейших индейцев, свидетельством того, как далеко вперед ушли перуанские собиратели и охотники.

ЯПОНЦЫ В «ХРАМЕ СКРЕЩЕННЫХ РУК». КОНЕЦ НАЧАЛА

Кто-то, несомненно, должен был организовать и руководить строительством больших архитектурных комплексов, возведенных в первой половине II тысячелетия до н. э. Столь величественные постройки нельзя было возвести силами одного поселения, а значит, в древнем индейском обществе кто-то уже имел право и приказывать, чтобы в совместных начинаниях принимали участие жители не одной деревни, а более обширной территориальной единицы. Очевидно, в это время зарождается господствующая прослойка, подлинная аристократия, состоящая, по всей видимости, из жрецов.

Ряд исследователей пытались определить основные черты высоких культур Старого и Нового Света. Они сошлись на общих признаках: социальное расслоение и существование городов или культовых центров. А поскольку в Перу первой половины II тысячелетия до н. э. мы обнаруживаем первые крупные культовые центры и доказательства социального расслоения, можно сделать вывод, что мы стоим у конца начала, то есть у исто-

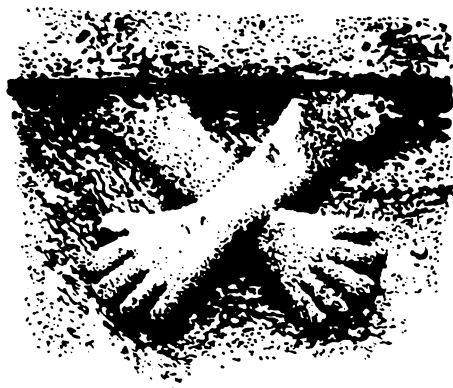
ков зарождения первой высокой культуры и первого государства на территории Перу.

Некоторые открытия, связанные с указанным периодом, свидетельствуют о том, что представителям верховной власти в древнейших государствах Перу оказывались высочайшие почести. Так, например, известно несколько погребений, в которых, кроме «высокопоставленного покойника», были захоронены и убитые, согласно требованию ритуала, люди, которые должны были «сопровождать» повелителя в его пути в загробный мир.

В одном из поселений был найден хорошо сохранившийся человеческий череп без скелета. Тот, кому этот череп принадлежал, возможно, был принесен в жертву. Археологи нашли также серьги и шпильки для волос. Очевидно, эти украшения принадлежали людям из привилегированной прослойки. На юге Перу в ту эпоху начинается, по всей видимости, развиваться и обменная торговля обсидианом, который также привозили для нужд правящей верхушки.

Торговля обсидианом, человеческие жертвоприношения — это пока лишь предположения. Куда более убедительным языком говорит перуанская архитектура той поры. В последние пятнадцать лет археологическими экспедициями, работавшими в Перу, были открыты многие ее памятники. Но ни одной из экспедиций не удалось совершить столь же удивительного открытия, какое посчастливилось сделать экспедиции археологов Токийского университета в начале 60-х годов.

Японцы, ранее перуанистикой почти не занимавшиеся, составили группу весьма квалифицированных специалистов, которую возглавил токийский археолог профессор Сейити Ицуми. Ассистентом Ицуми был археолог Тоширико Соно, антропологическими проблемами должен был заниматься Кацуо Терада. Вместе с ними в Перу приехали и другие сотрудники университета. Они начали разыскивать гончарные изделия в уже знакомой археологам местности, именуемой Котош. Расположена она неподалеку от города Уануко, где патриарх перуанской археологии Хулио Сесар Тельо некогда нашел прекрасную и очень древнюю керамику.

Священные скрещенные руки, изображение которых найдено в котошском храме

К керамическим черепкам Котоша, найденным профессором Тельо, японцы сделали фантастическое дополнение — «Храм скрещенных рук» — святилище, название которого, веро-

ятно, войдет во все учебники по истории Америки. Под тысячелетними наносами доктор Ицуми и его коллеги нашли древнейшее святилище Перу, самый древний из известных американских храмов, построенный на пятьсот лет раньше первых пирамид в Рио-Секо, Лас-Альдас и Ла-Флориде. Открытие котошского храма было и физически весьма нелегким делом. Сначала японские ученые должны были снять 7-метровый глиняный потолок, под которым древние перуанцы на четыре тысячи лет скрыли свое творение.

Японцы раскапывали засыпанную постройку в Котоше с немалыми трудностями. Сначала отрыли одну из стен этого четырехугольного сооружения. Ее внутренняя сторона (как оказалось позднее, подобно всем остальным) была украшена множеством ниш. В одной из них подсобные рабочие обнаружили странное пластическое украшение. Барельеф в столь древнем святилище? Помощникам-перуанцам был предоставлен свободный день, а Ицуми и его коллеги схватили кисточки и принялись очищать это древнее перуанское творение. Вскоре они увидели, что собой представлял таинственный барельеф: это были скрещенные женские руки, точнее, женские предплечья и кисти рук, почти утонченные, сложенные крест-накрест. Только руки — ничего более. Позднее в другой нише также были обнаружены руки. Ицуми не сомневался, что котошский храм был посвящен этим скрещенным женским рукам, их культуре.

Скрещенные женские руки, очевидно, были для древних перуанцев таким

же символом веры, как, например, для христиан — крест. Американисты по праву называли это древнейшее святилище «Храмом скрещенных рук».

Археологов, больше привыкших в Перу к статуям и рельефам, изображающим массивные, коренастые фигуры, эта исключительная находка вдохновила в полном смысле слова на поэтические высказывания. Так, доктор Эрманн Бусе в книге «Перу. 10000 лет» писал: «Эти руки воплощают бесхитростность, набожность, чистоту». Позднее оказалось, что одна из ниш со священными женскими руками находится справа, а другая — слева от более значительной по размерам ниши на северной стороне храма. В этом «главном алтаре», очевидно, некогда было помещено еще одно, более крупное пластическое изображение, возможно, опять священные скрещенные руки.

Общий вид древнего котошского «Храма скрещенных рук», открытого в 1963 году японскими археологами

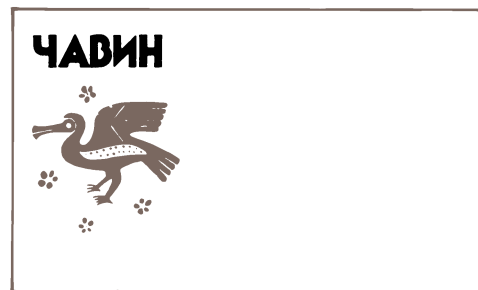
Вскоре после столь неожиданного открытия Ицуми решил снова посетить Котош, на этот раз с более многочисленной группой. Его экспедиция

работала здесь — близ реки Мито — в 1963 году и постепенно откопала весь храм. Она подтвердила, что храм действительно был построен около 1800 года до н. э., то есть еще до зарождения керамики. Ицуми установил, что «Храм скрещенных рук» «посажен» на 8-метровую ступенчатую платформу, что к святилищу верующие поднимались по ступеням, а в помещение со священными руками входили с южной стороны, через ворота высотой в 2,25 метра.

Вторая японская экспедиция тщательно изучила не только стены, но и пол святилища. Археологов заинтересовало, что под ним скрывается. В результате было сделано еще одно, не менее поразительное открытие: в утрамбованной глине они нашли остатки очага. Очаг в храме? Это казалось странным. Вот почему Ицуми дал указание копать еще глубже. Довольно глубоко под полом храма был обнаружен искусно построенный воздухопровод, выведенный из святилища наружу. Очевидно, он должен был обеспечивать доступ воздуха, чтобы пламя в очаге никогда не угасало. После открытия этой своеобразной храмовой вентиляции стало ясно, что археологи обнаружили не обычный очаг, а место, где должен был гореть — и, вероятно, десятки лет горел — вечный огонь, чье священное пламя четыре тысячи лет назад было для перуанцев символом сверхъестественных сил, которым эти люди, по всей вероятности, поклонялись.

Скрещенные руки в Котоше остались, а огонь в священном очаге давно погас. Но иной огонь, огонь высоких культур древнего Перу, никогда уже

не угасал. Собственно, это и есть конец начала. Огонь Котоша освещал Перу дальнейший путь — путь к первому индейскому государству...

После Котоша и первых пирамид в Перу появляется первая действительно высокая культура, первая цивилизация, а возможно, и первое государство. Эта культура и эта древнейшая «империя» имеют общее название — Чавин.

Появление создателей этой культуры было поистине эффектным. На сцене перуанской истории появление культуры Чавин напоминает скорее взрыв, неожиданную вспышку, последствия которой ощущались на протяжении многих столетий. Впервые в истории Перу мы встречаемся с культурой, чье прямое или косвенное воздействие можно проследить в находках из районов Косты и Сьерры, из мест, отдаленных друг от друга на тысячи километров.

Первые следы культуры Чавин были найдены в перуанском селении Чавин-де-Уантар. И хотя ныне наука уже знает десятки других очагов этой культуры, самым значительным из них по-прежнему остается Чавин.

Открыл Чавин профессор Хулио Се-

сар Тельо. Он занимался и этимологией названия деревни, давшей культуре свое имя. В отличие от многих названий древних перуанских культур, как, например, Рио-Секо, Лас-Кулебрас, Пунта-Грандес и даже Сан-Николас, которые явно более позднего, испанского происхождения, название Чавин, бесспорно, почерпнуто из индейских языков. Это был один из множества карибских языков, на которых говорили и поныне говорят в северной части Южной Америки (в Венесуэле, в Колумбии, на Малых Антильских островах, а также на Панамском перешейке, где сходились все связи между Мексикой, Месоамерикой и доколумбовым Перу).

Тельо, установивший происхождение названия этой древнейшей перуанской столицы, выяснил также, что слово «чави» на одном из карибских языков означает «ягуар», а «чавинави» — «сыновья ягуара с копьями».

Город «сыновей ягуара с копьями» — Чавин — ныне привлекает к себе внимание всех, кто в той или иной степени занимается историей доколумбовых культур и индейских государств Перу. Но неужели до середины XX века, то есть до того, как профессор Тельо определил ключевую роль Чавина в истории своей страны, о нем никто не знал? В отличие от Котоша и древних пирамид, которые покоились под многометровым слоем земли и забвения, о Чавине знали еще первые пришедшие в Перу европейцы. Один из первых хронистов-испанцев, член ордена Кармелитов* Антонио Васкес

де Эспиноса еще в 1620 году в своем труде «Сумма и описание Западных Индий» писал о Чавине и его святилищах: «В этом селении... есть большое здание из отесанного камня... Это самое знаменитое святилище, которое почитается так, как у нас почитаются Рим или Иерусалим; сюда собирались индейцы совершать свои жертвоприношения, потому что дьявол этого места разъянял им многие приметы, и сходились они со всей империи...»

Город Чавин возник около 850 года до н. э. Государство инков, с могуществом и культурой которого столкнулись в Перу испанцы, возникло на две тысячи лет позднее. И все же память о славе и значении Чавина сохранилась до колониальных времен! Ведь для европейца-христианина, воспитанного на библейских и античных традициях, сравнение с Иерусалимом, градом Христовым, городом Соломона и Давида, или с Римом, городом могущественнейших императоров, а позднее и городом пап, значило очень многое!

По всем признакам Чавин был покинут жителями и впоследствии стал мертвым городом. Память о городе «сыновей ягуара с копьями» сохранилась лучше, чем его каменные храмы.

В сегодняшней Республике Перу есть два индейских города, вызывающих особое восхищение: один — самый древний, другой — самый молодой (хотя он и существует уже пять веков). Самый молодой — это инкское «Орлиное гнездо» — Мачу-Пикчу, который ныне посещают десятки тысяч туристов. Самый древний, разумеется, Чавин, облюбованный археологами и историками.

* Кармелиты — члены католического монашеского ордена, основанного в XII веке. — *Прим. ред.*

Оба древнеперуанских города восхищают уже одним своим великолепным расположением. На высокой горе, в нескольких сотнях метров над яростной стремниной реки Урубамбы, вздымаются руины Мачу-Пикчу. Чавин лежит еще выше, на высоте 3200 метров над уровнем моря, в поистине волшебной местности, окруженной ледниками и никогда не тающим снежным покровом Анд.

Помимо всего прочего, Хулио Сесар Тельо открыл в развалинах Чавина диковинные каменные человеческие головы, которые украшали стены главного святилища. Согласно мнению профессора Тельо, они символизировали отсеченные головы врагов

Очевидно, в любой стране есть своя «Швейцария». Вот и в этой южноамериканской республике, где столько прекрасных горных пейзажей, область Черной и Белой Кордильер в районе

города Уарас называют «перуанской Швейцарией». Здешний горный рельеф, собственно, и был причиной того, что до открытия Тельо люди посещали Чавин чрезвычайно редко. Дорога у перевала Коноконча достигает головокружительной высоты — более 4100 метров, а вход в Чавин открывается через туннель, прорытый в 5-километровой горе. Таким образом, местность одновременно на удивление прекрасная и труднодоступная, особенно для человека, приехавшего из страны, расположенной на «нормальной» высоте над уровнем моря. Тут постоянно холодно, иногда бывают даже морозы.

Однако необходимо было проделать этот путь, чтобы открыть храмы, стелы и обелиски, стереть пыль веков с грозных лиц ягуарьих божеств и констатировать, что Чавин — это уникальная культура, следы которой со времен находок Тельо ученые находили и находят по всей обширной территории Перу, от границ с Эквадором на севере до Рио-Гранде на юге; восточная граница влияния культуры Чавин проходит примерно по верхнему и среднему течению реки Мантаро. Когда мы говорим «влияние Чавина», то имеем в виду и художественный стиль чавинцев, настолько характерный, что каждый, кто хоть раз с ним сталкивался, с первого взгляда отличит его от всех других. Орнаменты, которыми чавинские художники украшали керамику, ткани и изделия из кости, незабываемы, как незабываем и сам Чавин, город «сыновей ягуара с копьями», где некогда пылало пламя первой высокой культуры Перу.

ПЕРЕД ПОТОПОМ

Прежде чем начать разматывать клубок загадок, связанных с Чавином, поговорим о потопе. Эта библейская напасть не обошла и город «сыновей ягуара с копьями». Однако если ветхозаветный потоп произошел много веков назад, то потоп, который обрушился на Чавин-де-Уантар, был совсем недавно, уже после того, как Тельо открыл этот город и изучил его культуру. Страшная водная лавина, обрушившаяся на Чавин 17 января 1945 года, залила всю округу, и перуанский город, насчитывающий 3000 лет, оказался под толстым, в несколько метров, слоем грязи.

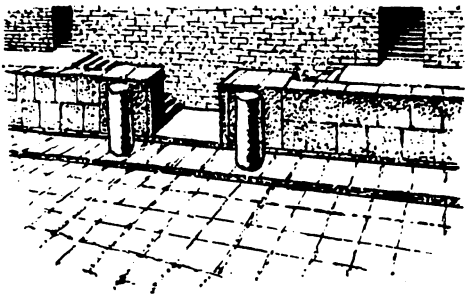
Как же это произошло? Высокогорное озеро, которое питают тающие на вершинах Кордильер снега, в начале 1945 года приняло гораздо больше воды, чем могло вместить. Вода прорвала берега так же, как она прорывает плотину. Стихийное бедствие нанесло огромный урон древнейшему городу перуанцев, обезлюдевшему более двух тысяч лет назад. Последствия случившейся катастрофы наука ощущает до сих пор. Вода затопила все то прекрасное и своеобразное, что Тельо обнаружил в развалинах и не успел вывезти в перуанскую столицу в

надежде реконструировать и экспонировать в самом Чавине. Прежде всего погиб ряд произведений, помещенных археологом в маленьком святилище среди развалин города; потоп унес все это. (К счастью, Тельо успел сделать копии большей части находок.)

Расчищенные остатки города «сыновей ягуара с копьями» вновь скрылись под слоем серой грязи. С того времени ученые только тем и занимаются, что расчищают все, что уже однажды было расчищено.

Археологи сумели определить местонахождение нескольких главных объектов города. Первый из них — «Большая площадь». Сюда, очевидно, стекались паломники из ближних и дальних мест, здесь, по всей вероятности, совершались и некоторые богослужения под открытым небом. «Большая площадь» имеет четырехугольную форму и со всех сторон — северной, южной, западной и восточной — окружена особыми платформами. Сама площадь как бы опущена вниз между этими платформами. В центре ее один из помощников Тельо, житель Чавина Тринидад Альферио нашел одно из самых знаменитых произведений чавинского искусства — высокий обелиск, ныне носящий имя Тельо. На площади сохранилась еще одна работа каменщиков периода расцвета города «сыновей ягуара с копьями» — алтарь, который местные индейцы называют — «Семь козочек», а археологи — «Созвездием Ориона». Алтарь представляет собой огромный каменный блок с семью отверстиями, действительно напоминающими по своему расположению семь звезд Ориона. Но дело не в этом:

жители Чавина высоко почитали ягуара, и отверстия алтаря «Семи козочек», по-видимому, лишь попытка изобразить пятна ягуарьей шкуры.

Так, по представлениям археологов, выглядел главный храм Чавина. Интересны колонны в центральной части. Их открытие опровергает распространенное прежде мнение, будто перуанцы доколумбовой эпохи вообще не знали колонн

Под «Большой площадью» была открыта подземная галерея. Однако неясно, для чего она служила. С площади по широкой «Леснице ягуаров» можно подняться на западную площадку, которая при позднейших перестройках (Чавин перестраивался по крайней мере четырежды и планомерно расширялся) стала основанием так называемой «Большой пирамиды». Но перед ее осмотром задержимся немного на «Лестнице ягуаров». С первого же взгляда внимание посетителей привлекает чередование двух цветов. Часть лестницы, обращенная на север, сделана из камня черного цвета, часть, обращенная на юг, — из белого камня. Здесь же были найдены остатки колонн и камней, украшенных

фризами с изображениями ягуара. Вероятно, таких фризов три тысячи лет назад на этой лестнице было несколько.

Подобные же лестницы (их всегда четыре) ведут на северную, южную и западную площадки. Эти три платформы, по всей вероятности, сохранились в первоизданном виде. На четвертой — западной — возвышается «Большая пирамида», которая вызывает особый интерес у туристов. Местные жители считают ее главной постройкой древнего Чавина, поэтому и называют «Кастильо», что в переводе с испанского означает «замок».

Пятнадцатиметровая пирамида, облицованная большими каменными плитами, действительно, господствует над Чавином. Однако ее нынешний вид — результат множества перестроек. Кто хочет узнать правду о городе «сыновей ягуара с копьями», тот должен искать ее внутри этого величественного здания.

Собственно говоря, внутренняя часть «Большой пирамиды» до сих пор еще по-настоящему не исследована. Совсем недавно, например, была открыта «Галерея жертвоприношений» с остатками того, что паломники приносили сюда подчас из очень дальних мест. (Так, например, были найдены раковины морских моллюсков, а ведь от горного Чавина до моря весьма значительное расстояние.) Среди жертвоприношений был обнаружен, между прочим, и череп женщины, очевидно принесенной в жертву божееству.

При первом знакомстве кажется, что с восточной стороны вход в пирамиду Чавина открывают красивые ворота.

Однако тот, кто войдет в них, убедится, что они никуда не ведут. На верхнюю ступень пирамиды от ложных ворот поднимаются две ныне уже почти развалившиеся лестницы.

На западной стороне — между «Лестницей ягуаров» и собственным комплексом пирамиды — простерся так называемый «Атриум камней», некая «прихожая» чавинского храма, с фризами летучих мышей и фризом людей-ягуаров. Здесь был обнаружен рельеф, изображавший мужчину-воина. Так же, как и на «Лестнице ягуаров», строители храма повторили тут загадочное чередование черного и белого цветов.

Из «прихожей» «Большой пирамиды» можно войти в «Ворота хищных птиц». Их так называют потому, что две цилиндрические боковые колонны из черного камня целиком украшены изображениями хищных птиц, по всей вероятности кондоров. «Ворота хищных птиц» дополняет фриз на камне — изображение еще четырнадцати птиц. Интересно, что тут мы снова встречаемся с магическим числом семь, для чавинцев явно священным. Семь хищных птиц смотрят на юг, семь — на север.

За «Воротами хищных птиц» посетителя ожидает внутреннее помещение «Большой пирамиды». Выглядит оно весьма замысловато. Мы находим здесь несколько галерей, построенных в разные эпохи. Кроме уже упомянутой «Галереи жертвоприношений», это, например, «Галерея сумасшедшего» (такое неархеологическое название ей дали местные жители, потому что в ней долго скрывался один из обитателей деревни, которого считали

душевнобольным). Другая хорошо сохранившаяся галерея — «Лабиринты», три коридора в форме буквы «G». К еще более давним временам относится «Галерея летучих мышей».

Чавинский каменный рельеф, на котором изображен воин, держащий отсеченную человеческую голову

Помимо галерей, через «Большую пирамиду» проходят шахты, предназначенные, скорее всего, для вентиляции тесных, находящихся в глубине пирамиды святилищ. Древнейшее из них святилище, имевшее П-образную форму. К нему примыкают две перекрещивающиеся галереи. Как раз в том месте, где они пересекаются друг с другом, уже три тысячи лет стоит самое удивительное скульптурное произведение храма — почти 5-метровая колонна в виде копья. Ее

испанское название *Lanzon* («Лансон»).

Чавинский «Лансон» украшает каменное изображение какого-то странного фантастического существа. Тот, кто изображен на острие копья в древнейшем чавинском храме, несомненно, должен был играть очень важную роль в религиозном культе чавинцев. Это божество с человеческим телом и многими чертами ягуара до сих пор выглядит весьма устрашающе. Какое же впечатление оно производило на верующих три тысячи лет назад! В нижней части пасти хищника выступают острые клыки, глаза подняты к небу. Пояс на туловище чавинского божества украшен головами ягуаров. Сзади из-под пояса свисают две змеиные головы. Правая рука бога поднята, левая опущена.

«Божество на острие копья» — одно из интереснейших произведений каменной скульптуры, сохранившейся в Чавине. Другое, не менее значительное произведение — «обелиск Тельо», украшающий ныне Национальный музей антропологии и археологии в Лиме. Это своеобразный портрет. Кроме божества-ягуара, на нем изображены растения, животные, морские моллюски, как бы вкомпонованные в общую картину. Божество с «обелиска Тельо» в целом похоже на устрашающее божество «Лансона»: те же четыре гигантских ягуарьих клыка, но на сей раз шею божества украшают головы ягуаров (возможно, головы змей). Тело божества покрыто изображениями змей, летучих мышей и, конечно же, ягуаров. Есть здесь и цветы, и различные плоды. От нижней части живота этого странного получе-

ловца тянется вверх какое-то необычное растение с человеческими глазами на ветках.

Это произведение, словно вышедшее из-под резца современного скульптора-абстракциониста, с трудом поддается расшифровке. Еще один культовый памятник, найденный в Чавине в прошлом столетии известным итальянским ученым Раймонди, — «стела Раймонди», как сейчас называют эту скульптуру, — изображает такое же божество в виде человека-ягуара. От его божественной головы тянутся вверх стилизованные изображения морд ягуаров с чертами человека и с огромными хищными клыками.

«Стела Раймонди» явно более позднего происхождения, чем «обелиск Тельо» или «Лансон», стоящий на полу чавинского храма.

Композиция «стелы Раймонди» свидетельствует о том, что искусство культуры Чавин становилось все более и более «барочным». Крупнейшая галерея чавинской пластики, открытая в долине Касма, в местности, которая ныне носит название Серро-Сечин, относится к древнейшему периоду существования людей-ягуаров. Открыл этот второй по значению очаг культуры Чавин удачливый Хулио Сесар Тельо. Обследуя долину Касма, перуанский археолог натолкнулся на грубо отесанный камень с изображением мужчины-воина. В ходе раскопок он нашел около 90 подобных монолитов. (Сейчас известно уже более 300 таких монолитов.) Кроме того, в Серро-Сечин Тельо были найдены остатки сооружения, которое, возможно, было основной ступенью пирами-

ды. Создается впечатление, будто скульптуры и резные изображения этих диковинных, но реалистически

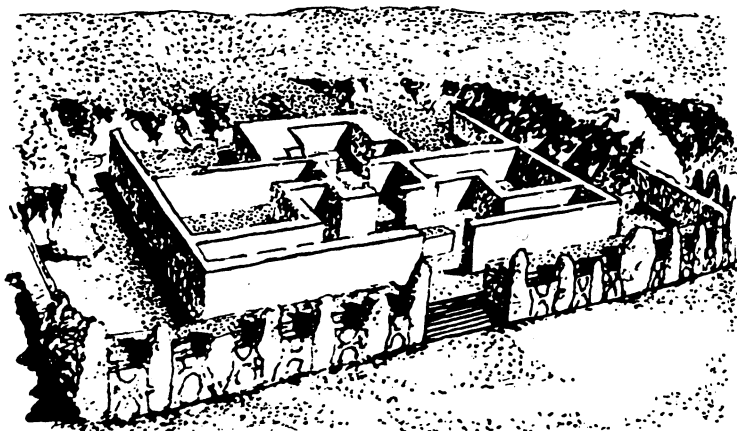
*«Лансон», или «Копье», —
большая чавинская скульптура.*

воспроизведенных воинов некогда обрамляли фасад основной ступени пирамиды Сечин. Изображенные на монолитах Серро-Сечин воины несколько отличаются от «барочных» фигур чавинских божеств. Язык стел и обелисков Чавина, по существу, нам непонятен, в то время как в изображенных мужчинах галереи Серро-Сечин мы легко узнаем воинов. Мы поражаемся их высокими шлемами, жез-

ном одеянии. А чтобы не оставалось никаких сомнений в том, что именно он стоит во главе победителей, на специальном пояске у него висят отрубленные головы четырех повергнутых врагов.

Наряду с фигурами гордых победителей, сильных и уверенных в себе, в Серро-Сечин были найдены камни и стелы с изображением человеческих голов. Вне всякого сомнения, это обезглавленные в ходе боев враги или же принесенные в жертву пленники.

Триста портретов победителей и побежденных в Серро-Сечин как будто рассказывают о древнейшем периоде Чавина. Мы не оговорились, сказав «как будто», потому что многое или, лучше сказать, почти все, что связано с культурой Чавин, до сих пор окутано покровом тайны. Сегодня мы все еще переживаем время вопросов, а не отве-

*Общий вид храма
в Серро-Сечин*

лами или палицами, богато украшенными широкими поясами. На одном из монолитов перед нами предстает военачальник или «император» в роскош-

тов. Итак, Серро-Сечин как будто рассказывает о некоем «первоначальном периоде», когда воины и носители культуры Чавин должны были путем

вооруженной борьбы с врагами завладеть этой территорией. Город Чавин свидетельствует уже об ином, гипотетическом этапе, когда власть «сыновей ягуара с копьями» была уже установлена и в Перу наступил период господства веры в несколько или одно ягуарье божество, которое прочно завладело душами перуанцев. Культ этого божества охраняли жрецы культуры Чавин.

Однако это всего лишь догадки, один из возможных вариантов развития, который вел, бесспорно, к зарождению первой высокой культуры в Перу, к расширению ее влияния, распространению ее изобразительного стиля и «ягуарьей» веры по всей обширной территории страны. Рас-

инога, как додумывать, хотя бы так, как это было сделано в предыдущем абзаце.

Лица некоторых воинов на монолитах в Серро-Сечин, особенно их рты, очень похожи на морды ягуаров. В Чавине мы встречаемся с их изображениями на каждом шагу, поэтому вслед за исчезнувшими индейскими культурами и государствами Перу отправимся к древнейшему из индейских государств по следам ягуара.

Один из камней в Серро-Сечин с изображением отсеченной головы пленника

шифровка изображений на камнях — дело очень сложное, и не все, что мы хотели бы прочесть, удастся. Именно поэтому иногда не остается ничего

ПО СЛЕДАМ ЯГУАРА

Итак, отправимся по следам ягуара и его почитателей — чавинцев. Но прежде чем искать их прародину, посетим еще несколько мест. Дело в том, что со следами чавинцев мы встречаемся не только в их удивительной столице и в древней галерее Серро-Сечин, но и в ряде других мест Перу. Так, например, в долине Касма, где находится и Серро-Сечин, в местечке Мохеке была обнаружена еще одна построенная чавинцами пирамида. Тяжеловесное сооружение 30-метровой высоты украшено нишами, в которых были найдены остатки, к сожалению, сильно пострадавших глиняных статуй — в несколько метров каждая. Эти скульп-

турные фигуры были покрыты красками синего, красного, черного и зеленого цвета. В той же долине, в местности, носящей название Палька, была найдена еще одна пирамида. В нынешнем Серро-Бланко, в долине реки Непенья, обнаружены монументальные здания, стены которых украшали изображения клыков и глаз ягуара. (Чавинцы обычно изображали не всего хищника, а лишь некоторые характерные части его тела.) Стены здания в Пункури (также долина реки Непенья) увенчаны вылепленной из глины мордой хищника из породы кошачьих (ягуара).

В горных областях Перу наиболее значительным центром древних почитателей ягуара был город, который назван в честь кондора — весьма почитаемой андскими индейцами птицы. Храмовый комплекс Кунтур-Уаси (буквально: «Дом Кондора») построен в верхнем течении реки Хекетепеке, близ города Кахамарка — центра одноименной провинции. Храм расположен на трех каменных платформах, уложенных в виде пирамиды. На верхней платформе находятся шесть статуй в типично чавиноидном стиле. Само сооружение получило название по одному из наиболее сохранившихся каменных фризов с изображенным в виде кондора демоном (?). Вытесанные в скале изображения этих горделивых птиц мы находим и на одном из холмов по соседству со святилищем.

В «Доме Кондора» было найдено одно из первых чавинских погребений (в самом Чавине погребений не обнаружено), где рядом с останками лежали золотые предметы и украше-

ния. Как и в других местах, тут была найдена прекрасная чавинская керамика. Прочерченный на черном фоне рисунок обычно повторял мотивы, характерные и для каменной скульптуры чавинцев.

Столь значительной культуре были присущи не только своеобразный почерк и характерные религиозные представления. Культура Чавин, безусловно, должна была иметь и необходимую экономическую основу, которая служила бы фундаментом для ее существования. Эту основу, несомненно, составляло развитое земледелие. С возникновением чавинской культуры во всех областях Перу, где благопри-

Чавинцы жили под знаком культа священного ягуара. Однако они редко изображали это животное так, как оно выглядит на самом деле. Эта каменная скульптура с отверстием для жертвоприношений (?) на спине — нечасто встречающееся реалистическое изображение. Очевидно, она использовалась во время религиозных обрядов. Найдена непосредственно в Чавине

ятствовали климатические условия, стали выращивать кукурузу. Некоторые ученые полагают, что пришедшие под знаком ягуара чавинцы вместе с

новой религией и новым изобразительным стилем привнесли также кукурузу или по крайней мере новые ее сорта, более качественные, чем те, которые выращивали обитатели Котоша.

Окончательный ответ на вопрос, кто и когда впервые начал сеять в Перу кукурузу, дадут будущие исследования. Однако уже сейчас ясно, что чавинцы одновременно с прекрасными храмами и стелами для ягуарих богов строили столь же прекрасные оросительные системы и технические сооружения для своих полей. Пока нам известны только два таких сооружения. Одно из них расположено по соседству с «Домом Кондора», то есть вблизи нынешнего города Кахамарка, где берет начало река Рио-Фина. Сооружение имеет внушительные размеры, оно занимает более 2,5 гектара. Основная его часть — акведук, вырубленный в скале. Вода из акведука шла через несколько туннелей, стены которых украшали прекрасные петроглифы в чавиноидном стиле. Жизнь чавинцев строилась по законам их религии, а потому в комплекс этого чисто технического сооружения входит и святилище. По правде сказать, святилище это весьма своеобразное: оно представляет собой большую скалу в форме человеческой головы. Рот этой священной головы диаметром 3,5 метра углублен и образует искусственную пещеру, где, вероятно, совершались торжественные богослужения. В «полости» выдолбленного в скале рта было захоронено какое-то особо важное лицо, возможно, верховный жрец чавинцев.

Другое известное водное сооруже-

ние «сыновья ягуара с копьями» оставили в долине реки Непенья. Между двумя холмами они построили высокую плотину невероятной ширины (у основания — 24 метра); она задерживала до наступления засухи воду, поступавшую в водохранилище по двум каналам, один из которых имел в длину 20 километров. На неровной местности акведукам мешали различные природные препятствия, поэтому они зачастую проведены по высоким дамбам. Основное сооружение плотины в долине реки Непенья дополняли дамбы и водоспуски, защищавшие посевы от разлива весенних вод в период, когда в Андах тает снег. Эта сложная оросительная система, сооруженная носителями древнейшей культуры Перу, позднее была значительно расширена гидротехниками государства Мочика. Она и поныне служит перуанцам, хотя создана была три тысячелетия назад.

Все достижения культуры Чавин настолько поразительны и уникальны, что уже с того самого времени, как ее существование было установлено наукой, ученые-специалисты и любители задают один и тот же вопрос: как и откуда появилась культура Чавин? Ведь она так неожиданно выплыла из глубин перуанской истории — зрелая и вполневершенная. Мы не знаем ее ранних форм, не представляем, какой она была до начала строительства Серро-Сечин. Именно поэтому ответы на вопрос о возможном происхождении чавинцев и их культуры весьма различны.

Внезапное появление чавинцев на перуанской сцене навело некоторых ученых на мысль искать их прародину

не только вне Перу, но и вне Америки. Более того, за океаном! Так, например, видный австрийский ученый Роберт Гейне-Гельдерн считает, что элементы искусства культуры Чавин встречаются у китайских художников, творивших примерно за 300 лет до н. э. Другие ученые обратили внимание на определенное внешнее сходство между керамикой японской культуры Дзёмон и керамикой периода расцвета культуры Чавин в северных областях Перу. О контактах между Чавином и культурами Востока размышляли и крупный американский ученый Джулиан Стюард и другие исследователи. Напротив, Хулио Сесар Тельо, открывший эту культуру, искал ее предшественников в западной Амазонии, на правом берегу реки Мараньон, среди индейцев влажных тропических джунглей, где живет и ягуар, темное животное чавинцев.

С этого хищника должны начинаться любые поиски прародины Чавина. О чавинцах мы еще многого не знаем, но существуют два факта, в которых нет сомнения. Во-первых, эта культура вступила на сцену перуанской истории как бы в готовом виде, то есть полностью сложившейся; во-вторых, главный признак Чавина — культ ягуара, хищника из породы кошачьих.

Между тем ни сам холодный Чавин, лежащий под вершинами гор почти 5-километровой высоты, ни пески сухого перуанского побережья вокруг Серро-Сечин и долины Косты отнюдь не являются идеальным местом для обитания ягуаров. Как раз наоборот. Не удивительно, что именно Тельо, открыв эту культуру, в поисках ее пра-

*Почитаемый и наводящий страх
южноамериканский ягуар.
Он играл особо важную роль
в религиозном культе чавинцев*

родины обратил внимание на район реки Мараньон, где обитали и обитают до сих пор ягуары. Однако следует отметить, что ни в долине реки Мараньон, ни в верховьях Амазонки не было обнаружено следов не только культуры Чавин, но и никакой другой высокоразвитой древнеперуанской культуры. В XX столетии индейцы бассейна реки Мараньон принадлежат к числу самых отсталых в Латинской Америке. Следовательно, было бы довольно странно, если бы именно в этой области три тысячи лет назад зародилась культура, которую Тельо назвал «праматерью перуанской цивилизации».

Наше путешествие по следам ягуара может пойти и в другом направлении. Автор этой книги вспоминает свои поездки на восток Мексики, где недавно во влажных тропиках были обнаружены следы древнейшей высокой культуры этой части Америки — культуры ольмеков. Примерно 3500 лет назад ольмеки начали строить в Месоамерике свои первые

города и пирамиды, каменные стелы и алтари, и все они были украшены изображениями ягуара, скорее человека с чертами ягуара. Ольмеки не только поклонялись ягуару, но и считали себя его потомками. В одном из ольмекских городов, нынешнем Портеро-Нуэво, мы обнаруживаем каменную скульптуру, которая говорит об этом недвусмысленно. Она изображает соитие женщины с ягуаром. Именно из этого контакта человека с божественным животным, согласно культовым представлениям, родились полулюди-полубоги, древнеамериканские герои-ольмеки.

История изучения ольмекской культуры очень молода (тщательное обследование древнейшего ольмекского города Сан-Лоренсо-Теночтитлан было начато только в 70-е годы нашего века и продолжается до сих пор). Однако краткая история открытия — хотелось бы даже сказать «изобличения» — ольмеков уже содержит ряд этапов. На первом этапе в ольмеков не верил почти никто. На втором этапе все обнаруженные ольмекские памятники приписывались другим индейским культурам, главным образом пришедшим позднее майя. На третьем этапе изучения наличие ольмеков впервые было установлено на небольшой племенной территории этого народа во влажной тропической области на побережье Мексиканского залива, в нынешних мексиканских штатах Веракрус и Табаско. Здесь эти месоамериканские почитатели ягуара создали свои первые большие города — Сан-Лоренсо-Теночтитлан, который, очевидно, являлся главным городом ольмеков с 1400 по 1000 год до н. э.,

и Ла-Вента, ставший столицей ольмек-ков позже, когда Сан-Лоренсо-Теночтитлан был покинут. Затем в этой области были основаны города Серро-де-ла-Месас, Трес-Сапотес и некоторые другие.

Вслед за указанными тремя этапами открытия ягуарьих индейцев наступает четвертый, современный. Недавно следы ягуарьих индейцев были обнаружены далеко от их центра — Веракруса. Как раз в тех местах, где позднее расцвели другие значительные центры древнеамериканских культур, например в Оахаке. В огромном Монте-Альбана, позднее населенном сапотеками, а затем и миштеками, мы находим в древнейший период его существования бесспорные следы присутствия ольмек-ков на больших каменных блоках, где они изображены в своеобразной танцевальной позе (и именно поэтому их называют *danzantes* — танцовщики). Между прочим, ольмекские танцовщики из Монте-Альбана удивительно напоминают мужские фигуры из чавинской галереи в Серро-Сечин. Оахака и Монте-Альбан находятся на юге Мексики. Но следы присутствия ольмек-ков встречаются и на Мексиканском нагорье, где позднее вырос Теотиуакан, жили тольтеки и процветало государство ацтеков.

В Чалькацинго, в нескольких часах езды от столицы Мексики, сохранились ольмекские петроглифы, один из которых — точная копия стелы в Ла-Венте. На многих здешних скальных гравюрах мы видим ольмек-ков, одерживающих победу над своими врагами.

Находки последних лет доказали,

что индейцы, исповедовавшие культ ягуара, утверждали свое влияние не только по всей этой обширной стране. Совершая свои экспедиции, они вскоре перешагнули ее нынешние пределы и добрались до самой Гватемалы. Дальнейшие открытия показали, что и Гватемала не была последней границей ольмекской экспансии: месоамериканские почитатели ягуара проникли и в нынешний Сальвадор (находки в Лас-Викториас), а затем и в Коста-Рику (находки на полуострове Никоя).

Продолжалось ли победное шествие ягуарьих индейцев на юг? Коста-Рика находится в Центральной Америке, севернее Панамского перешейка. За Панамой уже простирается южноамериканская Колумбия, другая страна Нового Света, где развивались зрелые древнеамериканские культуры. Со следами древнейшей из них мы встречаемся в Колумбии в Сан-Агустине. Неведомые творцы оставили нам здесь десятки каменных, главным образом человеческих, фигур. Их рты с огромными клыками напоминают пасть ягуара. Таким образом, ягуар и тут явно был основой религиозного культа. Южнее Колумбии — Эквадор и Перу. В Перу зрелые культуры зарождаются с приходом чавинцев, но их культура — повторяю еще раз — вступает на сцену перуанской истории уже сложившейся. Помимо множества различных «новшеств», она привнесла с собой глубокое почитание ягуара, что для этой древнейшей культуры Перу является самой существенной чертой.

Если мы примем во внимание, что почитание ягуара лежало в основе

Кондор — птица, которой поклонялись перуанцы, царь андских вершин

культуры чавинцев и ольмеков, если сопоставим обе культуры во временном отношении (ольмеки заложили Сан-Лоренсо-Теночтитлан примерно около 1400 года до н. э., а Чавин становится центром новой культуры примерно в 900—850 году до н. э.) и если мы сравним автопортреты ольмеков, известные нам по мексиканскому Монте-Альбану, с портретами чавинцев, увековеченными на камне в галерее Серро-Сечин, то у нас невольно возникнет сомнение, а не имеем ли мы дело с представителями одной и той же группы, с носителями идентичной культуры.

Разумеется, это только гипотеза. Однако в ольмекское происхождение культуры Чавин верят ряд весьма компетентных ученых. Среди перуанцев это, например, археолог Федерико Кауфман. Можно назвать также одного из ведущих знатоков древнеамериканских культур, профессора Йельского университета доктора Ко, который подтвердил свою теорию новыми доказательствами, в первую очередь несколькими очень похожими орнаментами на керамике мексиканских ольмеков и перуанских чавинцев.

Если ольмеки в пору своего великого распространения по древней Америке действительно дошли до Перу, то они могли добраться сюда или по морю, или по суше (взгляды ученых здесь до сих пор расходятся). Однако в любом случае они принесли с собой не только способ разрисовки керамики. Прежде всего они навязали жителям этой территории свои религиозные представления, в основе которых лежало поклонение могущественному ягуару.

Распространение ягуарьего культа не могло быть, как подчеркнул, например, перуанский археолог Лумбрерас, лишь делом истовых миссионеров новой религии. За «духовным» завоеванием Перу, безусловно, должны были стоять и силы принуждения, политическая мощь государства во главе с правителем или главным жрецом культа. Таким образом, жители первой известной нам индейской «империи» в Перу поклонялись ягуару и испытывали страх перед его кровавым видом — мощными челюстями и хищными зубами.

«ПОЛУОСТРОВ МУМИЙ»

Культура Чавин исчезает примерно около 300 года до н. э., так же неожиданно, как и появилась. Затем мы долгое время обнаруживаем здесь местные культуры, чье влияние распространяется лишь на малые территории.

Культура, которая, вероятно, следовала непосредственно за Чавином, возникла на южном побережье Перу. Она получила первоначально название Паракас по находкам, сделанным в середине 20-х годов на одноименном полуострове. Слово «Паракас» означает, вернее, означало на одном из местных индейских языков «песчаный дождь». Очень подходящее название для пустынного, покрытого красноватыми песками полуострова, куда заходят и глубоко вклиниваются в Тихий океан отроги горного пояса Серро-Колорадо. На южноперуанском пустынном полуострове никто не живет. Это мертвая земля.

Однако в начале нашего столетия выяснилось, что Паракас — это не только мертвая земля, но и земля мертвых. Случайно ставшие здесь на якорь рыбаки нашли в южной оконечности полуострова странные могилы, в которых были обнаружены удивительные ткани, каких в нынешнем

Перу уже не производят. О случайной находке узнал не кто иной, как Хулио Сесар Тельо, путешествовавший в те годы по Перу. Он старался посетить и по возможности обследовать все места, населенные в доколумбовы времена. Разумеется, эта задача была непосильна для одного человека, ведь таких известных науке археологических районов в Перу было несколько тысяч. И все же ради клочков каких-то древних тканей, найденных в странных могильниках, Тельо отправился на полуостров Паракас, где, по общему мнению, никто никогда не жил.

«Песчаный дождь» не обманул его ожиданий. Напротив, он подарил редкому гостю, пожалуй, самое великолепное из его открытий. Под вековыми наносами красноватого песка Тельо нашел не только множество клочков тканей и могил, но и целый великолепный «город мертвых», своеобразное и весьма обширное место захоронения. И даже не одно. Позже в паракасских «городах мертвых» он вместе со своим американским коллегой Самюэлем Лотропом и верным проводником перуанцем Торибио Мехия Ксеспе нашел сотни могил. И каких! Представлявших огромную ценность для археологической науки. Здесь сухой климат великолепно законсервировал почти все захоронения. В могильниках сохранились и мумии перуанских индейцев, которые некогда построили для себя на мертвом полуострове этот необычный населенный пункт. Позднее Тельо назвал эту своеобразную культуру Паракас по имени полуострова, где фортуна оказалась к нему более благо-

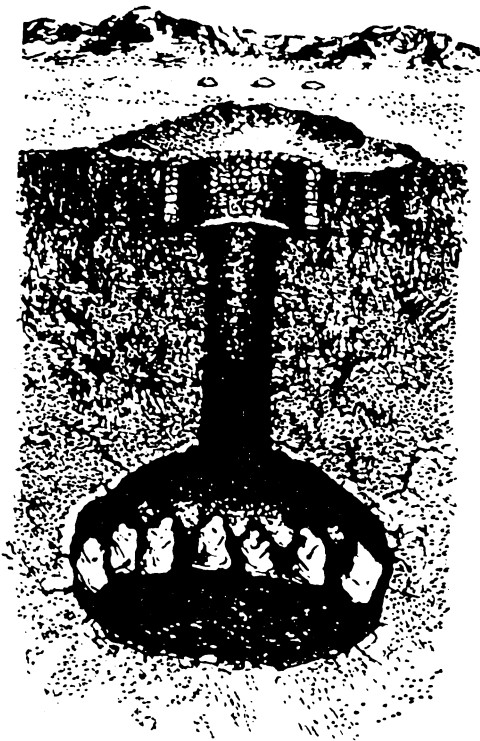
склонной, чем где бы то ни было.

В последующие годы на «полуострове мумий» вели раскопки и другие ученые, в том числе одна из немногих перуанских женщин-археологов Ребека Карьон Качот. Результатом их деятельности было не только открытие новых могильников. Они установили, что культура Паракас, согласно имеющимся данным, существовала в этой части Перу не менее 500 лет и в своей ранней фазе находилась под значительным влиянием Чавина и его художественного стиля. На древнейших паракасских тканях (о них речь пойдет ниже) и керамике мы все еще обнаруживаем изображения священного ягуара, культ которого господствовал в Чавине.

Более древние памятники были найдены в первом из двух существенно отличающихся друг от друга мест погребения. Тельо назвал его (как более древнюю эпоху культуры Паракас) Паракас Кавернас.

Паракасские «каверны» (пещеры, ямы) по форме похожи на бутылки знаменитого итальянского вина кьянти с длинным узким горлышком и широким дном. В «бутылке», то есть в подземной камере, на глубине примерно 6—9 метров от поверхности земли рядами уложены мумии, завернутые в широкие ткани из шерсти или хлопка. Останки покойников великолепно сохранились благодаря мумификаторам и сухому климату Паракаса. Умерших обычно хоронили сидя, с поджатыми к подбородку коленями и скрещенными на груди руками.

В погребальных камерах темно, поэтому археологи вытаскивают мумии и подвешивают их на веревке.

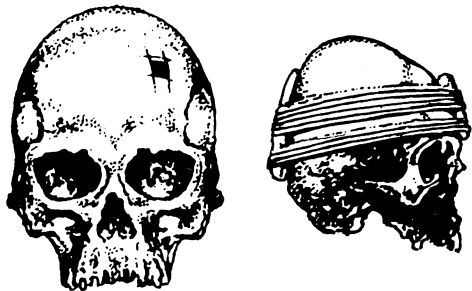
*Мумии в погребальных пещерах
на полуострове Паракас*

После извлечения из «каверны» — уже под солнцем пустынного Паракаса — мумию «раздевают». Бесконечная лента ткани развернута, и перед археологами предстает тело умершего. Ученые сразу же замечают, что череп покойника искусственно деформирован для «красоты». Но не только это привлекает внимание археологов: черепа многих паракасцев еще при жизни подвергались трепанации, то есть хирургическому вмешательству. Трепанация и другие операции головы, совершавшиеся индейцами доко-

лумбова Перу, да и вообще вся древнеперуанская хирургия принадлежат к величайшим достижениям американской цивилизации, потому позднее мы об этом расскажем более подробно.

А теперь еще раз взглянем на находки, добытые в здешних «кавернах». Рядом с мумиями из паракасских погребальных камер лежат многочисленные подарки, которые приносили близкие покойного. Они должны были сопровождать его в последний путь. Это маленькие золотые украшения, обломки тростника тотора, сети для рыбной ловли, остатки рыбы и другой пищи, кроме того, оружие и другой инвентарь: обсидиановые и костяные ножи, каменные топоры, особые трубочки для вдыхания табака, а также ткани и керамика, десятки, сотни сосудов, украшенных различными орнаментами. Одни еще близки к изображениям культуры Чавин и его божеству — ягуару, на других уже появляются впоследствии широко распространенные геометрические узоры. Особого внимания заслуживают сохранившиеся медицинские инструменты, которыми лекари Паракаса делали операции на черепе.

Поразительные операции хирургов продлили жизнь многим индейцам. Однако те, кто благодаря успехам хирургии избежал преждевременной смерти, когда-то все же должны были умереть. Их тела, законсервированные древнеперуанскими мумификаторами, приняли форму «рулонов» и были опущены в «бутылки» на этом необычном «полуострове мумий», на покрытом красноватыми песками Паракасе.

Носители паракасской культуры в совершенстве владели искусством деформации черепа, столь же искусно паракасские врачи гранили черепа пациентов (см. рисунок слева)

«ГОРОД МЕРТВЫХ» В ПЕРУАНСКОЙ ПУСТЫНЕ

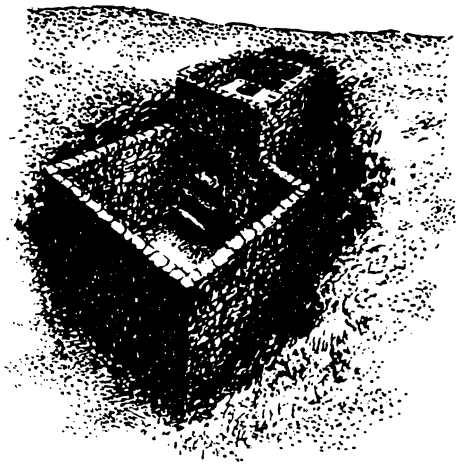
В 1927 году Х. С. Тельо нашел на полуострове Паракас, близ бутылевидных могил, под высоким наносом песка другое место захоронения, с еще большими погребальными камерами, «вестибюлями», длинными коридорами и внутренними дворишками. Толщина стен подземных помещений достигает 30—40 сантиметров. Они сложены из камней, китовых костей и других подобных материалов. Обна-

руженные Тельо погребальные сооружения напоминали остатки жилого комплекса и потому первооткрыватель назвал его Некрополис (по-гречески «город мертвых»). Паракас Некрополис был построен в более поздний период существования древнеперуанской цивилизации Паракас. Под таким названием он и вошел в историю.

Паракасский «город мертвых», «населенный» десятками мумий, отличается от паракасских «каверн». Здесь хоронили не всякого. Это место захоронения лишь для «благородных», тех, кто был побогаче, нечто вроде «посмертного клуба» для избранных.

Поражает богатство одежды умерших. Это не простые саваны или рубахи. Каждая мумия была завернута в один или несколько прекрасных плащей. Именно погребальный плащ являлся свидетельством привилегированного общественного положения покойного. Чем больше плащей, тем знатнее человек. В Паракас Некрополис были найдены мумии, «одетые» в пять и более плащей. Хлопчатобумажные ткани, из которых они были вытканы, украшены искусно вышитыми узорами. Искусство мумификации в поздний период цивилизации Паракас достигло больших высот. Хорошо сохранившиеся тела, завернутые в хлопчатобумажные полотнища, порой достигающие 20 метров, по прошествии двух тысяч лет свидетельствуют о высокой квалификации здешних мастеров мумификации.

Мумификаторы из «города мертвых» следовали точно разработанной

Подземные погребальные сооружения в «Городе мертвых» в эпоху Паракас Некрополис

методике. Сначала они отделяли голову от тела, затем из головы через носовую полость вынимали мозги, а также удаляли у покойника глаза. Тело вскрывали дважды: сначала, чтобы извлечь легкие, желудок, сердце и другие внутренности, а затем, разрезав прямую кишку, вынимали кишечник. Труп после извлечения из него внутренностей старательно бальзамировали. Вслед за этим его сушили над огнем или на палящем солнце. Постепенно тело полностью высыхало, как бы уменьшаясь в своих размерах. Отделенная от тела голова возвращалась на место. И наконец набальзамированные останки заворачивались в широкие куски ткани. Теперь же ученые разматывают эти рулоны ткани,

чтобы через две тысячи лет взглянуть в лицо некогда живших людей из удивительного «города мертвых».

Некоторые паракасские мумии преподнесли своим открывателям неожиданные сюрпризы: так, в одном из рулонов, который был размотан ассистентом и ближайшим сотрудником Тельо, Торибио Мехия Ксеспе, был обнаружен мужчина с длинными пышными усами и бородой. Следует сказать, что у индейцев борода и усы почти не растут. Дальнейшие находки помогли датировать возраст «города мертвых». Посредством радиоактивного углерода C_{14} удалось, например, определить дату мумификации одного из «мужчин в плащах» — 304 год до н. э. (разумеется, с допустимыми отклонениями). В одном из районов культуры Паракас Некрополис было сделано, как считают, одно поразительное открытие: знаменитый перуанский палеопатолог Оскар Уртеага Бальон якобы посадил после особой обработки зернышки кукурузы, найденные в одном из могильников, и те — еще раз скажем «якобы» — дали ростки.

Собственно, это прекрасный символ: из земли давно погибшей цивилизации родилась новая жизнь!

Но как бы ни обстояло дело с зернами кукурузы из могильника Паракас Некрополис, совершенно очевидно, что из культуры Паракас возшла новая высокая культура — культура Наска.

«ДЕМОНСТРАЦИЯ МОД» НА ПОЛУОСТРОВЕ ПАРАКАС

Некоторые древние перуанские цивилизации оставили после себя много предметов материальной культуры. Так, индейцы культуры Наска, о которых пойдет речь, передали в наследство будущим поколениям свою керамику, инки — архитектурные памятники, а представители культуры Паракас — великолепные ткани. Все, кого мы сейчас увидим во время воображаемой «демонстрации мод», жили в более поздний период истории цивилизации Паракас — в период Паракас Некрополис.

В «городе мертвых» были найдены не только мумифицированные тела «благородных» усопших, но и великолепные ткани, столь богато и искусно расшитые, что и поныне их красота и качество вызывают восхищение любого специалиста. Более того, знатоки считают ткани и плащи культуры Паракас лучшими текстильными изделиями древних культур мира. Умершие паракасцы с гордостью выставляют свой «посмертный гардероб» на всеобщее обозрение, словно для них, владык древнеперуанского «города мертвых», имела силу поговорка, что

«по одежке встречают». На самом деле мумифицированные паракасцы наги, ведь покойника заворачивали в рулон ткани «без единой одежды». Всю «одежду» он уносил в загробный мир в последующих слоях своей «оболочки».

Прежде чем взглянуть на древнеперуанские «моды» Паракаса, присмотримся внимательнее к погребальным рулонам из Паракас Некрополис. Они кажутся несколько комичными. Внизу, у основания, они имеют диаметр 150 и более сантиметров, наверху — чуть более метра. Так же хоронили усопших в древнем Перу и представи-

*Знатный житель Паракаса,
одетый в великолепный плащ
из паракасской мастерской*

тели других индейских культур. Внешней «оболочкой» порой служил кожаный мешок или сеть, сплетенная из растительных волокон. Здесь, в Паракасе, покойников всегда заворачивали в длинное полотнище из хлопчатобумажной ткани.

Паракасские ткани украшены бесчисленными изображениями фантастических существ — полулюдей-полуживотных

Развернув полотнище, мы обнаружим несколько плащей — самых роскошных атрибутов «гардероба» покойного. Второй слой обычно представляет собой полотняный мешок, крепко завязанный сверху. Если мы развяжем его, то найдем еще один слой материи, в которую вкладывали «унку», нечто вроде рубахи. Далее мы должны размотать еще один-два витка крепко облегающей тело материи. Под ними уже две тысячи лет ожидает своего освободителя нагая

мумия, посаженная в плетеную корзину — плетенку. Колени прижаты к подбородку, конечности привязаны к телу веревками, которые нередко стягивают и пальцы на обеих руках умершего. Ткани из паракасских могильников сотканы из шерсти или хлопка. Шерстяные ткани, вышедшие из рук ткачей, пережили две с лишним тысячи лет и сохранились лучше, чем хлопчатобумажные. К счастью, плащи и другие «одеяния» паракасцев, как правило, были сотканы из шерсти. Все предметы облачения обычно совершенно новые. Это свидетельствует о том, что их назначение — служить «одеждой» покойного. В рулонах нет каких-либо отдельных предметов «одежды», здесь всегда налицо полный «комплект», украшенный, как правило, одинаковым орнаментом.

Если бы мы присутствовали на «демонстрации паракасских мод», то увидели бы на мужских манекенах (а поскольку «благородными» были только мужчины, то речь идет только о мужской моде) четыре основных предмета «туалета»: юбку, уже упомянутую рубаху — «унку», головной убор — полосу в несколько метров длиной и примерно в 3 метра шириной, несколько раз обмотанную вокруг головы и напоминающую тюрбан. «Демонстрацию» завершили бы плащи, сопровождавшие древних индейцев в последний путь. Они, безусловно, более всего привлекли бы наше внимание, потому что во всей древней Америке не было предмета «одежды», который мог бы затмить их своим великолепием. Паракасские плащи сшиты обычно из одного куска шерстяной ткани, как правило, разме-

ром $2,5 \times 1,25$ метра. Плащи украшают различные вышитые фигуры. Вышивку паракасцев на первый взгляд можно принять за рисунок или аппликацию, настолько тонко она выполнена. Сверху донизу плащ покрыт разноцветными узорами или широкими полосами. Всего ученые обнаружили на плащах в Паракас Некрополис 22 расцветки и — хоть это покажется невероятным — 190 оттенков! Краски изготовлялись из самых различных природных материалов.

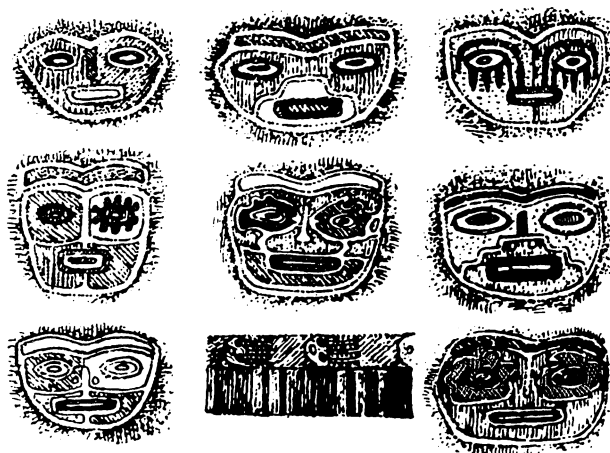
Мастерство, с каким выполнены вышивки, наводит на мысль, что в Паракасе существовали настоящие мастерские. Один плащ нужно было вышивать года три! Из этого следует, что знатные особы заказывали посмертное облачение еще при жизни, как, например, египетские правители при жизни строили свое посмертное жилище.

Создатели вышивок черпали сюжеты для своих работ из окружающей их природы — особенно любили они изображать птиц: кондора, а также

колибри, обитающих по преимуществу во влажных областях на востоке Перу. Иногда использовались и геометрические орнаменты, напоминавшие и многократно повторявшие отдельные части тела животных, например хвосты хищника из семейства кошачьих.

Охотнее всего обитатели Паракаса украшали свои плащи различными фигурами. Порой они изображали и самих себя. Так, мы находим ткани с изображением людей, держащих в руках дубины, ножи и копья. Наряду с людьми на плащах изображались и божества, что свидетельствует о многообразии пантеона паракасцев. Особенно, видимо, почитались рыбы, и среди них самая большая, похожая на акулу.

На паракасских тканях можно видеть загадочные фигуры, напоминающие сфинксов, рыб, птиц и других животных с лицом человека. Иногда одна и та же фигура дана в четырех разных позициях. Это навело Тельо на мысль, что фигуры выполняют роль

Маски на паракасских погребальных плащах

некоего лунного календаря, а четыре их подобия олицетворяют четыре фазы Луны.

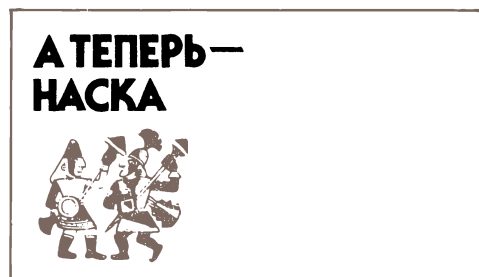
Попытки объяснить смысл загадочных звериных фигур на паракасских плащах продолжают и поныне. Однако совершенно очевидно, что это не просто сверхъестественные существа.

Изображенные создателями священных плащей фигуры имеют и другую, скрытую функцию. Тельо связывал ее с лунным календарем Паракаса. В настоящее время этими изображениями занимается перуанская исследовательница Виктория де ла Хара. Она полагает, что фигуры — это знаки древнейшего перуанского письма. Вопрос о письменности в древнем Перу до сих пор еще остается открытым. Пока что не удалось доказать, что доколумбовы перуанцы (в отличие от доколумбовых жителей Месоамерики — ацтеков, майя, сапотеков, миштеков) знали письмо.

В сущности письмо, как и жизнь на других планетах, может выглядеть совершенно иначе, чем мы себе представляем. Сегодня уже не кажется слишком фантастичным утверждение Виктории де ла Хара о том, что изображения на плащах мертвых в Паракас Некрополис не что иное, как древнейшая перуанская библиотека. Эта теория заставила задуматься наиболее крупных ученых, занятых поисками древнеперуанской индейской письменности, — немца Томаса Бартеля и француза Марселя Козна.

О возможности существования письменности в древнем Перу мы несколько раз будем говорить и в нашей книге. Даже если когда-нибудь

будет твердо установлено, что странные существа с чертами человека на плащах из «города мертвых» всего лишь «портреты» паракасских божеств или же замечательные украшения, не имеющие никакого другого, скрытого смысла, — это ничего не убавит в великолепии и совершенстве древних паракасских тканей.

Паракас Некрополис — паракасский «город мертвых» и «музей древнеперуанской моды» — наглядно свидетельствует о четком, почти классовом расслоении общества. Как пирамиды и мумификация не всякому были доступны в древнем Египте, так и великолепные погребальные плащи на перуанском «полуострове мумий» в поздний период паракасской цивилизации являлись привилегией знати — властителей, жрецов, военачальников. Но там, где зарождаются классы, зарождается и государство. Следовательно, паракасский «город мумий» служит косвенным свидетельством существования еще одной исчезнувшей «империи» древнего Перу, одного из тех государств, которые зародились на этой территории после падения «империи» чавинцев.

Вслед за Паракасом, очевидно, в середине II века до н. э., на сцену перуанской истории вступают индейцы культуры Наска. В отличие от своих предшественников они жили не на берегу моря, а в нескольких южноперуанских долинах. Главным центром этой цивилизации были долины рек Ика, Писко и Наска, примерно в 60—80 километрах от побережья Тихого океана, то есть южнее «полуострова мумий». Значительно позже эту территорию заселил воинственный союз племен чинча, с которыми будет вести кровопролитную борьбу и могущественная «империя» инков. Чинча уже застанут появление первых колонизаторов-испанцев. А одному из их вождей даже доведется присутствовать в Кахамарке при пленении последнего правителя «империи» инков Атауальпы.

Но это произойдет в будущем, сейчас же речь идет о культуре Наска. Правда, ранее делались попытки отождествить культуры Наска и Чинча, приписать им общий язык, города и крепости. Однако новейшие исследования показали, что между эпохой Наска и эпохой Чинча разница по меньшей мере в полтысячелетия. Такова временная дистанция. А различия в культуре, государственной организации? Прямых доказательств существования государства у насканцев нет. Первоначально тут могло сосуществовать несколько союзов, которых объединяли общий язык и религия.

Насканцы были хорошими земледельцами. Однако производство сельскохозяйственной продукции зависело (значительно больше, чем некогда на северном побережье Перу) от воды.

Тут ее было так мало! В некоторых областях дожди почти совсем не выпадали, а реки, в долинах которых жили насканцы, высыхали порой на десять месяцев в году. И как подсолнечник поворачивает свою голову к солнцу, так насканцы постоянно меняли место в поисках воды. Часто они находили ее под землей. Для того чтобы иметь воду под рукой для полива полей, они строили большие водные резервуары, которые и сейчас, две тысячи лет спустя, служат жителям в Ахе, Копаре, Бисамбре и других южноамериканских оазисах. Насканцы строили и наземные водопроводы, доставлявшие бесценную влагу прямо на поля. Рыли они и большие подземные акведуки, укрепляя их стены каменными блоками, а для потолков используя балки из стволов мескитового дерева (альгароба).

Многие из насканских подземных водных тоннелей были открыты миру итальянским географом Антонио Раймонди. Он выяснил, что эти подземные каналы чрезвычайно длинны и многие имеют довольно большое поперечное сечение. Они настолько просторны, что в некоторые из них мог бы войти, не сгибаясь, человек среднего роста. Ученый обнаружил также особые углубления в земле (местные индейцы называют их «глазами»), через которые во многих местах можно было входить в канал для его очистки или ремонта. Через них же насканские тоннели и «дышали».

Гидросооружения древних насканцев свидетельствуют о том, какое большое значение в их жизни имела вода. Борьба за воду, возможно, была главной причиной войн и завоеваний

насканской «империи». Один из зна-токов культуры Наска, директор перуанского Национального музея доктор Л. Г. Лумбрерас, в связи с этим подчеркивает, что насканское общество постепенно утрачивало свой религиозный характер и все больше «милитаризировалось». В поздние периоды истории культуры Наска мы встречаемся со следами ее представителей уже на большей территории, чем прежде, когда насканцы занимали главным образом долины рек Наска и Ика. Археологические находки свидетельствуют, к примеру, что насканские воины позднего периода захватили большую часть территории южноперуанской долины реки Акари. В этой долине, на самой окраине нынешнего города, носящего то же название, профессор-археолог Джон Хоулэнд Роу нашел развалины городища в километр длиной и полкилометра шириной, обнесенного каменными стенами. В верховьях реки Акари были обнаружены развалины других крепостей — Човаченто, Амато и Уарато. Первооткрыватель большинства крепостей и обнесенных стенами городищ в долине реки Акари Дж. Х. Роу считал строителями этих крепостей завоевателей-насканцев, которые в пору зарождения государства в результате военных походов расширяли границы.

Открытие развалин нескольких городищ имеет большое значение, поскольку долгое время вообще не было известно о поселениях насканцев. Первое городище, в котором обитали индейцы культуры Наска, было обнаружено в 1931 году работавшей в Перу аэроархеологической экспедицией Шиппи — Джонсона. О ней следует

упоминать хотя бы потому, что многие открытия, позволяющие проникнуть в далекое прошлое Перу и связанные, в частности, с загадками государства Наска, были сделаны с воздуха. С помощью одного из фотоснимков, который Роберт Шиппи и Джордж Р. Джонсон выполнили с самолета, другой американец, Дуайт Уоллес, нашел в долине Писко обширное поселение насканцев, состоящее некогда из ряда домов, окружавших многочисленные улицы и пять широких площадей. Дж. Х. Роу, которому так повезло в долине реки Акари, открыл позже развалины двух других городищ в долине реки Ика (в районе Кордеро-Альто и Серро-Саладо). Дома в насканских поселениях строились из высушенного на солнце сырцового кирпича.

Города в долине реки Ика возникли вскоре после появления культуры Наска. В долине реки Акари они были построены в период завоевания этой территории насканцами. Но ни долина реки Ика, ни долина реки Акари не были местонахождением столицы насканского общества. А поскольку каждый организм нуждается в сердце, необходимо было отыскать и сердце государства Наска. Ныне уже не приходится сомневаться, что его сердцем был большой город в долине реки Наска, на территории нынешней асьенды Кауачи. Поэтому столицу насканцев мы называем по имени этой асьенды.

Самые большие заслуги в изучении Кауачи принадлежат археологу Уильяму Дункану Стронгу. Наряду с жилыми постройками в Кауачи были обнаружены и здания административ-

ного характера, а также строения, связанные с религиозным культом. В центре поселения возвышается так называемый «Большой храм» в виде пирамиды высотой 22 метра с несколькими ступенями. На вершине «храма», как и в древней Месоамерике, была расположена маленькая деревянная «часовенка». Сохранились в Кауачи и остатки «Большого дворца», очевидно резиденции «главы» этого южноперуанского государства. Город делился на шесть больших кварталов. Столица цивилизации Наска все еще ожидает более тщательного археологического исследования. Но уже и сейчас расчищенные жилые кварталы и освобожденные от наносов улицы свидетельствуют о том, что это был красивый город, где жило несколько тысяч человек. Некоторые ученые считают именно Кауачи — а не Чавин — первым настоящим городом в Перу.

На краю города находится поразительное произведение насканской архитектуры. Сохранившаяся до наших дней постройка, безусловно, имела отношение к религиозному культу насканцев. Перуанцы называют это загадочное насканское святилище Эскаерия. Оно состоит из сотен высушенных стволов мескитового дерева. Центр этого комплекса деревянных насканских колоннад представляет собой квадрат, образуемый 12 рядами — по 12 столбов в каждом. Эти двенадцать дюжин пальцев археологи называют деревянным Стонхенджем древнего Перу. Однако до сих пор окончательно не установлено истинное назначение перуанского Стонхенджа.

Однако многие археологи уверены,

что, как и каменный Стонхендж в Англии, деревянный Стонхендж Перу был связан с календарем.

Если насканские города засыпал песок пустыни, то загадочное святилище — календарь древних насканцев — весьма методично уничтожают их нынешние потомки. В этом пустынном краю, где не хватает не только воды, но и древесины, в ход идет каждое полено. А деревянные колонны здешнего храма — прекрасное топливо. В печах жителей долины Наска постепенно исчезает одна колонна Эскаерии за другой. В 1957 году, во время последней «переписи» насканских колонн, их осталось всего 47. Однако с той поры это количество явно уменьшилось. К счастью, колонны насканского святилища не превратились в золу к тому моменту, когда Эскаерию открыли ученые. Он все еще стоит, этот загадочный, покинутый людьми деревянный остров посреди песчаного океана. Стоит и ждет своей разгадки, как почти все, что мы знаем или, вернее, не знаем о насканцах и южном Перу.

«ОХОТНИКИ ЗА ЧЕРЕПАМИ» НА ДАЛЕКОМ ЮГЕ

На стенах насканских храмов мы тщетно будем искать изображения бо-

гов. Насканцы-завоеватели, завладевшие перуанским югом и сменившие представителей культуры Чавин, изображали своих божеств главным образом на керамике. На многих сосудах перед нами предстают фантастические существа с человеческими чертами, а также хищник из семейства кошачьих — очевидно, главное божество древних перуанцев. (Однако ягуар насканцев отличается от знаменитого чавинского ягуара и не может похвастать такими же страшными клыками.) Нередко на сосудах мы видим и окровавленные человеческие головы. Многие сосуды культуры Наска имеют форму отсеченной человеческой головы. Эти сосуды, как и крепости в долине реки Акари, свидетельствуют о воинственности своих создателей.

О ратных делах чавинцев мы знаем крайне мало, нам известны лишь «портреты» воинов в Серро-Сечин. О военном искусстве Паракаса говорит оружие из «города мертвых», а паракасские захоронения свидетельствуют об уважении, каким пользовались талантливые полководцы. Насканцы же демонстрируют нам свое отношение к борьбе и оружию намного красноречивее: излюбленный сюжет изображения — головы-трофеи.

Исследователи, пораженные обилием отсеченных голов, сначала долго не могли понять, кому и зачем их отсекали. У доколумбовых индейцев, особенно в Мексике и Центральной Америке, больше, чем где-либо, были распространены человеческие жертвоприношения. Может быть и насканцы обезглавливали людей во время каких-нибудь жестоких религиозных об-

На плащах покойников, найденных на юге Перу, мы тоже часто видим отсеченные человеческие головы.

На рисунке — плащ из Серро-Колорадо

рядов? Очевидно, нет. Головы-трофеи, которые мы видим на керамике культуры Наска, принадлежали побежденным врагам (как известно, североамериканские индейцы почти всегда скальпировали пленников). Удачливые насканские «охотники за черепами» постоянно носили свои военные трофеи при себе, подвесив их у пояса или же прикрепив к руке или бедру. Трофеи свидетельствовали о воинской доблести их обладателей, им приписывалась и определенная магическая сила. Очевидно, считалось, что доблестному «охотнику» вместе с черепом побежденного передается и его душа, некая «мана», как называют сверхъестественную силу полинезийцы.

Правда, обряд обезглавливания людей ввели в древнем Перу не насканцы. Отрубленная голова была найдена в одном из поселений древнейших докерамических культур, в местности, носящей ныне название Асия. В городе ягуара Чавине также сохранился фриз с изображением воина (?), держащего в руке голову-трофей. Непосредственные предшественники насканцев — представители культуры Паракас — изображали на своих прекрасных тканях странных существ, держащих в руках головы людей. Но никогда и нигде в доколумбовом Перу этот кровавый обычай не распространялся в таких масштабах, как у насканцев. Может быть, те, кто так зависел от погоды, обезглавливая пленных, совершали какой-то извращенный культ для обеспечения плодородия своих полей? А может быть, они полагали, что если прольется кровь пленника, то прольется и живительная влага на поля насканского земледельца?

Девяносто девять процентов черепов на керамике Наска принадлежит мужчинам, то есть пленным вражеским воинам. В насканских долинах были найдены головы принесенных в жертву людей. Все они, за исключением одной, принадлежат мужчинам. Эту единственную женскую голову нашел и описал вездесущий Х. С. Телло.

Головы-трофеи из долины Наска хранятся и в коллекциях археологических и этнографических музеев далеко за пределами Перу. Один из таких военных трофеев, хранящийся в этнографическом музее Гётеборга, тщательно изучил шведский ученый Пауль

Риден. На основе своих исследований он составил точный «рецепт» насканского способа консервации отрубленной человеческой головы. Победитель проделывал в лобной части головы жертвы небольшое отверстие, вынимал мягкие части мозга и мышечные ткани и заменял их кусочками материи. После удаления глаз пустые глазницы заполнялись тампонами. Веки пришивались к щекам, свернутыми полотняными полосками затыкались ноздри. И наконец навсегда закрывался онемевший рот пленника: губы сшивались веревкой или скалывались иглами кактуса. Лицо мертвого натиралось зеленой или красной краской.

Таков, согласно Ридену, «рецепт» мумификации человеческих голов «по-наскански». Другой знаток древней Америки — немецкий ученый Эдвард Зелер — высказал предположение, что насканцы уменьшали размеры головы своих поверженных неприятелей так, как это делали еще в нашем столетии другие «охотники за черепами», эквадорские хибаро. Однако найденные головы не подтверждают это предположение.

Процесс препарирования голов несчастных жертв насканских «охотников», очевидно, завершался не уменьшением размеров боевого трофея, а нанизыванием его на веревку, на конце которой была укреплена небольшая деревянная дощечка. Владелец головы просовывал эту дощечку в отверстие во лбу и поворачивал, чтобы трофей не мог свалиться. Веревку он привязывал к палке, служившей для насканских воинов некоей «орденской лентой» или «свидетельством о воин-

ской отваге». Чаще всего именно так «охотники за черепами» и подвешивали головы своих жертв. Палку с подобным украшением можно было воткнуть в землю перед жилищем или поставить внутри него, иной раз ее втыкали посреди поля, чтобы получить богатый урожай, или даже помещали в храме...

На насканских сосудах (как и на мочикской керамике) запечатлены и другие кровавые сцены, например «обрубание пленника». В этом случае на веревке висела не только отсеченная голова, но и отрубленные конечности несчастного.

С погребениями насканцев дело довольно долго обстоит так же, как и с их городами. Ученые их почти не знали. Только в XX веке археологи постепенно начинают открывать первые насканские могильники. Например, найденное на одном из притоков Рио-Гранде-де-Наска захоронение представляет собой часть обширного культового центра. К нему относится прежде всего круглое здание — центральный храм, внутри которого были найдены останки животных (по всей вероятности, принесенных в жертву), а также множество монолитов. По соседству со святилищем располагались помещения, очевидно, принадлежавшие жрецам. Позднее Уильям Дункан Стронг нашел могилы культуры Наска и в столице «охотников за черепами» — Кауачи. Могилы и здесь были связаны с культовым центром — «с «Большим храмом». Руки покойных связаны с ногами, тела их расположены лицами на юг — к «Большому храму».

В одном случае могилы наскан-

цев расположены почти у самой поверхности земли, в другом — на глубине 4—5 метров и имеют форму бутылки с овальным или круглым дном.

Могилы знатных представителей насканского общества строились с величайшим старанием; перекрытия сделаны из дерева, стены сложены из высушенного на солнце сырцового кирпича. Близкие покойного отправляли вместе с ним в последний путь мумифицированные головы пленников, а также провизию, семена (например, зерна киноа), оружие, главным образом копьеметалки и знаменитые насканские ножи с полукруглым лезвием для отделения голов от туловища.

Профессиональные грабители могильников, печально известные перуанские «уакеро», искали в погребениях насканцев золото и другие драгоценности. К слову сказать, из драгоценных металлов воры находили в могильниках древнейших индейцев только золото, хотя и не очень хорошо обработанное. Насканцы были плохими ювелирами, поэтому нам известны лишь несколько их диадем и других драгоценных изделий. Они, вероятно, не обрабатывали, за исключением золота, иных металлов (только в могильниках Акари были найдены обломки медных предметов).

Наиболее характерное украшение насканских могильников — прекрасная керамика. Знатных насканцев, как и жителей «полуострова мумий», хоронили в плащах из великолепных тканей, руки привязывали к ногам; тела покойных почти всегда обра-

щены лицом к югу, а их головы свидетельствуют об искусственной деформации черепов.

Большая часть могильников была обнаружена грабителями «уакеро». Они объединяются в банды и подчиняются нескольким «боссам» — помещикам, которые не довольствуются большими доходами с обширных угодий и хотят завладеть тем, что находится под их землями. «Уакеро» не только грабят насканские могильники, но в полном смысле слова уничтожают их. Немецкий ученый, профессор Ханс Дитрих Диссельхоф рассказывал такую историю.

Один из «уакеро» нашел глубоко под землей погребение, где было захоронено более двадцати знатных насканцев, облаченных — если верить молве — в очень красивые «одежды». Когда грабитель наконец добрался до самого склепа, стены его вдруг начали осыпаться, и казалось, что к двадцати давно умершим прибавится еще один покойник. Преступника обуял панический страх. Чтобы поскорее выкарабкаться, он начал громоздить одно мертвое тело на другое, пока не выстроил из великолепно разодетых покойников своего рода лестницу. По ней он, к своему счастью, выбрался на поверхность. Истоптанные тела знатных индейцев его уже не интересовали...

Однако время от времени археологам все же удается попасть в древнее захоронение раньше грабителей. Парадоксальный факт: самая ценная находка принадлежит не кому-либо из многочисленных археологов, а супруге одного из них, госпоже Лотроп. Жена профессора Самюэля Кирклен-

да Лотропа со своей приятельницей обнаружила в местности Чавинья весьма необычное погребальное сооружение, явно принадлежавшее важной насканской персоне. Оно состояло не из одного помещения, как обычно, а из семи соединенных вместе сырцовых камер.

В центре этого искусно построенного маленького подземного лабиринта в самой просторной из камер госпожа Лотроп нашла тело скорченного мужчины в красивой одежде и с необычайно богатыми украшениями. В соседней левой камере лежали трупы мужчины и женщины (очевидно, слуг умершего) и голова (только голова!) принесенного в жертву грызуна. В маленькой правой камере было обнаружено его обезглавленное туловище, а рядом с ним обезглавленное тело мужчины. Собственно, не совсем обезглавленное. К человеческому телу насканские погребальных дел мастера вместо головы приставили тыкву с традиционным южноперуанским головным убором — тюрбаном, знакомым нам еще по Паракасу. В специальном округлом сосуде были захоронены останки умершего ребенка. О том, что важная персона из семикамерного погребального сооружения в Чавинье была знатным воином, свидетельствует множество копьеметалок, а также наличие сопровождавших его на тот свет лиц различного пола и возраста. Особенно примечательной была находка обезглавленного грызуна, ни ранее, ни позже не встречавшаяся в погребениях Американского континента.

НИЗКИЕ ГОНОРАРЫ ОКУЛИСТА ГАФРОНА

В уникальном семикамерном погребении в Чавинье — по всей вероятности, одного из вождей «охотников за черепами» — жена археолога Лотропа нашла и произведения насканской керамики, которая с той поры, как ее впервые после столь долгих столетий вновь увидели глаза человека, вызывает восхищение культурной общечеловечности.

Автор этой книги, изучая древности Перу, посетил многие государства и видел различные археологические коллекции и собрания художественных ценностей индейцев доколумбова периода. В 1977 году он отправился в город, который в истории человечества больше связан с европейским искусством, чем с американским, а именно с творениями итальянского Возрождения, — во Флоренцию. Здесь, в Палаццо Медичи, была организована выставка произведений искусства доколумбова Перу. В изданном устроителями выставки каталоге о керамических изделиях индейцев культуры Наска говорилось однозначно, что это «самая прекрасная, самая изящная, самая привлекательная керамика Перу». А ведь каких-то 100 лет назад мир ее вообще не знал!

В 80-е годы XIX века в музеи Германской империи стали поступать необыкновенно красиво разрисованные сосуды неизвестного происхождения. Однако известен был человек, посылавший эти дары. Звали его доктор Гафрон. Этот известный немецкий окулист во второй половине XIX века поселился в столице Перу Лиме и открыл там практику.

К врачу, чья известность росла из года в год, приезжали больные со всей страны. Однако многим нечем было платить за лечение. Не зная, как выразить благодарность Гафрону за восстановленное зрение, некоторые пациенты с юга Перу приносили доктору керамические сосуды, которыми в ту пору мало кто интересовался. Ведь их было нетрудно найти повсюду, а для жителей Перу они не представляли абсолютно никакой ценности. И в то время как остальные перуанские врачи требовали от своих пациентов только денег, доктор Гафрон зачастую довольствовался старинными глиняными «черепками», которые ему нравились.

Гафрон не имел историко-художественного образования, и о гончарном деле у него было весьма ограниченное представление. Однако дары пациентов пробудили в нем интерес к древнеперуанскому искусству. Со временем он собрал великолепную коллекцию керамики культуры Наска, о которой тогда еще никто ничего не знал и даже не мог определенно сказать, какому народу она принадлежала.

Собранная Гафроном коллекция керамики, создателями которой, как мы теперь уже знаем, были насканцы, до сих пор принадлежит к числу цен-

нейших собраний древнеперуанского искусства. Все, что от нее осталось, наследники Гафрона продали за много тысяч долларов одному из чикагских музеев. Таким образом, «керамические гонорары» доктора Гафрона, вызывавшие презрение его коллег, спустя несколько десятков лет вполне себя оправдали. Их стоимость сейчас трудно выразить в долларах, марках или солях. Историческая и художественная ценность коллекции чрезвычайно велика.

Окулист Гафрон своими необычными гонорарами открыл для мира культуру, о существовании которой и не подозревал.

С коллекцией Гафрона был знаком соотечественник врача — профессор Макс Уле, открывший культуру Наска. Этот немецкий исследователь является, собственно говоря, «отцом перуанской археологии». В то время как Хулио Сесар Тельо — индеец из племени кечуа — с невероятным упорством искал и раскапывал памятники своих славных предков в горных районах Перу, профессор Макс Уле исследовал перуанское побережье. Зная о том, что пациенты-южане привозят Гафрону керамические изделия, Уле отправляется на юг перуанского побережья искать их прародину. Благодаря археологическим исследованиям немецкого ученого керамика культуры Наска на заре XX века в конце концов получила заслуженное всеобщее признание.

Открытие насканского керамического производства — это открытие красоты в подлинном смысле слова. Хотя керамика культуры Наска и не заключает в себе столь ценной этно-

графической информации о жизни своих создателей, как керамика более северной культуры Мочика, ее многоцветность и многообразие радуют глаз. Художники культуры Наска использовали для росписи сосудов до одиннадцати цветов. Они знали несколько красных оттенков (бордо, кроваво-красный, кирпично-красный), два желтых, коричневый цвет, серый, розовый, фиолетовый, охру и прекрасный цвет кости. Все эти цвета в различных комбинациях великолепно дополняли друг друга. Часто рисунки имели черный контур. На одном из сосудов было нанесено до восьми различных цветов одновременно. Однако синего и зеленого цветов творцы насканской керамики не знали. Ни о какой другой американской керамике нельзя сказать, что она была многоцветной. Один из характерных видов керамической посуды культуры Наска — сосуды, имеющие два горлышка, соединенных мостовидной ручкой. Нередко одно из горлышек бывает оформлено в виде головы человека или птицы. Довольно часто встречаются сосуды, напоминающие по форме кубок.

Все керамические изделия насканцев богато расписаны. Орнамента посуды Наска ярка и своеобразна. Это антропоморфные изображения, фигуры фантастических существ, изображения человека. На сосудах насканцев мы часто видим реалистично изображенные растения и плодовые культуры (фасоль, кукурузу, красный и желтый перец), а также животных, рыб и птиц. Художники культуры Наска любили изображать колибри и ласточек, ведь именно эти птички прино-

сили с горных склонов весть о весне. Из людей на сосудах чаще всего встречаются воины, рыбаки, танцоры и музыканты. Интересно изображение сидящего музыканта, которого археологи называют «человек-оркестр».

Наряду с реалистическими сценами керамику южноперуанских индейцев украшают и сложные изображения — человеко-ягуаро-птицы, а также хищник из семейства кошачьих, подчас со странным человеческим лицом, напоминающим маску. Выделяются рисунки голов-трофеев, с которыми мы уже знакомы. Но нас прежде всего сейчас интересуют изображения божеств в виде хищника и более реалистичные фигуры обыкновенных животных. Они напоминают другие, в тысячу раз большие по размеру изображения, может быть, самые фантастические рисунки, какие были созданы на нашей планете, — стометровые картины, «нарисованные» кем-то на поверхности земли много веков назад в период существования цивилизации Наска.

Широко распространено мнение, что археологи только и делают, что копа-

ют, роются в земле, точно кроты. Но порой необходимо взглянуть на археологию и на предмет ее изучения с большей высоты, с высоты птичьего полета. Именно таким образом было сделано, пожалуй, самое великое археологическое открытие XX века.

В начале 30-х годов в Перу появилась группа молодых людей с необычным намерением: попытаться исследовать прошлое этой страны и памятники ее доколумбовой истории... с самолета! Шел 1931 год. Авиация в Перу еще только зарождалась. Использование самолета в иных целях, чем транспортные или военные, не представлялось возможным. Неужели самолет может заменить молоток геолога? Нет, это звучало слишком фантастично! Кроме того, молодые люди поначалу не вызвали в кругу серьезных ученых особого доверия. Специалистам казалось, что речь идет о прогулке богатых сынков из США, которые, имея состоятельных родителей, могли позволить себе даже собственные самолеты.

Во главе небольшого отряда американских летчиков-любителей стоял Роберт Шиппи, сын биржевого маклера. Действительно, денег и свободного времени у него было предостаточно. Впрочем, он получил кое-какое историческое образование, а главное, был великолепным пилотом. Поскольку летать «просто так» ему уже было не интересно, он предложил своим друзьям следующий план: полетим в Южную Америку, где в неприступных джунглях, в горах и песках пустыни медленно разрушаются интереснейшие памятники древних доколумбовых культур. Сделаем их фотоснимки

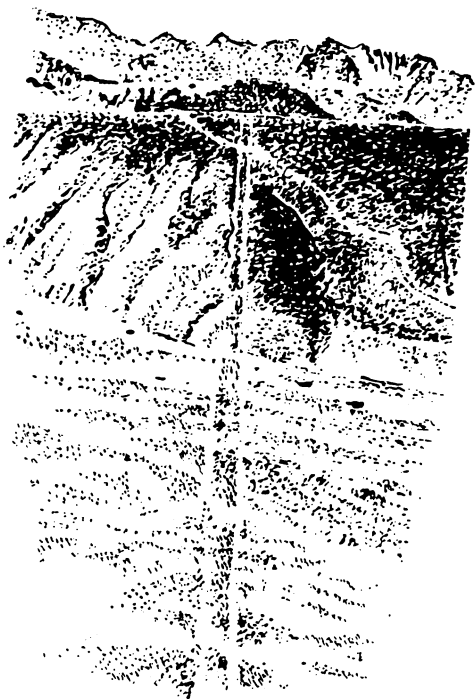
с самолета. Пусть хотя бы объектив фотоаппарата сохранит для будущих поколений древние сооружения, которые скоро поглотит всеразрушающее время.

Предсказания молодых людей из Нью-Джерси о близкой гибели святынь и пирамид древнего Перу, к счастью, не исполнились. Да и результаты экспедиции Шиппи оказались совершенно неожиданными. Они превосходили все ожидания! Шиппи объединил свои усилия с усилиями другого молодого человека — Джорджа Джонсона, имевшего значительный опыт в области аэрофотосъемки. Вместе они составили карту обширных областей Перу и, кроме того, сделали десятки тысяч снимков памятников доколумбовых культур — тех, которые уже были известны науке, и тех, о которых она дотоле не имела ни малейшего представления.

С одним из самых фантастических открытий Шиппи и Джонсона мы вскоре встретимся в государстве Чиму. Здесь, на перуанском побережье, куда впервые нога европейца ступила четыре столетия назад, молодые летчики обнаружили 80-километровый извилистый редут — поистине Великую китайскую стену Перу (с той поры ее обычно называют Великая перуанская стена). Об этом, безусловно, самом длинном и с трудом поддающемся обозрению древнеперуанском сооружении никто не знал. А нашли стену молодые люди из Нью-Джерси, по поводу «воздушной авантюры» которых большинство специалистов в лучшем случае недоверчиво пожимали плечами. Первый, кто поздравил их с этим фантастическим открытием, был

сам Х. С. Тельо, который откровенно признался, что он, посетивший каждый уголок Перу и производивший раскопки в самых отдаленных местах, не имел о ней ни малейшего представления.

Поздравление Тельо и всеобщее признание, завоеванное Робертом Шиппи и Джорджем Джонсоном, реабилитировало не только этих пионеров авиаразведки в археологии, но и воздушную археологию как таковую. Кроме того, успех экспедиции Шиппи — Джонсона доказал, что при археологическом обследовании в Перу именно разведка с самолета обещает дать новые, неожиданные результаты и открытия. И потому нет ничего удивительного в том, что менее чем через десять лет еще один ученый решил посмотреть на творения древних перуанцев с борта самолета. Звали его Пол Косок. В отличие от молодого Роберта Шиппи он как историк, заведующий кафедрой истории Лонг-Айлендского университета был прекрасно подготовлен для решения взятых на себя задач. (При этом он был музыкантом, а также автором ряда талантливых математических работ.) Не будем касаться музыкальных и математических увлечений этого одаренного человека, однако о его исторических интересах расскажем подробнее. Первоначально они вообще не были связаны ни с Перу, ни с древней Америкой. До своего появления в Перу доктор Косок занимался древнейшими культурами Старого Света, главным образом той ролью, которую в истории этих цивилизаций — например, в Месопотамии — играла ирригация. Хорошо ознакомившись с условиями

*Две насканские «прямые»
к югу от Пальпы.
Они идут параллельно
на расстоянии 2500 метров.
Правая к тому же еще сдвоена*

орошения в Старом Свете, он решил установить роль оросительных систем в Южной Америке, а конкретно — в засушливых прибрежных областях Перу. Ведь большие древние ирригационные сооружения не могли быть целиком скрыты под землей, наверняка они должны быть видны с низко летящего самолета. В то время, когда в Европе разгорелся пожар второй мировой войны, музыкант, математик и историк профессор Косок приезжает в Перу, садится в самолет и начинает искать каналы древних перуанцев в

местах, где некогда существовала великая культура Мочика, а позднее — могучая «империя» Чиму. Летал он и на юг, в район Пампа-де-Наска. Говорили, что на широком пространстве вокруг города с аналогичным названием некоторые путешественники и раньше замечали с самолета «полосы и линии», выглядевшие «в точности как каналы на Марсе».

Каналы на других планетах Косока не слишком волновали, но «марсианские гидрологические системы» в Пампа-де-Наска заинтересовали чрезвычайно. Он полетел туда, чтобы посмотреть на них, и увидел нечто невероятное. На темно-красной поверхности мертвых пустынных плоскогорий проступали желтовато-белые трапеции, треугольники и прямоугольники, часто длиной в сотни и сотни метров, многие из которых на первый взгляд напоминали очертания аэродрома. Вместе с ними по Пампа-де-Наска тянулись бесчисленные, бесконечно длинные полосы, сходящиеся в определенных точках и затем вновь расходящиеся. И посреди этого невероятного хаоса линий были рассеяны гигантские рисунки животных. В одном месте многометровая игуана, в другом — 120-метровая птица или 200-метровый ящер, а в третьем — гигантская обезьяна.

Это было нечто более фантастическое, чем придуманные каналы на Марсе. Поначалу Косок даже не смог дать увиденному определение: не с чем было сравнивать. Он, так хорошо знавший историю высоких культур Старого Света, никогда не видел такой гигантской «картинной галереи».

Когда Косок опубликовал сообщение о своем открытии с приложением десятков высококачественных фотографий, сделанных с воздуха, мир ему не поверил. Ведь через Пампа-де-Наска десятки лет проходили довольно оживленные транспортные пути, более того, ее пересекает самая важная и оживленная магистраль всех трех Америк — Панамериканское шоссе. И все же эту самую большую в мире «картинную галерею» не заметил никто, кроме нескольких случайных путешественников, которым при взгляде с воздуха бессмысленный хаос геометрических фигур и линий напоминал «каналы» на Марсе. Разумеется, профессор Косок не мог однозначно объяснить смысл странных гигантских рисунков в Пампа-де-Наска. Мы не можем точно объяснить их назначение до сих пор. Свое восхищение страной древних индейских культур и чувство благодарности за то, что она позволила открыть ему одну из своих самых удивительных тайн, Косок выразил весьма оригинально: поскольку ко всему прочему ученый был музыкантом и неплохим композитором, то свое великолепное открытие он ознаменовал большим музыкальным произведением под названием «Андская симфония».

«Андскую симфонию» на рубеже 50 — 60-х годов впервые исполнил Национальный симфонический оркестр Перу, то есть страны, которой она была посвящена. В то время Пола Косока уже не было в живых, но его симфония и сегодня звучит в перуанских концертных залах. А «картинная галерея» на пустынных плоскогорьях, которую он некогда открыл миру с

борта маленького самолета, принадлежит к самым поразительным достопримечательностям не только сегоднешнего Перу, но и всей нашей планеты.

ПРОФЕССОР МАТЕМАТИКИ НА КАНАТЕ

Казалось, фантастическая находка Косока должна была тут же приковать к археологической сенсации внимание специалистов. Однако этого не случилось. Правда, Косок открыл свою удивительную «галерею» во время страшной войны, когда у человечества были совсем иные заботы. Но и после окончания войны специалисты не проявили интереса к гигантской «картинной галерее», расположенной в Пампа-де-Наска. Не появлялись здесь даже туристы. Огромные рисунки на пустынных плоскогорьях второй раз открыл (главным образом для широкой общественности) писатель, чью книгу в отличие от ученых статей Косока читал весь мир. Называлась она «Воспоминания о будущем», а ее автором был швейцарец Эрих фон Деникен. Он размышлял о том, не являются ли гигантские, напоминающие площадки

В течение тридцати лет профессор Мария Райхе ежедневно выходит в пустыню Наска, чтобы вновь увидеть и попытаться расшифровать загадочные гигантские изображения

аэродрома, линии в стране индейцев, не знавших колеса, а тем более аэроплана, взлетными полосами для космонавтов; не связана ли эта «картинная галерея» с инопланетянами и внеземными цивилизациями?

Интерес к «посадочным площадкам космонавтов» в южном Перу еще больше возрос, когда немецкий режиссер Геральд Райнэл снял по книге Деникена большой документальный фильм и показал изображения в Пампа-де-Наска кино- и телезрителям всего света.

Бестселлер Деникена появился в 1968 году, фильм Райнэла был снят еще позже. А в течение почти целой четверти века, прошедшей с той поры,

как насканскую «галерею» открыл Косок, здешними изображениями помимо самого счастливого первооткрывателя занимался лишь один человек. Он относится, между прочим, к тому полу, который принято считать слабым.

Мария Райхе, которую мы имеем в виду, приехала в Перу из Германии. Она изучала математику, сначала в Гамбургском университете, позднее в Высшей технической школе в Дрездене, где в 1932 году получила степень доктора наук. Уже тогда она стала задумываться над возможностью использования математики для астрономических исследований. М. Райхе заинтересовалась статьей астронома Рольфа Мюллера об индейских постройках, которые в древнем Перу носили название «инти-уатана», что означает «место, где привязано солнце». Инти-уатаны были чем-то вроде обсерваторий инков. Для знакомства с ними и отправилась Мария Райхе из Германии в перуанские горы. Позднее она поселилась в Лиме, где одной из первых услышала от профессора Косока о его невероятном открытии в Пампа-де-Наска. Сообщение Косока так ее заинтересовало, что с тех пор все свое внимание она сосредоточила на этом обширном пространстве между городами Пальпа и Наска.

Косок несколько раз приезжал в Пампа-де-Наска, Райхе же буквально поселилась здесь. И не на неделю, не на месяц. К моменту последнего путешествия автора этой книги по Америке она жила здесь уже более двадцати пяти лет. На краю пустыни, где начинались обширные земельные владения асьенды Сан-Пабло, ее вла-

дельцы построили женщине-профессору глинобитную хижину. Именно хижину, а не дом. И эта временная постройка уже четверть столетия служит Марии Райхе штаб-квартирой. Долгое время это вообще был единственный исследовательский центр, где изучались странные фигуры и линии. В этом небольшом домике в полупустынных часах рисует, вычисляет, штрихует и занимается математическими расчетами профессор Райхе. С наступлением ночи смелая «женщина-Робинзон», вооруженная теодолитом*, компасом и метром, выходит на пустынные плоскогорья, «живой» облик которым придают лишь изображения страшных ящеров и пауков. Ночь она проводит тут же в пустыне, в спальном мешке. Чуть только забрезжит рассвет, она встает, чтобы разглядеть «свои рисунки» при свете первых лучей солнца, когда они с поверхности земли относительно лучше видны. Именно относительно, потому что — и это одно из самых важных их свойств — рисунки словно бы и вправду создавались в пустыне для «небесных зрителей». На земной поверхности они вообще большей частью не различимы!

Когда строители проектировали знаменитое Панамериканское шоссе через Пампа-де-Наска, они прожили в этих местах несколько месяцев. И никто не заметил ни единой «линии». Так хорошо скрыты они от взоров «земных обитателей». Когда П. Косок взглянул на Пампа-де-Наска с само-

лета, он с удивлением обнаружил, что строители проложили шоссе поперек изображения гигантского ящера и в буквальном смысле слова, как резинкой, «стерли» его ноги.

Да и профессор Райхе не могла довольствоваться лишь наземными измерениями при изучении Пампа-де-Наска. Если она хотела рассмотреть рисунки такими, как их действительно нарисовали неизвестные художники, ей, как и профессору Косоку, пришлось садиться в самолет, вернее, в вертолет. На свои скромные средства, на время от времени назначавшиеся ей стипендии Мария Райхе нанимала вертолет. Позднее министерство авиации передало ей один из военных вертолетов в постоянное пользование.

Семидесятипятилетняя женщина, имеющая звание профессора математики, теперь довольно часто садится в вертолет, чтобы увековечить «свои рисунки» с помощью фотоаппаратуры. Большинство фотоснимков сделано автоматической камерой, помещенной под корпусом вертолета на особо оборудованном сидении, поэтому съемка обычно проводится под нужным углом. Однако в исключительных случаях Марии Райхе приходится в воздухе вылезать из кабины и, привязав себя спасательным канатом, делать снимки с лесенки под вертолетом с высоты 500 метров под наиболее выгодным углом.

Вид с большой высоты, с борта самолета или вертолета, дает возможность осмотреть всю «галерею». Некогда французский художник Поль Гоген под одним из своих знаменитых произведений вместо названия поставил три вопроса: «Откуда мы? Кто

* Теодолит — угломерный инструмент, применяющийся при геодезических, астрономических и других работах. — *Прим. ред.*

мы? Куда мы идем?» При взгляде с птичьего полета на эту самую гигантскую в мире «картину» мы могли бы задать не три, а куда больше подобных вопросов, обычно выражаемых краткими местоимениями: кто, что, где, когда, почему и как? Посмотрим же с высоты, как Пол Косок и Мария Райхе, на самую большую в мире «картинную галерею» и попытаемся найти ответ на эти отнюдь не простые вопросы.

ШЕСТЬ ВОПРОСОВ ПУСТЫНИ НАСКА

Мы составили для себя нечто вроде анкеты с шестью основными вопросами. Если на каждый из них удастся дать исчерпывающий ответ, загадка пустыни Наска будет раскрыта. Разумеется, самый простой из них «где?». То есть где можно встретить упомянутые древнеперуанские «изображения»? Ориентировочно между южноперуанскими городами Пальпа и Наска. Оба они расположены на Панаме-риканском шоссе. Общая площадь «разрисованной» территории составляет несколько сот квадратных километров. Фигуры, линии и странные

трапеции расположены здесь приблизительно на расстоянии пяти километров друг от друга. Доктор Райхе, которая знает пустыню Наска как никто другой, пишет, что дождь здесь бывает примерно в течение получаса раз в два года. Это действительно маловато. Кроме того, поверхность пампы покрыта темным щебнем, поглощающим огромное количество тепла, в результате чего как бы создается горячая воздушная подушка, которая, собственно, и обеспечивает консервацию древних изображений. Хотя эта территория и принадлежит к самым засушливым зонам Перу, по ней протекает часто пересыхающая река Рио-Инхеньо, восточный приток Рио-Гранде-де-Наска, которая неподалеку от этих мест возле маленькой пристани Пуэрто-Кабельяс впадает в Тихий океан. Вокруг полумертвой Рио-Инхеньо извилистой лентой тянутся загадочные рисунки здешней пампы. Позволим себе заметить, что слово «пампа», распространенное ныне по всей Южной Америке и представленное в индейских языках — кечуа и аймара́, означает пустую, ровную земную поверхность, так что перуанская пампа разительно отличается от травянистой пампы других регионов, например Аргентины.

После вопроса «где?» должен последовать вопрос «когда?». Если мы будем знать «когда», то сможем найти ответ и на вопрос «кто?». Одним из методов, помогающих установить археологическую датировку дописменных эпох, является уже известный нам радиоуглеродный метод. Однако с помощью C_{14} можно определить лишь

возраст сохранившихся органических веществ. Но откуда взять такие органические вещества в пустыне, где, по всей вероятности, никто никогда не жил? К счастью, ученый Уильям Дункан Стронг, занимающийся прошлым южного Перу, нашел по соседству с одним из рисунков остатки небольшого деревянного столба. Возможно, создатели «галереи» поместили его здесь, чтобы ориентироваться в этом удивительнейшем лабиринте линий. Естественно, что этот бесценный столб был немедленно обследован в соответствующей лаборатории с помощью радиоуглеродного метода. В результате анализа было установлено, что древесины относится к 525 году н. э. (± 80 лет), то есть к тому времени, когда на этой территории еще не жили индейцы культуры Наска со своими воинственными вождями.

Результаты проверки подтверждают и сами изображения в Пампа-де-Наска. Многие из них весьма напоминают рисунки насканских сосудов, где нередко фигурировал кит (точнее, зубастая касатка) — одно из двух божеств воинственных насканцев (вторым был ястреб). Насканские «охотники за черепами» даже носили головные уборы в форме китового хвоста, дабы подчеркнуть, что они являются почитателями китообразных. С касатками, которым поклонялись индейцы культуры Наска, они были увековечены и на керамических изделиях. Одна из таких извивающихся касаток — только в тысячу раз больше тех, что изображены на сосудах, — начертана и в Пампа-де-Наска. А чтобы не оставалось ни малейшего сомнения в том, что этого

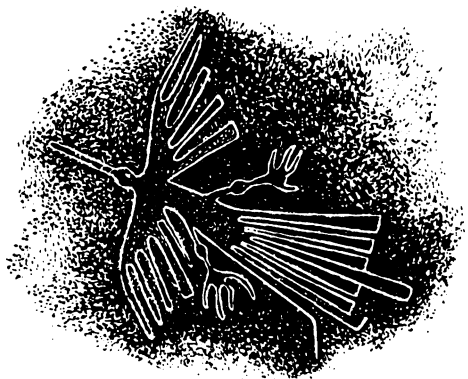
китообразного изобразили здесь неутомимые «охотники за черепами», с нижнего плавника стометровой касатки свисает стилизованная человеческая голова, знаменитый насканский военный трофей.

Другие изображения животных в долине Рио-Инхеньо также напоминают мотивы насканской керамики, поэтому на вопрос, кто является создателем уникальной «галереи» в пустыне, можно ответить: индейцы культуры Наска...

Где, когда, кто? Зададим еще один вопрос: «Что?» Что же изобразили южноперуанские индейцы на поверхности пустыни? Мы описали фантастическое открытие Косока весьма бегло. Присмотримся теперь поближе к отдельным произведениям этой «галереи»...

С первого взгляда мы обнаружим изображения трех видов. Прежде всего это прямоугольники, квадраты, треугольники и трапеции — короче говоря, все те обширные светлые пятна пампы, в которых многие видят «космодромы». Рядом с ними бесчисленное множество прямых линий и всевозможных черт, ведущих, казалось бы, в никуда, или, точнее, от горизонта к горизонту — насколько хватает глаз. Между этими линиями и геометрическими фигурами разбросаны десятки ящеров, рыб, птиц, пауков и даже человеческих фигур (все «портреты» животных и людей нынешние жители южного Перу называют просто «фигурас»). Геометрические построения, линии и «фигурас» составляют, таким образом, загадочную «святую троицу» насканских изображений.

В расшифровке всех трех видов удивительных изображений нашла свое призвание профессор Райхе. Прежде всего она попыталась дать полное описание рисунков «галереи» Пампа-де-Наска. Составить такой перечень не трудно, но подготовить каталог «картин», невидимых с земли, — это работа, которой хватит на десяток человеческих жизней. И все же многие из площадок, линий, спиралей, человеческих и звериных «фигурас» мы уже довольно хорошо знаем.

*Один из «рисунков»
в Пампа-де-Наска*

Отчетливее всего видны «фигурас», рассеянные преимущественно по склонам долины Рио-Инхеньо. Насканские «фигурас» в большинстве своем представлены знакомыми нам животными. Явное предпочтение создатели «галереи» отдавали птицам. Одни из них в буквальном смысле слова чудовищны, почти как в индейских сказках. Взять хотя бы изображение 110-метровой птицы, длинные голова

и шея которой похожи на змею. Другие же птицы изображены очень достоверно, например птичка колибри, которая на южном побережье Перу вообще не встречается. Или морской ястреб (скопá) почти 150-метровой длины, изображенный с характерно раздутым зобом, которым этот хищник устрашает остальных птиц (в такой момент они выпускают из клюва свою добычу, и морской ястреб ее подхватывает на лету).

Всего в Пампа-де-Наска «нарисовано» восемнадцать птиц. Из других животных тут представлены главным образом китообразные — касатки, большая игуана, далее уже упоминавшийся 110-метровый ящер, ноги которого «стерли» строители Панамериканского шоссе, вообще не заметив этой «зверушки». В пустыне Наска изображено также загадочное животное, напоминающее собаку с тонкими ногами и очень длинным хвостом. Кого, собственно, этот тонконогий гигант представляет — сказать трудно. Некоторые животные, особенно те, которые не живут на территории, некогда населенной насканцами, изображены настолько схематично, что их трудно отождествить с реальными представителями животного мира. Так, например, у обезьяны, довольно большой, возможно капуцина, на одной кисти передних конечностей нарисовано четыре, а на другой — пять пальцев. Ее хвост напоминает огромную спираль. Колибри, как и обезьяны, живут по другую сторону Анд, в поросших тропическими лесами низовьях на востоке нынешней Республики Перу. И потому их видели разве что насканские торговцы, путешествуя за

пределами своей территории (о чем свидетельствуют сделанные этими «купцами» рисунки на керамике). Главный центр, где они производили обмен своих изделий, должно быть, находился в районе нынешнего перуанского города Аякучо. Здесь они, очевидно, и покупали у жителей тропических лесов экзотических животных для прибрежных индейцев.

Изображения людей встречаются среди насканских «фигурас» реже. В сравнении с орнаментальными изображениями животных, которым свойственна оригинальность, они менее выразительны. Ряд изображений людей был обнаружен недавно на крутых берегах Рио-Инхеньо перуанским летчиком Солером. Порой среди них встречаются и человеко-птицы, например более чем 30-метровый человек с головой совы.

Теперь присмотримся к группе больших светлых площадок в пустыне. Они различны по форме, чаще всего встречаются трапеции. Известный перуанист, профессор Джордж Башнелл приводит, например, размеры одной из них: длина 1700, а ширина — 50 метров! Не удивительно, что эти загадочные площадки уподобляют взлетным площадкам для летательных аппаратов. И все же кое-чем они отличаются друг от друга. Достаточно снять верхний слой потемневшего от времени щебня, как под ним обнаружится весьма мягкое покрытие. Самолет или любой иной летательный аппарат даже с минимальным весом непременно провалился бы в эту податливую почву.

Но вернемся к насканским трапециям. Поскольку они столь велики и их куда меньше, чем полос, профессор Райхе смогла составить их список. Они имеют различные размеры. Типичны, например, две из них — длиной в 800 метров каждая, пересекающие друг друга крест-накрест. Кроме трапеций, на поверхности Пампа-де-Наска видно множество прямоугольников и треугольников.

По соседству с большими площадками порой прямо из тел насканских «фигурас» выходят тысячи прямых, спиралевидных и извилистых полос. Иногда они идут параллельно, затем пересекаются и вновь расходятся и убегают куда-то далеко в пустыню, за горизонт...

Прямые полосы — наиболее распространенное «украшение» Пампа-де-Наска. Они тянутся по пустыне на многие километры вверх и вниз по склону, через камни и небольшие долины, и ни одно природное препятствие не в состоянии заставить их отклониться в сторону, изменить заданное древними авторами направление.

Наряду с полосами среди «геометрических упражнений» древних индейцев особого внимания заслуживают многочисленные спирали. Как и прямые линии, они выведены с поразительной точностью, несмотря на значительные размеры. Были даже найдены две спирали — одна в другой (первая длиной 45 метров, вторая — 39 метров). Еще одна совершенная по форме спираль связана с сетью различных линий. Спиралью заканчивается и хвост не совсем точно

изображенной насканской обезьяны.

Интересен тот факт, что почти все спирали и ломаные линии, четырехугольники и другие геометрические фигуры отличаются удивительным сходством, хотя и имеют разные размеры. Создается впечатление, будто все они «нарисованы» — с необычайной точностью — с одного образца. «Фигурас», в сущности, также выполнены из геометрических элементов, повторяющихся по всей пустыне. Профессор Райхе сравнила эти элементы с элементами письменности.

«Алфавит» основных геометрических форм, из которых создан гигантский художественный памятник в Пампа-де-Наска, пожалуй, уже можно составить. В результате почти 30-летней деятельности профессора Райхе и исследований Косока мы можем составить каталог основных квадратов, треугольников, трапеций и в особенности огромных человеческих и звериных фигур, которые в пустыне легко различимы. Однако создать такую же опись тысяч и тысяч прямых линий — задача несравнимо более трудная. Пожалуй, неразрешимая. А ведь именно эти странные длинные линии позволили нам найти первую часть ответа на вопрос: зачем, собственно, люди полтора тысячелетия назад создали это фантастическое творение, для чего служили эти линии и какой смысл они имели? Но ответ на вопрос «зачем?» из-за своей сложности заслуживает отдельной главы.

ПОЧИТАТЕЛИ «КАЛЕНДАРЯ» ИЛИ ПОКЛОНЯЮЩИЕСЯ ЗВЕЗДАМ

Вопрос «зачем?», важнейший из тех, на которые мы пытались ответить, впервые задал тот, кто открыл миру эту «галерею» на юге Перу, — археолог, историк, математик и музыкант профессор Косок. С какой целью кто-то когда-то потратил столько сил на создание творения, смысл которого представляется весьма таинственным? Поначалу П. Косок не находил разумного и логичного ответа на этот вопрос.

Он лишь восторгался рисунками в пустыне Наска, как посетитель музея любит художественными произведениями, смысла которых не понимает, но чувствует их волнующую красоту. Профессор любил Пампа-де-Наска за ее особую, несколько печальную красу, ему нравилось бродить по пампе во время захода солнца, тогда красная от его лучей пустыня становилась особенно хороша. Однажды во время одной из вечерних прогулок случилось следующее: когда, словно зачарованный, П. Косок следил за последними отблесками южного солнца, он заметил, что его лучи коснулись

горизонта точно над одной из линий, у основания которой стоял ученый.

Косок сразу вспомнил, что было 22 июня, день зимнего солнцестояния в Южном полушарии. Как историк он знал, что солнцестояние в жизни представителей многих древних цивилизаций играло исключительную роль. Разве это не могло иметь место в доинкском Перу?! Так, в тот памятный день, 22 июня, последний солнечный луч осветил тайну насканских рисунков. По мнению Косока, они служили для своих создателей своего рода календарем для определения смены времен года. Гениальную догадку П. Косока более 25 лет проверяла в процессе непрерывных наблюдений продолжательница его дела профессор М. Райхе.

За четверть столетия она собрала ряд доказательств того, что линии в насканской пустыне действительно имели отношение к зимнему и летнему солнцестояниям, особенно к летнему (22 декабря).

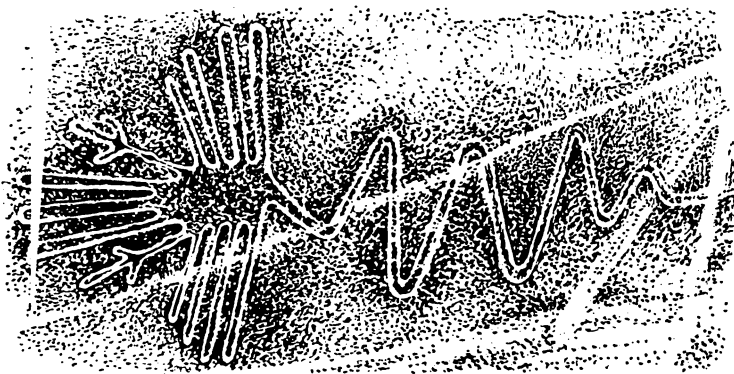
Ведь после солнцестояния в этих местах появлялось то, что жители пустынного края особенно ценили, — вода. Вода давала жизнь индейским поселениям на берегах Рио-Гранде-де-Наска и ее притоках. А может быть, именно со дня солнцестояния для создателей этих изображений начинался новый год?

Профессор Райхе обнаружила несколько линий, которые, безусловно, были связаны с солнцестоянием. Таковы, например, две параллельные линии, одна длиной в 800 метров, другая — в 425 метров. Вдоль первой точно ложился последний солнечный луч в день летнего солнцестояния

между IV и IX веками н.э., то есть в то время, когда создавалась эта «галерея», вдоль второй — между VIII и XIV веками. При этом линии чрезвычайно точны. Максимальное отклонение солнца, которое «допускалось» в этой гигантской «галерее», не превышало пяти сантиметров. Точность постигине фантастическая!

С солнцестояниями явно связаны и изображения некоторых животных. Так, например, клюв и почти 100-метровая шея диковинной птицы направлены в самую точку восхода солнца при зимнем (июньском) солнцестоянии. Из клюва другой птицы расходится множество линий, и последняя опять же точно указывает на место восхода солнца 22 декабря, в день летнего солнцестояния. Точное определение восхода солнца во время обоих солнцестояний имело огромное значение для полевых работ, для всего земледельческого цикла здешних индейцев.

Периоды солнцестояния, летнего и зимнего равноденствия играли важную роль и во многих неевропейских культурах. Так, например, автор этой книги в ходе своих путешествий в Океанию долго занимался изучением одного древнего каменного памятника (его называют Хаамонга) на острове Тонгатапу в полинезийском Королевстве Тонга. Как удалось установить, этот памятник служил древним полинезийцам для уточнения времени солнцестояния, он определял, когда на острове Тонгатапу должны начинаться земледельческие работы. Подобное же назначение мог иметь и этот «величайший астрономический атлас в мире», как назвал пустыню

*Гигантская птица
в Пампа-де-Наска.
Ее шея больше
похожа на змею.
Голова и шея
направлены к точке
восхода Солнца
во время перуанского
зимнего солнцестояния
(длина изображения —
120 метров)*

Наска профессор Косок. Но Косок высказал и другое предположение. Рисунки могли также определять место и время восхода и захода Луны. В английском Стоунхендже — этой древней обсерватории, о которой мы уже упоминали в связи с культурой Наска, — камни были явно ориентированы по восходу и заходу Луны. Культ Луны был широко распространен у представителей многих древних перуанских культур. Возможно, что именно насканская Эстакерия — деревянный Стоунхендж Перу — действительно была связана с почитанием «календаря», и в особенности с движением Луны.

Насканская «галерея» имела отношение не только к Солнцу и Луне. По мнению Косока, некоторые линии определяли позицию или движение звезд и созвездий. Из созвездий значительную роль в древнем Перу играли Плеяды, которые — что в самом деле интересно — в этих географических широтах во время солнцестояния будто бы восходят на том же месте, что и Солнце. Луна, Плеяды, другие звезды

и созвездия... Взглянем на ночное небо. На черном бархате ночи сияют десятки тысяч звезд, многие из которых, безусловно, имели для древних индейцев исключительное значение. Ныне мы едва ли в состоянии назвать все звезды, игравшие роль в астрономии древних индейцев, а возможно, и в религиозных представлениях тех, кто создал эту величайшую «картинную галерею» мира. Гигантские линии наверняка изображают не только пути Солнца, Луны или Плеяд, но и расположение и движение других звезд или созвездий. Приведем лишь один пример: наименее удачный рисунок насканской пампы — изображение обезьяны с четырьмя пальцами на одной кисти и пятью на другой — был древнеперуанским воплощением созвездия, которое создатели этой «галереи» непосредственно связывали с летним солнцестоянием (подобно тому как некоторые культуры древней Месопотамии связывали летнее солнцестояние с созвездием Рака). Игуаны, колибри или морские ястребы, очевидно, изображали другие звезды и созвездия.

Однако расшифровать южноперуанский зодиак — задача грядущих поколений археологов-перуанистов, астрономов и математиков. Эта задача не для одного-двух энтузиастов, а для целых научных коллективов. Разгадать тайну насканской пампы поможет и новейшая аппаратура, в первую очередь счетные машины, способные за несколько минут производить вычисления, на которые даже самому лучшему математику потребовались бы годы.

К счастью, в последние годы «Робинзону науки» — профессору Райхе помогают перуанские специалисты, например заместитель директора национального Музея антропологии и археологии доктор Дуксио Бонавиа*, а также исследователи из других стран, прежде всего астроном и археолог профессор Джеральд Хоукинс, сотрудник Астрономической обсерватории Гарвардского университета. Будущим поколениям ученых предстоит ответить на последний и самый сложный из наших вопросов: каким образом могли создать рисунки с такой невероятной точностью люди, которые не умели летать и которые не могли видеть с земли творения своих рук. Как они перенесли в пустыню тысячекратно увеличенные «чертежи»? Чем наносили свои фигуры и линии на поверхность земли? Какими измерительными «приборами» и мерами пользовались? Кто руководил этой работой и перерисовывал изображения гигантских пауков и игуан?

* В настоящее время он профессор Университета Каэтано Эрредиа. — *Прим. ред.*

Несмотря на то что ответ на этот вопрос дадут только будущие поколения исследователей, кое-что нам известно уже сейчас, хотя бы то, как возникали таинственные рисунки. Правда, рисунками мы называем их условно. Они были не «нарисованы». Поверхность пустыни напоминает поверхность Луны, какой мы ее знаем по фотографиям. Верхний слой почвы пустыни Наска тонок, стоит его устранить, и покажется нижний, значительно более светлый слой. Однако это заметно только с высоты, что много лет назад навело автора этой книги на мысль, не являлись ли рисунки на пустынных плоскогорьях своего рода посланиями богам. Изображения, которые древние художники хотели нанести на поверхность земли, они должны были сначала начертить в малых масштабах на своих планах, причем с исключительной точностью. Один миллиметр отклонения в «чертеже» при перенесении на земную поверхность в избранном масштабе дал бы отклонение в несколько метров, а то и в несколько десятков метров. Но мы знаем, что лучи заходящего солнца касались горизонта точно над линией длиной в несколько сот метров с максимальным отклонением в пять сантиметров. А ведь авторы насканской «картинной галереи» должны были переносить свои «чертежи» на поверхность пустыни в многократном, часто более чем тысячекратном увеличении! Для этого непременно должны были существовать измерительные инструменты и единицы их измерения.

О мерах, которыми пользовались представители доинкских индейских

культур в Перу, нам до недавнего времени вообще ничего не было известно. Однако исследования М. Райхе показали, что основная мера, которой пользовались создатели этой гигантской «картинной галереи», равнялась 1 метру 10 сантиметрам. А также что свою основную единицу измерения люди из Пампа-де-Наска умели делить на десятые доли. Таким образом, они пользовались десятиричной системой. Наиболее распространенной долей основной единицы измерения были три и шесть десятых, то есть в наших мерах 33 и 66 сантиметров. Это очень важное открытие. Правда, остается еще выяснить, какими инструментами пользовались создатели изображений. Тут в первую очередь возникают вопросы технического характера. Но необходимо задать еще один вопрос, который подчас совершенно забывают, говоря о «галерее» в Пампа-де-Наска: кто руководил этими работами? И кто их проводил? Ведь гигантские рисунки должны были наносить сотни, а возможно, и тысячи исполнителей. Поскольку все говорит о том, что «галерею» или по меньшей мере основную ее часть создали индейцы культуры Наска, можно сделать вывод, что работой руководили высокопоставленные представители насканского общества — очевидно, жрецы, а может быть, специальная группа жрецов-астрономов. Физическую работу, очевидно, выполняли рядовые представители этого общества, возможно, пленные, которым здешние «охотники за черепами» не отсекали головы.

Реализация столь грандиозного мероприятия требовала зрелой, очевид-

но, уже поистине государственной организации общественных работ. Была ли эта «галерея» делом рук государства Наска и наглядным отражением его могущества? Этот вопрос как бы замыкает круг нелегких проблем, возникающих перед учеными в связи с пустыней Наска и ее огромной, не знающей себе равных во всем мире «картинной галереей».

ИНДЕЙЦЫ В ВОЗДУХЕ, ИЛИ ИНДЕЙЦЫ С ВОЗДУХА

То, что в доколумбову эпоху индейцы не знали тайны воздухоплавания, признают все знатоки истории и культуры древней Америки. Однако рисунки насканской пампы как бы подсказывают иное мнение. И потому не удивительно, что после того, как гигантская «галерея» на юге Перу вызвала всеобщий интерес, в Пампа-де-Наска появился Джим Вудмэн. Это был человек, который искал следы древних индейцев не только на земле, но и в воздухе и пытался доказать, что далекие предки нынешних жителей этого района были способны не только создавать огромные изображения, но и подниматься в облака, обозревать

свои творения с высоты птичьего полета.

Эксперимент Вудмэна, получивший краткое название «Наска», не убедил исследователей древнеамериканских культур в том, что древние индейцы совершали полеты в воздухе. Однако сам по себе этот эксперимент настолько интересен, что с учетом некоторых вполне законных оговорок о нем стоит упомянуть.

Проекту «Наска» предшествовал — как мы уже отмечали — вопрос, на который даже тонкие знатоки индейских культур древнего Перу не могли дать исчерпывающего ответа: способны ли были древние жители пампы сделать эти «рисунки», будучи не в состоянии видеть их с необходимой высоты в несколько сот метров?

Джим Вудмэн, осматривая пустыню Наска, тоже задавал себе этот вопрос. Его ответ был более чем неожиданным: «То, что ученые до сих пор ничего не знают о летательных аппаратах древних перуанцев, вовсе не означает, что индейцы не умели летать».

Разрабатывая свой проект, Вудмэн поставил перед собой две задачи: во-первых, ответить на вопрос, какими воздухоплавательными средствами могли пользоваться жившие здесь древние индейцы, и собрать необходимые доказательства; во-вторых, попытаться воссоздать древнеперуанский воздушный корабль, то есть реконструировать его. Мы можем не во всем соглашаться с Джимом Вудмэном, однако посмотрим, каковы же были результаты эксперимента «Наска».

На вопрос, каким образом летали древние перуанцы, Вудмэн и его сотрудники дают однозначный ответ: на воздушном шаре, заполненном нагретым воздухом. Итак, к гипотетическим «летающим тарелкам» инопланетян в Наска добавляется еще одно средство авиации — воздушный шар.

Вудмэн старался обнаружить косвенные свидетельства и факты, говорящие о том, что в доколумбовой и послеколумбовой Америке были известны полеты на воздушном шаре. Сведения он собирал не один, а с большой группой сотрудников — любителей и профессионалов — Международного общества исследователей (*International Explorers Society*) с центром в Корал-Гейблз, во Флориде, которое и финансировало проект «Наска». Но главное, это общество предоставило в распоряжение Вудмэна штаб добровольных и профессиональных сотрудников. Важнейшим открытием этой «документационной группы» проекта «Наска» было открытие полета ныне практически не известного ни в Европе, ни в США Бартоломеу де Гусмана, жителя Южной Америки. Задолго до исторического полета в Видалон-лез-Анноне, совершенного в 1783 году на воздушном шаре и прославившего французов братьев Этьена и Жозефа Монгольфье, Бартоломеу предложил проект создания шара, который наполнялся нагретым воздухом и предназначался для транспортировки людей. Памятник теперь уже забытому латиноамериканцу автор этой книги видел на одной из площадей бразильского портового города Сантус. Его некогда

поставили своему земляку-изобретателю благодарные жители города.

Бартоломеу де Гусман родился в 1685 году в Сантусе. В семье его отца, местного тюремного врача, было восемнадцать детей. А поскольку при таком многочисленном семействе отцовского заработка явно не хватало, родители отдали талантливому Бартоломеу на воспитание отцам-иезуитам. Юноша учился в местном колледже, который, между прочим, считался одним из лучших учебных заведений колониальной Америки. Тут преподавали иезуиты, которые ранее были миссионерами в самых отдаленных местах принадлежавшего индейцам континента. Возможно, что кто-то из этих образованных мужей и подсказал молодому священнику идею создания подобия воздушного шара, который, по мнению сотрудников Международного общества исследователей (МОИ), использовался в древнем Перу.

Каким бы ни был источник «аэронавтического» вдохновения, результаты не замедлили сказаться. 8 августа 1709 года Бартоломеу де Гусман — это подтверждают письменные свидетельства — прибыл в Португалию и явился на аудиенцию к королю. Он предложил ему проект создания шара для полетов над землей при помощи нагретого воздуха и тут же продемонстрировал уменьшенную модель такого летательного аппарата. Оболочка была из хлопчатобумажной материи, корзина сплетена из прутьев. Гусман развел под соплом огонь, и на глазах восхищенных короля и его свиты модель воздушного шара поднялась в небо.

Демонстрация была более чем убедительна, и король не возражал против строительства воздушного шара. Более того, он распорядился оказать молодому иезуиту финансовую поддержку для создания летающего корабля, в корзине которого мог бы поместиться взрослый человек. Одновременно Гусман получил от короля то, что нынче мы называем патентом, — разрешение, дающее право только ему (и никому более) строить такой летательный аппарат.

Молодой бразилец принялся за дело, и уже в октябре, то есть через два месяца после демонстрации модели, воздушный шар был готов к полету. Его назвали «*Passarola*», что в переводе с португальского означает «Воробышек». Говорят, что шар будто бы несколько раз пролетал над Лиссабоном на высоте более 1000 метров. Единственным пассажиром был сам Бартоломеу де Гусман, которого лиссабонцы стали называть «O Voador» (дословно: «Летающий человек»).

Но горе тому, кто возносится к звездам, когда все прочие остаются на земле. Зависть и интриги (даже со стороны братьев-иезуитов собственного ордена) вскоре послужили причиной трагического поворота в жизни «Летающего человека». За свои «грешные» идеи он должен был предстать перед судом инквизиции. Пришлось бежать из Португалии в Испанию. Бартоломеу де Гусман умер в Толедо в возрасте тридцати восьми лет всеми забытым изгнанником. Так же быстро был забыт и его воздушный шар. Помнили о Гусмане лишь жители его родного города. На почтовой марке, выпущенной в 1944 году и стоявшей

120 крузейро*, изображены Гусман и его воздушный шар. У последнего своеобразная форма, напоминающая перевернутую пирамиду. Именно так, согласно утверждениям инициаторов проекта «Наска», выглядели и предполагаемые воздушные шары перуанцев доколумбовой эпохи.

Зная форму воздушного шара индейцев, Вудмэн и его друзья стали искать материал, из которого древние перуанцы могли соорудить свой воздушный корабль. Монсеньор Гусман для верхнего покрытия «Воробышка» использовал хлопчатобумажную ткань. Хлопчатобумажными тканями, как было известно сотрудникам Международного общества исследователей, пользовались и древние насканцы. Но были ли они достаточно плотны и пригодны для верхней оболочки воздушного шара?

Ответить на этот вопрос участникам проекта «Наска» помог один из членов МОИ — ее представитель в Перу Михаэль де Бакей. Он заведовал в Лиме туристским бюро, которое специализировалось на прогулочных полетах над «картинной галереей» в Пампа-де-Наска.

Бакей не верил в пустынный «космодром», не заинтересовала его и теория о «взлетных полосах». Внимание руководителя туристского бюро привлекли «отверстия» в земле, главным образом по краям трапеций и прямоугольников. Обнаруженные здесь кучки камней производили такое

впечатление, будто длительное время находились под воздействием сильного жара. Так же выглядели и почерневшие камни в окружности 10—15 метров от каждого из «отверстий».

Обгорелые края светлых площадок в Пампа-де-Наска можно объяснить по-разному: возможно, создатели гигантских «рисунков» разжигали здесь большие костры, чтобы погреться (ведь ночью в пустыне становится холодно), а может быть, они устраивали кострища в честь своих божеств или, может быть... Де Бакей предложил другое толкование. Не обрабатывали ли индейцы в ямах свои ткани дымом для того, чтобы придать им большую плотность? Не исключено, что обработанная дымом материя повышала прочность оболочки воздушного шара!

Члены МОИ решили провести эксперимент. Они начали искать неразграбленные могилы насканцев, чтобы получить в свое распоряжение более или менее хорошо сохранившиеся ткани. Затем, взяв несколько керамических сосудов, на которых был якобы изображен полет воздушного шара, а главное, шесть образчиков насканских тканей, они вылетели в американский город Су-Фолс (штат Южная Дакота), где находится крупнейший в мире завод по производству аэростатов, приводимых в движение нагретым воздухом.

Результаты испытания насканских тканей в лабораториях фирмы «Рейвен» были весьма положительными. Хлопчатобумажные ткани насканцев оказались значительно плотнее совре-

* По курсу 1950 года (июль) 1 крузейро был равен 0,054 доллара. — *Прим. ред.*

менных тканей. В настоящее время аэростаты производят из тканей, на одном квадратном сантиметре которых насчитывается 65×35 волокон. На квадратном сантиметре древних насканских тканей содержалось 75×40 волокон, а в образчике парадной ткани — даже 80×45 волокон! Итак, индейцы полторы тысячи лет назад умели вручную вырабатывать значительно более плотные ткани, чем те, которые вырабатывают самые современные станки. Остальные лабораторные испытания также прошли успешно. Ткани не были тяжелыми. Измерительный прибор — тестер «Фрейзер 513» — засвидетельствовал еще один невероятный факт: воздухопроницаемость у древнеперуанских тканей меньше, чем у тех, из которых ныне изготавливают парашюты.

Итак, лабораторная проверка тканей древних насканцев показала, что из них можно изготовить воздушный шар, пригодный для полета. На этом закончился первый этап эксперимента.

Вудмэну и его коллегам не удалось доказать, что перуанские индейцы сооружали воздушные шары, приводимые в движение нагретым воздухом, однако они все же установили, что далекие предки современных индейцев могли создавать из известных им материалов летательные аппараты, не нуждающиеся в двигателе. Этот результат исследований открыл путь ко второй части эксперимента, конечную цель которого можно коротко выразить одним словом: полет.

ЗАХОРОНЕНИЕ С ПОМОЩЬЮ ВОЗДУШНОГО ШАРА

Для того чтобы доказать обоснованность своих предположений, сотрудники Международного общества исследователей под руководством Джима Вудмэна решили соорудить воздушный шар и подняться над насканской пампой. Естественно, что работу по производству шара они поручили выполнить фирме «Рейвен», которая кропотливо изучала все собранные ими материалы.

Воздушный шар получил свое название «Кондор-1» в честь пернатого царя облаков, почитаемого во всем Перу. По форме «Кондор» напоминал «летательный аппарат» Бартоломеу де Гусмана, то есть перевернутую вверх дном пирамиду. Корзину сплели из тоторы (тростника, растущего по берегам высокогорного озера Титикака, у границы нынешнего Перу с Боливией) индейцы народности аймара из прибрежной деревни Уатайата.

Когда «Кондор-1» был готов, он напоминал гигантский перевернутый треугольник высотой в 25 метров с таким же основанием наверху. Хлопчатобумажный воздушный шар имел объем 2250 кубических метров. Рассчитанная на двух членов экипажа

гондола 2,5 метра в длину и 1,5 метра в высоту повторяла традиционную форму индейских челнов, плавающих по перуанским горным озерам. Между прочим, индейцы аймара строили папирусную лодку «Ра-2» для знаменитого норвежского мореплавателя Тура Хейердала. Но вернемся к гипотетическому индейскому воздушному шару и проекту «Наска», который должен был решить вопрос о возможности воздухоплавания в древнем Перу. Индейцы деревни Уатайата сплели довольно надежный и недорогой челн. Гондола для «Кондора-1» обошлась организаторам в общем дороже проекта всего в 43 американских доллара. Сначала ее переправили из Уатайаты в столицу Боливии Ла-Пас, затем «Боинг-727» перенес гондолу в Лиму. Вслед за этим ее отправили во Флориду, а оттуда уже собранный «Кондор» попал в пункт своего назначения — в Перу, страну, которую некогда населяли насканцы.

Поскольку корзина была рассчитана только на двух членов экипажа, автор проекта — он же пилот — должен был найти себе спутника по полету. Вудмэн выбирал долго и наконец нашел лучшего из лучших — тогдашнего чемпиона мира по полетам на аэростатах, приводимых в движение нагретым воздухом, англичанина Джулиана Нотта, который незадолго до того поднялся в индийском городе Бопал на головокруглую высоту — 13 980 метров.

Джим Вудмэн и Джулиан Нотт в сопровождении почетного штаба сотрудников направились в то место, которое некогда дало первый импульс для создания этого оригинального

проекта. Свой испытательный полет они хотели осуществить именно здесь, в южноперуанской пустыне Наска, неподалеку от Кауачи, бывшего главного города насканцев. Здесь сотрудники МОИ выкопали яму для костра, своего рода огненный тоннель.

После приготовлений и ряда пробных полетов малых бумажных шаров, какие сейчас делают для забавы детей многие латиноамериканцы в разных уголках своего континента, наступил наконец долгожданный день: помощники зажгли огонь, и «Кондор» стал медленно наполняться горячим воздухом. Вудмэн и Нотт взлетели. Они достигли на своем необычном воздушном корабле высоты около 130 метров и увидели с воздуха насканские изображения, как некогда, по мнению Вудмэна, видели их сами насканцы — проектировщики и творцы этой гигантской галереи.

Хотя Нотт и Вудмэн на всякий случай запаслись парашютами, «Кондор» спокойно опустил их на землю. Но как только оба воздухоплавателя выскочили из гондолы, диковинный воздушный шар, избавившись от груза, неожиданно подскочил, словно норовистый конь, и снова поднялся в воздух. Он летел над насканскими «рисунками» на высоте нескрльких сот метров, причем летел как-то странно, как бы танцуя. Пролетев несколько километров, шар приземлился в отдаленной части пампы.

Первой, кто поздравил Вудмэна, Нотта и остальных присутствовавших при этом сотрудников МОИ с успешным окончанием эксперимента, была «некоронованная королева пустыни Наска» Мария Райхе. Дождлся на-

грады и необычный воздушный шар, украшенный изображением одной из птиц, запечатленных в этой «картинной галерее». Он был включен в постоянную экспозицию музея аэронавтики Лимы.

Казалось бы, успешным полетом управляемого и в то же время неуправляемого «Кондора» эксперимент удачно завершился. Но это было не все. Инженеры компании «Рейвен», сконструировавшие для Вудмэна «Кондор», обратили внимание ученых на особое свойство шаров, приводимых в движение нагретым воздухом. Мы можем назвать его «солнечным эффектом». Если на географической широте пустыни Наска «Кондор» поднялся бы на определенную высоту (приблизительно 1500 метров), солнечное тепло уравнивало бы процесс охлаждения воздуха в шаре и последний поднимался бы все выше, до тех пор пока солнце не перестало греть и не наступила прохладная ночь.

Шар следовало окрасить в темный, желательно в черный цвет, чтобы солнце нагревало его как можно сильнее. Если бы такой черный воздушный шар поднялся здесь, в пустыне Наска, он летел бы, провожаемый взглядами древних перуанцев, прямо к Солнцу, туда, где прекраснейшее из небесных светил заканчивает свой дневной путь, и скрылся бы из виду далеко на западе, над Тихим океаном. В связи с этим Вудмэн сразу вспомнил предания перуанцев об инках. Каждый Инка (верховный правитель), будучи потомком своих легендарных праотцев, считался «сыном Солнца». Согласно преданиям, некоторые Инки после смерти снова возвращались к Солнцу.

Автор проекта «Наска» не принял в расчет, что древние инки жили намного позже насканцев и нам не известны предания последних. Мы даже не знаем, кто, собственно говоря, правил индейцами в доинкском государстве Наска. Вудмэн считал (и в этом есть своя логика), что если воздушный шар могли изготовить представители культуры Наска, то почему этим искусством не могли овладеть инки, которые жили в Перу позднее! И потому Вудмэн высказал идею столь же поразительную, как и его более ранняя гипотеза о существовании воздухоплавания в древнем Перу: верховных правителей инков хоронили с помощью воздушных шаров!

Тело умершего Инки укладывали в гондолу черного воздушного шара, и тот уносил останки покойного к Солнцу. А когда на западе дневное светило погружалось в волны Тихого океана, вместе с ним погружался в волны и воздушный шар с телом правителя.

Мы не могли не рассказать о проекте «Наска» и оригинальных представлениях о погребении инков в древнем Перу. В ходе эксперимента Вудмэн стремился доказать, что насканцы и их последователи владели великой тайной воздухоплавания, что они не только наблюдали за небесными телами и поклонялись им, но умели и возноситься к ним, взлетать к Солнцу и звездам.

Вудмэн со своим проектом «Наска» — не единственный, кто искал следы древних перуанцев в облаках. В этой связи автору книги припоминается одно этнографическое путешествие по следам древних индейцев

перуанских Анд, которое привело его на самый север этого могучего горного хребта, в южноамериканскую Колумбию. В подвалах Национального банка Колумбии в Боготе хранятся невероятные богатства: десятки тысяч золотых, порой весом несколько килограммов, предметов*. Все, что в этой стране удалось уберечь от грабежей испанских конкистадоров.

Защищенный бронированными щитами выставочный зал в Национальном банке называется *Museo del Oro* — Музей золота. Большая часть его экспонатов вызывает восхищение своим художественным замыслом и мастерством исполнения. Один из экспонатов музея вызвал особый интерес у автора этой книги. Речь идет об игрушке, напоминающей планер. У нее есть корпус, крылья, даже некое подобие хвостового руля. То есть все, что свойственно аэроплану. Несмотря на столь явное сходство, долгое время этот экспонат считали рыбой и даже неким колумбийским крылатым насекомым, хотя и не все ученые соглашались с подобными утверждениями. Споры продолжались до тех пор, пока известный знаток древнеамериканских культур доктор Андерсен не задал вопрос, много лет не дававший покоя некоторым археологам. Вопрос был необычный: не является ли предмет, так похожий на планер, и в самом деле планером?

Доктор Андерсен сам не мог ответить на этот вопрос и передал загадочную игрушку на экспертизу специа-

листам-авиаконструкторам. Они испытали ее в аэродинамической трубе. Результат оказался поразительным: летные данные золотой крылатой игрушки, точнее, планера оказались превосходными. Если бы по этому образцу была построена настоящая модель, она летала бы со значительной скоростью. Причем управление подобным летательным аппаратом было бы относительно простым.

Так мы впервые в истории культур Южной Америки встречаемся со словом «планер».

До тех пор пока до конца не будет разгадана тайна пустыни Пампа-де-Наска, ее «картинная галерея» будет вызывать самые различные идеи и фантазии. А в древнем Перу фантазия и реальность часто так тесно переплетались, что мы с трудом можем сказать, что тут, собственно, фантазия, а что — реальность*.

ЧТЕНИЕ КАМЕННЫХ КНИГ

Эксперимент Вудмэна, несмотря на оригинальность, пока не убедил спе-

* Автор неточен. Вряд ли вес хотя бы одного предмета из Колумбии достигает 1 килограмма. — *Прим. ред.*

* «Гипотезы» о планерах и воздушных шарах, на которых якобы могли летать индейцы, — это выдумка любителей сенсаций. Жаль, что М. Стингл воспринимает их, хоть и отчасти, серьезно. — *Прим. ред.*

циалистов по культурам древнего Перу в том, что индейцы умели летать. Но они вновь приковали внимание широкой общественности к пустыне Пампа-де-Наска. Первая фраза сообщения Вудмэна о проекте «Наска» звучала так: «Наска — сложнейшая археологическая загадка Южной Америки и вместе с тем одно из прекраснейших произведений искусства во всем мире».

Итак, загадки Наска продолжают притягивать к себе людей. И не удивительно, что появляются авторы все новых и новых удивительных «открытий» и «проектов», которые высказывают чрезвычайно смелые предположения. Они приписывают насканцам какие угодно изобретения.

Данная книга посвящена истории доинкских культур Перу, а не фантастам и фальсификаторам. Однако, если автор хочет рассказать об открытиях в области древних индейских культур, он не может не упомянуть и о тех «открытиях», которым сам не доверяет.

Одно из них связано с долиной реки Ика. Во многих статьях это «открытие» чаще всего называют так: «каменная книга из Ики».

Долина реки Ика всегда играла в истории южноперуанских индейцев значительную роль. Она была вторым важнейшим местом поселения индейцев культуры Наска. Здесь же были сделаны и многочисленные находки предметов культуры южноперуанских «охотников за черепами». Это бесспорные факты. Когда исследователи заинтересовались культурой Наска, их внимание постепенно привлекли и другие насканские долины — долины

рек Акари и Каньета. Впервые разгадчики тайн древнеперуанского прошлого обратили свои взоры к долине реки Ика тогда, когда начали задумываться над назначением еще одной большой «картины» на поверхности земли, сохранившейся в этой части Перу. Этот «рисунок», или, как говорят специалисты, геоглиф, действительно существует, но не в пустыне Пампа-де-Наска, а прямо на берегу моря, на усеянном щебнем склоне, спускающемся к Тихому океану, в области Писко.

Геоглиф в Писко — как и насканские «картины» — на самом деле не начертан на земле, а составлен из темных камней, резко выступающих на более светлой поверхности земли. Этот геоглиф видели, вероятно, еще первые европейцы, посетившие южное Перу. С моря он очень хорошо заметен, даже с большого расстояния. Это не удивительно, ведь геоглиф занимает площадь более 200 метров!

Трудность состоит в том, что знатоки индейских культур южного Перу расходятся во мнении, кого или что эта «картина» изображает. По внешнему виду она более всего напоминает трезубец бога морей Нептуна. Но поскольку образ Нептуна был создан в период существования другой великой культуры и ее бог властвовал над совсем иными морями, античного владыку вод при размышлениях о геоглифе в Писко можно исключить.

Одни в трех ответвлениях «пискоского трезубца» видят ветви южноамериканского кактуса; другие — легендарное «древо жизни», а третьи — символ некоей местной, древнеамериканской «святой троицы».

Поскольку огромное изображение в Писко было воспроизведено индейцами там, где земля встречается с морем, естественно, с самого начала в нем видели своеобразный маяк. В связи с этим возникает вопрос: кому этот трезубец-маяк должен был указывать направление? Древним индейским лодкам или... Мы знаем, что в Пампа-де-Наска многое связано с небесами и воздухоплаванием, поэтому, пытаясь объяснить назначение «маяка» в Писко, зададим еще один вопрос: не указывал ли гигантский прибрежный геоглиф путь тем, кто плыл по воздуху?

Люди, задававшие подобный вопрос и положительно на него отвечавшие, шли в своих рассуждениях дальше и спрашивали: куда же, в каком направлении указывал гигантский «верстовой столб»? Одни уверяли, что к пресловутым «взлетным площадкам космонавтов» в пустыне Пампа-де-Наска, другие утверждали, что острие трезубца указывает не в сторону пустыни, а на другую близлежащую долину — долину реки Ика. К последним принадлежит любитель археологии и древней истории перуанский врач Хавьер Кабрера Даркера, работающий в Университете города Ика, ныне административного центра области Наска.

Х. Кабрера Даркера, потомок основателя города Ика испанца дона Херонимо Луиса Кабреры, предложил миру свои находки. Если находки оказались бы подлинными, они превратили бы город Ика и долину реки с тем же названием в археологическую метрополию Америки, а их древних жителей — в древнейших людей мира. Находки Кабреры в прямом

смысле слова имеют немалый вес, поскольку они каменные. Профессор заявил, что он будто бы нашел тысячи «томов» доисторической «каменной библиотеки», в «каменных книгах» которой — опять же будто бы — запечатлена почти вся история человечества. Эти черные «каменные книги», на которых тонко, но глубоко, в типично древнеперуанском стиле, прорезаны человеческие фигуры (часто во время самых невероятных занятий), собраны их «первооткрывателем» доктором Кабрерой в его небольшом частном музее в городе Ика, называемом *Museo de Gliptolitos* (Музей гравированных камней). «Грабадос», или гравюры, представленные в музее доктора Кабреры, относятся к двум совершенно различным эпохам. На одних гравюрах изображены люди, как будто жившие в долине Пампа-де-Наска десять тысяч лет назад или еще раньше. При этом изображенные древние перуанцы наблюдают небесные тела в подзорную трубу, рассматривают что-то в лупу. На сотнях камней начертаны сцены проведения хирургических операций: кесарево сечение, пересадка печени и даже мозга!

Некоторые из «хирургических рисунков» в «каменных книгах» города Ика представляют интерес.

На гравюрах широко представлены операции по пересадке сердца, привлекавшие внимание мировой общественности только с того момента, когда первые подобные эксперименты провел профессор Кристиан Барнард.

Бросается в глаза тот факт, что предполагаемые создатели «каменной библиотеки» из города Ика уделяли большое внимание хирургии и меди-

цине вообще. А кто первый опубликовал материал об этих «находках» в печати, выставил гравюры в своем музее и был самым ярким защитником их подлинности? Человек, который сам по профессии врач, хирург.

На одних «каменных книгах» доктора Кабреры изображены люди долины реки Ика, жившие более десяти тысяч лет назад. На других мы видим человеческие фигуры в окружении животных, обитавших на земле сотни тысяч, а возможно, и миллионы лет назад!

С особой тщательностью на камнях из города Ика прорисованы динозавры, брахиозавры, тиранозавры, стегозавры и прочие допотопные чудовища. На них нападают вооруженные топорами, стрелами или ножами люди.

Некоторые «каменные книги» из Ики представляют собой некий древний географический атлас, а именно доисторическую карту мира. Мы видим Африку, Европу, Австралию и Лемурию. На следующей «странице атласа», то есть на другом камне, рядом с обеими Америками изображена Платонова Атлантида и еще более легендарная страна Му!

Каменные гравюры были будто бы созданы представителями некоей древней перуанской культуры, которые десять тысяч лет назад посредством огромной «каменной библиотеки» хотели оставить о себе память, но были уничтожены, видимо, в результате гигантской природной катастрофы (очевидно, потопа), приближение которой они предчувствовали. Так по крайней мере объясняет смысл появления гравюр книга с характерным названием «Тайна Анд». Авторами

указанной книги были три француза, которых в отличие от мало кому известного перуанского врача знали не только в их стране. Благодаря их книге мировая общественность заинтересовалась гравированными камнями Кабреры. Первый из авторов, Робер Лаффон, является владельцем и директором одного из крупнейших европейских издательств; второй, Франсис Мазьер, интересуется древними культурами Океании; кроме того, он известен своей книгой «Тайна острова Пасхи». Соавтор Лаффона и Мазьера писатель Робер Шару многие годы занимается загадками древних эпох человеческой истории. Его перу принадлежит несколько книг, часть которых была издана за границей.

Р. Лаффон, Ф. Мазьер и Р. Шару в 1973 — 1974 годах несколько раз ездили в Перу, чтобы на месте, то есть в городе Ика, ознакомиться с каменными гравюрами доктора Кабреры. Позже они выпустили книгу «Тайна Анд», о которой мы уже упоминали.

СВИДЕТЕЛЬСТВО «МЕРТВОГО БЫКА»

Тайна камней Кабреры и в самом деле более чем загадочна. Директор Музея гравированных камней не слишком много говорил о своих «каменных книгах». Но из «Тайны Анд» мы

узнаём, что коллекция доктора насчитывает примерно одиннадцать тысяч экземпляров, что составляет лишь малую толику великой «каменной библиотеки», будто бы находящейся где-то в долине реки Ика. Кабрера никому не говорил, откуда взяты «его» камни. Почему? Как объясняет сам доктор, из страха перед любителями приключений и романтики, которые быстро уничтожили бы эту древнюю «библиотеку», как сейчас уничтожают изображения в Пампа-де-Наска. Кабрера не единственный, кто владеет в Перу такими камнями. Все «грабадос» доктора, как и экспонаты других коллекционеров, найдены в окрестностях деревни Окукахе, расположенной в тридцати километрах от города Ика, в бассейне одноименной южноперуанской реки. (Между прочим, серьезные исследователи некогда нашли в Окукахе, то есть за пределами полуострова Паракас, следы культуры Паракас). Все «каменные книги» — из андезита. Их поверхность — по крайней мере на фотографиях — покрыта патиной старины.

Первые камни будто бы нашли в середине 50-х годов жители Окукахе, братья Карлос и Пабло Сольди. Первыми коллекционерами стали начальник Перуанской морской академии полковник Хлиас и архитектор Сантьяго Агурто Кальво, ректор Перуанского политехнического института. Их коллекции, собственно говоря, никому не известны. Зато большая коллекция Кабреры после посещения музея Лаффоном, Мазьером и Шару стала известной во всем мире.

Первым, кто увидел «каменные

книги» города Ика, из числа знатоков древнеперуанских культур был Джон Хоулэнд Роу — один из крупнейших современных перуанистов, открывший множество насканских поселений. Его вывод в 1968 году был однозначен: подделка.

Быть может, перуанский доктор хотел этой диковинной «библиотекой» воздвигнуть памятник своему городу и долине, который поднял бы Ику в глазах всего мира на одно из самых почетных мест? Ведь Европа XVIII и XIX веков знает немало литературных подделок, вышедших из мастерских горячих патриотов. Не является ли и «каменная библиотека» из города Ика такой подделкой? В связи с этим можно задать вопрос: если поддельная «каменная библиотека» в музее Кабреры содержит такое огромное количество «книг», кто же выгравировал на них сложные и тщательно выполненные рисунки? Ведь «библиотека» Кабреры будто бы насчитывает одиннадцать тысяч камней! А это работа для десятков умелых мастеров. Быть может, в Окукахе или где-нибудь еще в долине реки Ика существует единственная в своем роде «мастерская» по подделке «каменных книг», а местные жители, снабженные образцами, гравировать на камнях сотни допотопных ящеров и сложнейшие хирургические операции? В таком случае они обязательно должны иметь образцы, ибо полуграмотные жители всеми забытой южноамериканской деревушки едва ли могут знать, чем стегозавр отличается от брахиозавра, и вряд ли осведомлены обо всех нюансах сложных хирургических операций. Об этом может знать лишь человек разносторон-

них интересов, каким является и доктор Хавьер Кабрера Даркера, первый выставивший «каменные книги» для обозрения и с чьим именем эти гравюры чаще всего связывают. Весьма вероятно, что сам он и поставляет мастерам, создающим «каменные книги», образцы для их рисунков. В противном случае «каменная библиотека» из насканской долины перевернула бы наши представления об историческом прошлом и не дала бы спокойно спать тем, кто над этим прошлым размышляет. Ведь не дала же она спать Лаффону, Мазьеру и Шару. Последний закончил вводную часть своего рассказа о посещении «каменной библиотеки» города Ика словами: «Я не мог спать три ночи».

Однако других ученых коллекция Кабреры не лишила сна. Они видят в ней, как и знаток древней Наски профессор Роу, обыкновенную подделку. Трудоемкую и, возможно, задуманную из патриотических побуждений, из любви к Ике, к Наске, к Перу, но тем не менее подделку. Вместе с тем не исключено, что древнеперуанские индейцы действительно оставили после себя множество камней с выгравированными рисунками, которые для всякого, кто сумеет их прочесть, явятся ценными документальными свидетельствами о жизни, взглядах и представлениях этих людей и об их культуре.

В южном Перу одну такую значительную каменную «галерею» обнаружил ученый, чье имя мы уже упоминали, — бывший директор Берлинского этнографического музея профессор Ханс Дитрих Диссельхоф. Его находка получила название «Мертвый

бык», которое не очень вяжется с такой строгой наукой, как археология. Так в переводе с испанского именуется место в бассейне реки Махес, где были найдены некоторые камни этой «галереи». За ними профессору Диссельхофу не понадобилось отправляться далеко. Камни из «Мертвого быка» ему доставили прямо в университетский город Арекипу, где он преподавал. Ассистент Диссельхофа перуанец Элой Линарес увидел однажды, как из грузовика разгружали плиты из белого песчаника, предназначенные для какого-то строительства, ведь весь город был построен из этого светлого материала. Плиты были испещрены темными линиями, изображающими людей, различных животных и геометрические фигуры.

На вопрос о происхождении разризованных камней шофер грузовика ответил, что привезены они с асьенды «Мертвый бык», расположенной на нагорной равнине, высоко над долиной реки Махес. Вскоре профессор Диссельхоф действительно нашел на территории этой асьенды множество таких камней. Некоторые из них, явно древнего происхождения, указывали на присутствие в этом уголке юга Перу, далеко от Чавина, представителей этой культуры. На одной каменной плите был изображен типично чавинский получеловек-полуягуар с рассеченной грудью. На других были запечатлены ягуары, олени, лисы и змеи. На одном из камней была великолепно выгравирована маска божества, глаза которого метали молнии.

Когда первооткрыватель «Мертвого быка» Диссельхоф задумался над смыслом этих рисунков и других древ-

неперуанских изображений на камне, он заметил: «В исторической перспективе самым старым видом письменности является изображение. Что же касается древних перуанцев, то они в отличие от майя и мексиканцев не знали секрета изготовления бумаги. И потому до самых поздних времен записывали свою историю на камнях и скалах».

«Мертвый бык» Линареса и Диссельхофа представляет собой, таким образом, индейскую «каменную библиотеку», которая действительно существовала. Камни же Кабреры явно не более чем прекрасная подделка. Камень в самом деле мог заменять индейцам доколумбова Перу бумагу, книгу. И только от нас зависит, сумеем ли мы правильно прочесть каменные послания представителей древнеперуанских культур.

«КОНЕЦ ИНТЕРМЕДИЙ»

Если преемников чавинцев на южном побережье Перу (культуры Наска и Паракас) археологи могут назвать, то о тех, кто после почитателей ягуара взял в свои руки бразды правления на северном побережье страны, науке известно несравнимо меньше. Весь постчавинский, предмочикский период в

истории северного побережья до сих пор окутан туманом неизвестности. Покрыты мраком забвения и многие малые «местные культуры», некогда процветавшие в североперуанских долинах.

Однако в некоторых районах археологи все же постепенно проникают сквозь завесу неизвестности. В североперуанской долине Виру благодаря комплексным исследованиям удалось получить сведения об одной из таких постчавинских и домочикских культур. Знакомство с ней — это результат научной деятельности, не имеющей себе равных в истории исследования доколумбова Перу. С 1941 года Институт по изучению Анд (*Institute for Andean Reserch*) начал посылать в отдельные области Перу археологические экспедиции. Экспедиция 1946 года под руководством профессора Гордона Уилли работала в долине реки Виру. Она не только изучала найденные здесь золотые или иные образцы индейского искусства обработки металла, но и исследовала условия жизни древних обитателей долины, размеры и характер их поселений, развитие сельскохозяйственного производства, а также возникновение оросительных систем, которые играли на перуанском побережье исключительно важную роль.

Таким образом, проект «Виру» означал попытку собрать комплексные сведения о жизни доколумбовых обитателей долины во все периоды ее заселения. К участникам экспедиции присоединились сотрудники различных зарубежных университетов и музеев (в том числе Эванс и Стронг). Результаты исследований были опу-

бликованы позднее в ряде статей и книг, важнейшая из которых принадлежит перу руководителя исследовательской программы Гордона Уилли. Результаты показали, что в долине реки Виру на протяжении первых пяти столетий нашей эры существовала относительно зрелая постчавинская культура, экономической базой которой было интенсивное земледелие, основанное на искусственном орошении. Представители этой культуры, покрыв весь свой микрокосм сетью каналов, вышли за его границы, но не с целью завоеваний, а для того, чтобы объединить собственные усилия с усилиями жителей других долин — иных маленьких государств — для осуществления еще более грандиозных ирригационных проектов.

Доктор Пол Косок, открывший «картинную галерею» в Пампа-де-Наска, обнаружил на северном побережье Перу остатки целой сети каналов, соединяющих пять разных долин: Ламбайеке, Санья, Лече, Мотупе и Хекетепеке. О размахе тогдашнего ирригационного строительства говорит следующий факт: две тысячи лет назад площадь обводненных земель на северном побережье Перу была значительно больше, чем сейчас, в конце XX века!

Для повышения урожайности полей индейцы использовали удобрение гуано — высоко ценимый в Перу помет морских птиц, главным образом бакланов, морских ласточек (олушей) и пеликанов («гуанай» на языке кечуа означает «баклан»). Птицы прилетают к берегам Перу за рыбой и другими дарами моря, которые принесло сюда течение Гумбольдта, омывающее по-

бережье. Хлопотливые морские птицы миллионы лет обитают на побережье и близлежащих островах. Здесь они воздвигли за долгие годы целые бастиины, кое-где доходящие до 50 м, из самого лучшего в мире природного удобрения. Считается, что благодаря своему составу гуано втрое эффективнее, чем навоз. Им удобряли почву и жители долины Виру, когда вследствие быстрого роста населения были вынуждены создавать новые поля на ступенчатых террасах прежде невозделываемых холмов.

Вода и птичий помет явились предпосылками высокопродуктивного земледелия. Щедрые на урожай поля долины Виру способны были прокормить огромное количество людей. Между ирригационными системами, продуктивным земледелием и демографическим взрывом существовала прямая связь. За неполные пятьсот лет в первой половине I тысячелетия н. э. число жителей долины Виру возросло в 25 раз. Это изменило и облик перуанских поселений. Теперь индейцам стало не хватать маленьких, подчас далеко отстоящих друг от друга деревень. Постепенно на холмах над долинами начинают вырастать примитивные городища, в которых живут не только воины, охраняющие долину от нападения врагов, но и местные земледельцы. Сами перуанцы иногда называют эти миниатюрные крепости «укрепленными холмами». Позднее древние обитатели бассейна реки Виру стали создавать большие, обнесенные оградой поселения прямо в долине. Но крепостные стены не могли приостановить рост поселений. Постепенно они превращались в маленькие горо-

да, в центре которых строились пирамиды (высотой до 25 метров) из кирпича, высушенного на солнце. Пирамиды в Виру — как и повсюду в древней Америке — прежде всего служили религиозному культу. Но возможно, что и в этой долине представители власти и служители культа объединились, а святилища, внутри которых обычно находились кое-какие жилые помещения, могли одновременно служить «приемными» местными правителей, распоряжавшихся по поручению верховного властителя всей долины жизнью этого городка и окрестных деревень.

Как мы уже отмечали, быстрый рост населения привел к возникновению первых городов. Один из них, нынешний Гальинасо, был метрополией долины Виру. Жилые помещения в домах из сырцового кирпича самой различной формы поначалу были крошечными и имели площадь примерно два квадратных метра. Археолог Уэндел Беннетт, проводивший в Гальинасо обширные раскопки, определил, что в центре города на площади в пять квадратных километров находилось тридцать тысяч различной величины жилых помещений*. Беннетт также подсчитал, что в центре Гальинасо жило около пяти тысяч человек, а во всем городе приблизительно десять тысяч. Некоторые постройки многолюдной столицы имели фриззы, на которых чаще всего был изображен змей с пятигранной головой.

Гальинасо, очевидно, являлся рези-

денцией верховного властителя. Мы не знаем, кто им был, но нам известно, что его власть ограничивалась только долиной реки Виру. Существует предположение, что Виру была одной из тех «ранних империй», о существовании которых говорят знатоки древнего Перу. Это небольшое индейское государство в североперуанской долине в первые пять столетий нашей эры быстро развивалось в культурном и особенно в экономическом отношении. Источником прогресса здесь была влага, вода фантастических оросительных систем. В середине I века н. э., когда воды многих долин слились в единую оросительную систему, настало время, когда малые города-государства должны были соединиться под единой властью, образовать единую культуру.

Эта выдающаяся по значению культура носит название Мочика. Вступлением мочикцев на североперуанское побережье окончательно завершается «период интермедий», период существования малых постчавинских североперуанских культур и государств, который покрыт завесой тайны.

СОТООТКРЫТИЕ ИНДЕЙЦЕВ МОЧИКА

* Автор преувеличивает примерно в 50 раз. Площадь Гальинасо 11,5 гектаров. — *Прим. ред.*

Через полтора с лишним тысячелетия после славного вступления мочик-

цев на арену северного Перу в здешние прибрежные долины пришли археологи, чтобы заново открыть это исчезнувшее государство и его забытую культуру. Открыть? Но, собственно, когда и сколько раз культуру Мочика открывали?

В действительности открывать мочикцев было незачем. Их потомки жили на той же территории еще в период, когда в Перу появились первые испанцы. Говорили эти индейцы на языке мочика, это же название дали историки и культуре, существовавшей здесь в середине I тысячелетия. Теперь трудно сказать, как звучал язык мочика две тысячи лет назад, в эпоху зарождения мочикского государства. Его современная форма — «кингнам» — соотносится с первоначальным языком примерно как новогреческий с древнегреческим. На новомочикском языке говорили чиму в «империи» Чиму, которая была (с небольшим перерывом) продолжительницей традиций и культуры Мочика*.

Говорившие на языке мочика индейцы (испанцы часто называли их «юнга») населяли прибрежные долины северного Перу и после завоевания страны европейцами. Эту народность действительно не было нужды открывать заново. Благодаря интересу, который церковь проявляла к их языку (она хотела обратить индейцев в христианскую веру), сохранились пись-

менные сообщения о мочикцах, относящиеся к послеколумбовой эпохе.

Итак, честь открытия индейцев культуры Мочика принадлежит духовенству, в первую очередь просвещенному иезуиту Мигелю Кабельо де Бальбоа, который написал книгу, имеющую странное название — «*Miscellanea Antarctica*»*. Прожив десять лет в районе североперуанской прибрежной долины, Кабельо рассказывает много интересного об истории и культуре доколумбовых жителей этой части страны.

Сочинение Антонио де ла Каланчи, члена ордена августинцев, позднее приора августинского монастыря, построенного сразу же после завоевания Перу в самом сердце государства Мочика и Чиму — в Трухильо, имеет сложное заглавие «*Cronica Moralizada del orden de San Agustin en el Peru con sucesos egenplares en esta Monarquia*»**. Сведения о древнеперуанском прошлом тонут здесь в великом множестве сравнений и ссылок на античный мир и на культуры древнего Востока. И потому ориентироваться в «Хронике морали» очень нелегко.

Еще одно духовное лицо — Фернандо де ла Каррера, долгое время живший среди мочикцев в деревне Реке, написал грамматику новомочикского языка, которая в 1633 году вышла под названием «*Arte de la lengua Yunga*» («Искусство языка юн-

* Мочика (правильнее мучик) и кингнам — языки, распространенные на побережье в эпоху испанского завоевания. На каком языке говорили создатели культуры Мочика, не известно. Чиму — археологическая культура, государство называлось Чимор. — *Прим. ред.*

* Примерно означает «Различные антарктические заметки («Антарктическая смесь»)

** «Хроника морали ордена Св. Августина в Перу и его примерных успехов в сем королевстве».

гов») в резиденции вице-короля — Лиме.

Книгу Карреры тщательно изучил большой знаток индейских языков Перу профессор Миддендорф. Его разбор труда Карреры о языке мочика сам по себе является еще одним открытием этой культуры. Миддендорф занимался индейцами культуры Мочика и их языком в прошлом веке.

Однако вернемся к языку мочика. Более современной формой языка мочика пользовались чиму, сменившие мочикцев на, той же территории (их название, как и у инков, происходит от наименования властителей). Мочикцев и чиму связывают и культурные традиции. Поэтому не удивительно, что человек, открывший для перуанистики индейцев культуры Мочика, как и некоторые его ученики видят в государстве Мочика раннее Чиму, а в «империи» Чиму — позднее Мочика.

Кто был этот человек? Макс Уле. Он открыл культуру Мочика, изучая ее материальные памятники. Часть мочикского наследия, а именно керамика, своим богатством и выразительностью превосходит все остальные. Это о ней один ученый некогда сказал, что именно керамика и является настоящим языком мочикцев. Первым, кто понял этот язык, был Макс Уле. В 1899 году он дал определение культуре Мочика, взяв в основу свои раскопки в долине реки Моче. А поскольку сто лет назад о Чавине и тем более о Котоше еще ничего не было известно, он счел ее вообще древнейшей перуанской культурой.

Доктор Хаген, посвятивший индейцам доколумбовой Америки несколько научно-популярных книг, сообща-

ет, что первое открытие Мочика произошло 17 июня 1771 года. Первооткрывателем и одновременно первым собирателем, поместившим находки индейского государства Мочика в музейную коллекцию, был испанский король Карл III. В данной книге речь идет не об испанских и прочих королях и королевствах. Однако нельзя пройти мимо того факта, что Карл III действительно заложил первые камни в фундамент исследования культур древней Америки. Он, наследник престола тех, кто послал в Новый Свет Писарро и Кортеса, он, чья империя разбогатела именно в результате уничтожения индейцев, одним из первых понял, что коренные обитатели Америки создали до прихода европейцев культуры, заслуживающие пристального интереса. Более того, Карл III задумал издать большую энциклопедию об индейской Америке и ее государствах (она должна была называться «История древности Нового Света»).

Дело не ограничилось благими намерениями. Карл III действительно отправил в Америку ученых, которым было поручено разыскать затерявшиеся города и другие материальные следы индейских государств. Так, например, он поручил архитектору Бернаскони обследовать развалины Паленке, великолепного, тогда только что открытого города майя. По инициативе Карла III и на его средства были найдены руины центра тотонакской культуры города Тахина с прекрасным храмом; был открыт и один из знаменитейших памятников индейской Америки, так называемый «Ацтекский календарь» в городе Мехико.

По инициативе Карла были собраны и отправлены в его личный музей и первые находки культуры Мочика и Чиму. Чтобы снискать благорасположение короля, их послал ему в нескольких ящиках один из чиновников вице-короля Перу, трухильский коррехидор Фейхо-Соса. Кроме всего прочего, в ящиках находились золотые украшения, веер из дорогих птичьих перьев, деревянный посох, украшенный великолепной резьбой, а главное, телесные останки мочикского или чимуского «короля». Тело древнеперуанского правителя, несмотря на то что со времени его смерти прошло уже много столетий, довольно хорошо сохранилось. Кости, обтянутые кожей, челюсть, ногти, даже волосы. Усопшего «короля» сопровождала глиняная керамика из гробницы, на которой были изображены фигуры благородных мочикцев. Подарок коррехидора прибыл ко двору Карла III 17 июня 1771 года. Именно тогда — по мнению доктора Хагена — и были впервые открыты индейцы культуры Мочика.

Испанский король поместил останки своего индейского «коллеги» в музей, который сам основал. На идею создания музея Карла III натолкнуло другое его археологическое начинание. В бытность свою неаполитанским королем он приказал раскопать в итальянской Кампанье, в предместье Неаполя, 15-метровый слой вулканического пепла, под которым, как считалось, покоились руины Помпеи.

Итальянские инженеры и рабочие исполнили повеление короля и действительно нашли остатки погубленного Везувием города — виллы, ули-

цы, торжища и храмы, фрески, даже погибших людей. Все, что нашли рабочие, Карл III поместил в музей древностей. 17 июня 1771 года он добавил к находкам из Помпеи и мочикские древности. Если сведения о Помпее сохранила история античного Рима, то о Мочика мир вообще ничего не знал. Король уполномочил своего доверенного, 25-летнего трухильского епископа, доктора канонического права Бальтасара Хаиме Мартинеса де Компаньона, чтобы тот собирал в своей епархии все, что осталось от бывшей страны Мочика и творений предков этих «индейских овечек» епископа. Епископ приложил все старания. Он собрал более 500 экземпляров прекрасной мочикской и чимуской керамики. Более того, являясь духовным лицом, Мартинес де Компаньон вскрывал мочикские и чимуские захоронения, и художники, таким образом, впервые в истории Перу зарисовывали все, что там было обнаружено. Епископ приказал также составить план Чан-Чана, главного города чиму. Когда коллекция была уже достаточно полной, он послал все найденные сосуды и 1400 (!) цветных рисунков своему монарху в Мадрид.

Мочикские и чимуские рисунки и чертежи, сделанные по распоряжению Мартинеса де Компаньона, наверняка стали бы украшением королевской «Истории древности Нового Света». К сожалению, Карл III не успел осуществить свой план, и наука в результате многое потеряла. Его преемник Карл IV послал в Америку ученого мужа, которому порой приписывают второе открытие Америки, — Александра Гумбольдта. Гигантское на-

учное наследие последнего превышает физические возможности одного человека и, вероятно, никогда никем не будет превзойдено. Однако северное Перу осталось почти вне его интересов. Гораздо больше он занимался инками и их наследием.

Через несколько десятилетий после Гумбольдта в Перу появляется другой, столь же энергичный ученый, один из многих открывателей культур Мочика и Чиму, — американец Эфраим Скуайер. Это был человек удивительной судьбы.

Как и многие американцы (например, Стефенс, Томпсон), внесшие большой вклад в познание индейского прошлого Латиноамериканского континента, Скуайер был дипломатом. Выходец из очень бедной семьи в штате Нью-Йорк, он сначала служил курьером, затем был рабочим, получил профессию землемера и наконец стал журналистом. В 25 лет этот необычайно трудолюбивый человек уже был главным редактором газеты в штате Огайо, как раз в том штате, где сохранился ряд «маундов», загадочных курганов древних североамериканских индейцев.

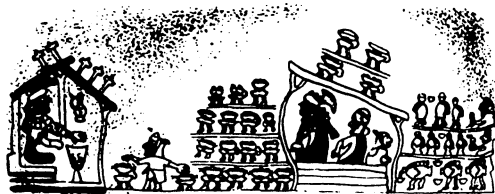
Скуайер вместе со своим приятелем Эдвином Дэйвисом серьезно занялся изучением тайны «маундов». Разумеется, разгадать эту тайну не удалось (так же, как не сумела достаточно удовлетворительно определить функцию этих североамериканских захоронений и современная наука). Скуайер, всегда и за все бравшийся с огромным увлечением, в своих поначалу любительских археологических исследованиях нашел профессию, которая захватила его полностью. Вместе с Дэй-

висом он опубликовал результаты проделанной работы. И не в каком-нибудь захудалом издательстве. Их труд должен был выйти в качестве первого тома археологической, этнографической и антропологической серии, которую в ту пору начинает издавать самый значительный американский институт по этим отраслям знаний, ныне всемирно известный Смитсоновский институт в Вашингтоне.

На книгу Скуайера и Дэйвиса об индейских захоронениях обратил внимание человек, который о древней Америке знал больше, чем кто-либо другой из его современников, — полуслепой историк Уильям Хиклинг Прескотт, автор знаменитых «Истории завоевания Мексики» и «Истории завоевания Перу». Скуайер с Прескоттом стали друзьями. Последний рекомендовал бывшего курьера и ученого-любителя американскому правительству, которое направило талантливого самоучку послом в Центральную Америку. Там было великое множество почти никого в Америке не интересовавших памятников доколумбовой индейской культуры. Американское правительство интересовал главным образом узкий перешеек, через который Соединенные Штаты намеревались провести канал, соединяющий Тихий и Атлантический океаны. Необходим был человек, способный убедить центральноамериканские правительства в выгоде подобного предприятия. И Эфраим Скуайер, трудолюбивый, располагающий к себе и симпатизирующий индейцам (а их в Центральной Америке было еще великое множество), оказался самым подходящим для этого человеком. Итак, в

1849 году 28-летний молодой человек в ранге дипломата отправляется в район, где впоследствии будет прорыт Панамский канал. Молодой посланник, помимо обширных дипломатических депеш, сумел написать здесь книгу о доколумбовых индейских культурах. По окончании своей миссии в Центральной Америке Скуайер получил новое, для археолога во фраке дипломата еще более заманчивое, назначение: государственный департамент направил его послом в Республику Перу.

Лучшего Скуайер не мог и желать. Когда истекло время его дипломатической работы в Лиме, в США он не вернулся. На собственные средства Скуайер организовал экспедицию для изучения индейцев культуры Мочика. Восемнадцать месяцев работал он в североперуанской долине реки Моче и в соседней с ней долине Чикама. Как мы уже знаем, Скуайер имел несколько профессий, в частности профессию землемера, что помогло ему составлять планы древних индейских построек и целых городов. Он был первым, кто использовал в ходе археологических исследований фотосъемку. Дагерротипы, которые по его указанию делал фотограф Харвей (например, снимок пирамиды в мочикском городе Паньямарке), затем были перенесены на гравюры, иллюстрировавшие великолепный труд Скуайера, озаглавленный довольно скромно: «Похождения в Перу». Книга эта представляет ценность не только благодаря фотографиям древнеперуанских памятников, но и описанию языка мочика, на котором во второй половине XIX века еще говорили

*Культура Мочика.
Правитель государства (слева)
устраивает прием в честь
иностранного гостя*

индейцы в прибрежной североперуанской общине Этен. (Между прочим, в Этене язык мочика сохранялся до середины XX века.)

Грандиозно задуманное археологическое обследование исчерпало все средства Скуайера. Кроме того, он лишился физических и душевных сил в результате бесконечных семейных распрей. Вернувшись на родину, смертельно уставший классик перуанистики окончил свои жизненные странствия в лечебнице для душевнобольных. Заметки о самом дорогом для Скуайера путешествии — экспедиции в страну мочикцев — пришлось готовить к печати его брату. Откликов на это издание Скуайер из-за ограды своей лечебницы уже не услышал. А меж тем именно это произведение больше, чем все предшествующие (и многие последующие), способствовало подлинному открытию индейцев древней североперуанской культуры Мочика. В исследовании Скуайера содержится фраза, служащая ключом к решению проблемы: «Керамика мочикцев — это их язык».

ПОРТРЕТ АВТОПОРТРЕТА

«Керамика мочикцев — это их язык». Эти слова принадлежат Эфраиму Скуайеру. Научное открытие индейцев культуры Мочика стало возможным благодаря изучению мочикской керамики, которую из погребений в долине Моче выкопал Макс Уле.

Самую большую и самую великолепную коллекцию керамики составляют находки в североперуанской долине Чикама, которая может гордиться самыми обширными мочикскими захоронениями. Коллекцию собрали члены рода Ларко, которые некогда владели значительной частью принадлежавших в прошлом мочикцам земель.

Солидную коллекцию начал собирать в 1926 году Рафаэль Ларко Эррера, владелец чикамской асьенды Чиклин. После смерти отца его дело продолжил — уже на более научной основе — новый владелец поместья Рафаэль Ларко Ойле. За шестьдесят лет семейная коллекция Ларко достигла свыше 60 тысяч экземпляров гончарных изделий! Тот, кто хочет обстоятельно познакомиться с древнеперуанскими индейцами, должен прочесть эти 60 тысяч глиняных книг, которые ныне составляют золотой фонд музея Рафаэля Ларко Эрреры,

перенесенного в последние годы из Чиклина в Лиму.

Мужские портреты на сосудах поражают нас необычными для индейцев длинными бородами. Лица мужчин вообще представляют большой интерес. Они, кажется, свидетельствуют о значительной расовой неоднородности жителей государства Мочика. Большинство портретируемых имело ярко выраженные индейские черты, некоторые скорее напоминают китайцев, а у других даже проявляются негроидные признаки*. В первый и последний раз за всю историю доколумбовой Америки коренные жители Нового Света изображены тут такими, какими они были в действительности: без прикрас и излишней героизации. А ведь те, кого мы видим в этой «глиняной галерее», безусловно, были самыми знатными людьми в государстве Мочика. Интересно, что изображение одной и той же головы археологи часто находят на керамике из захоронений в разных долинах, принадлежавших мочикцам. Эти вельможи владели несколькими долинами, а возможно, были и верховными правителями.

Почему в могилы умерших подданных помещали глиняные изображения их живых правителей? Может быть, мочикцы считали, что правители обладают некой сверхъестественной силой или чудодейственной способностью защищать своих подданных и после

* Мы не знаем, кого изображали «портретные» сосуды, и не уверены, действительно ли это портреты, а не типичные, характерные лица. — *Прим. ред.*

смерти, после того как они покинули мир земной?

По сравнению со скульптурными портретами древних мочикцев рисунки на гончарных изделиях представляют меньшую художественную, но большую документальную ценность. На блюдах и кувшинах мы видим, как

Керамика индейцев Мочика не только демонстрирует нам образ жизни своих творцов, но и прекрасно передает обстановку, которая их окружала.

Сверху: типичный мочикский сосуд с изображением птицы, которая охотится на рыб.

Снизу: деталь этого рисунка

жили индейцы культуры Мочика. Попробуем извлечь из «глиняной автобиографии» мочикцев только факты и дополним их комментариями археологов. Сначала поставим перед собой два вопроса: где и когда?

С гончарными изделиями индейцев культуры Мочика мы встречаемся в нескольких североперуанских долинах, простирающихся от Хекетепеке на севере до речного оазиса Непенья на юге. Главными центрами этой культуры были долины Чикама и Моче (так иногда и называют культуру Мочика). Эти долины были гуще всего заселены и имеют наибольшее количество святилищ. Степень заселения долин северного побережья была в те времена (да и остается сегодня) значительно более высокой, чем южноперуанских долин Ика, Наска и других.

На мочикской керамике хорошо передан своеобразный характер североперуанского побережья, его всхолмленная местность, где можно видеть лишь кактусы, дюны да осторожно крадущуюся в поисках добычи перуанскую лисицу. Иногда гончар изображал приморский пейзаж, рыбацкое селение и море, которое омывало государство Мочика.

Большинство мочикских сосудов относится примерно к I—VIII векам н. э. Следовательно, государство Мочика существовало в прибрежной части северного Перу шесть — семь столетий. Мочикцы, как и жители долины Виру, занимались земледелием с использованием гуано и оросительных систем. Один такой канал, отводивший воду из реки Чикама, имеет в длину 113 км. Другой — в 3 метра шири-

ной и 2 метра глубиной — протянулся на 145 км*! В той же долине индейцы культуры Мочика выстроили и великолепный акведук, достигающий в высоту 15 метров. На строительство его пошло 2,5 миллиона тонн земли.

Мочикцы выращивали все культурные растения, известные в доколумбовом Перу, и в первую очередь кукурузу. Ее урожаем собирали дважды, а иногда трижды в год. Кукуруза составляла основу рациона древних индейцев. Кроме того, они выращивали картофель и бататы, сладкий маниок, тыквы, чилийский перец, корицу, ананас, анону (*annona muricata*) и лимскую фасоль (по-испански *pallares*), которая вскоре озадачит нас одной весьма странной — и при этом никак не связанной с естествознанием — загадкой. Мочикцы любили жевать листья коки. Все выращивавшиеся здесь культуры — и даже те, что были известны представителям государства Мочика от других индейцев (бобы какао, земляные орехи, местные огурцы «пепино» и другие), — изображены на мочикской керамике. По рисункам мы можем определить, что крестьяне Мочика взрыхляли почву деревянными палками и медными земледельческими орудиями. Они разводили индюков, уток, их излюбленным лакомством были морские свинки. Ели также сушеное на солнце мясо ламы.

Пропитание давало и щедрое море. Рыбаки пользовались особыми одно-

Мочикская текстильная мастерская. В верхней части рисунка мы видим руководителя или хозяина мастерской, приветствующего посетителя

местными челнами из тростника, прозванными ими «тростниковыми кузнечиками». На керамике очень точно воспроизведены не только рыбная ловля, но и сами рыбы, крабы, даже морские львы.

Охота на животных в отличие от рыбной ловли была, по-видимому, привилегией знати. На керамических изделиях часто запечатлены картины охоты на оленей, которые ныне в прибрежных областях северного Перу уже не водятся. На рисунках перед нами предстают высокородные охотники с тюрбанами на головах. Мы видим охотничьих собак, загонщиков и сети, с помощью которых когда-то ловили оленей. Один из сосудов воспроизводит охоту на пуму, которую охотник убивает из метательной трубки, хотя для этих целей пользовались главным образом копьями. Охотились древние индейцы и с помощью лассо. Сильных морских львов мужчины убивали палкой — ударом по носу. С помощью метательных трубок мочикцы охотились и на птиц. Кто не возделывал землю, не рыбачил и не помо-

* Первый из указанных каналов относится к эпохе Чиму, он так и не был достроен. Второй канал, по-видимому, является плодом фантазии автора книги. — *Прим. ред.*

гал знатным особам в охоте на оленей, морских львов или птиц, тот преумножал богатство государства Мочика, занимаясь ремеслом. Наряду с гончарами назовем ткачей. На одном из сосудов детально изображена работа древнеперуанской ткацкой мастерской. У поставленных в ряд станов сидят женщины и ткут по висящим на стене образцам. В мастерской, видимо, очень душно, поэтому возле каждого стана стоит большой кувшин с напитком. За работой следит мастерица. На сосуде изображен всего один мужчина, вероятно, это главный надсмотрщик или владелец мастерской.

Мочикских тканей сохранилось значительно меньше, чем изделий, вытканых в Паракасе или Наска. Тем не менее изображения на керамике воспроизводят и вытканые на материи рисунки. Кроме тканей, ремесленники Мочика изготавливали одежду, главным образом украшения и головные уборы из птичьих перьев.

Высокого уровня достигала в стране мочикцев обработка золота, серебра, меди и их сплавов. Мочикцы, несомненно, были лучшими металлургами во всем доинкском Перу. Здешние ювелиры владели ковкой, чеканкой, поковкой, пайкой и особенно мастерством инкрустации полудрагоценными камнями, в первую очередь бирюзой.

Основным украшением знати был разноцветный головной убор, напоминающий тюрбан. От того, как он был завязан, очевидно, определялось общественное положение человека. Некоторые высокородные индейцы украшали тюрбаны шкурами животных (возможно, тех, которых они

считали своими покровителями) или маленькими серебряными полумесяцами (вероятно, являвшимися символом Луны, ведь ей поклонялись как представители государства Мочика, так и жители «империи» Чиму). Подобные металлические украшения, порой в виде буквы «Т», имелись и на шлемах мочикских воинов.

Мужчины-мочикцы, судя по изображениям на керамике, были небольшого роста, коренастые, с удлинёнными черепами. Носили они типично перуанское пончо из хлопчатобумажных тканей. У вельмож ноги до самых колен были покрыты черной краской, поэтому кажется, будто они ходили в темных носках. Подметки сандалий были сделаны из кожи морского льва.

Женщины на мочикской керамике изображаются реже и одеты скромнее. В государстве Мочика они явно занимали подчиненное положение. Найденные скелеты указывают на их довольно малый рост. Женская одежда, состоящая из двух частей, была менее нарядна, чем мужская. Женщины носили только юбки, грудь была обнажена. Ходили они всегда босиком и — в отличие от мужчин — не смели протыкать мочки ушей и прикрывать чем-либо голову.

Единственное, что они могли себе позволить, подобно всем женщинам на свете, это косметика. В их могилах найдены красивые обсидиановые или бирюзовые зеркала, пинцеты, видимо, служившие для удаления нежелательных волосков (между прочим, и мужчины прорежали серебряными пинцетами свои негустые бороды), а также серебряные ложечки для чистки ушей.

На мочикских керамических изделиях изображены также взрослые и дети с физическими недостатками, например горбун, мужчина с заячьей губой. Встречаемся мы и с сиамскими близнецами: одни срослись спинами, другие — лбами. Древние индейцы страдали глазными (катаракта) и другими болезнями. Керамика запечатлела и лекарей, помогающих больным (роды, ампутация носа, конечностей и других органов).

Интересно, что на керамике древних перуанцев переданы различные душевные состояния: радость, печаль, глубокая задумчивость. Сохранился мастерски расписанный сосуд, одна половина которого представляет смеющееся лицо, а другая — лицо, выражающее боль. Эти «глиняные сообщения» о внутреннем мире человека и его чувствах являются главным свидетельством величайших изобразительных способностей мочикцев, подлинного «языка мочика».

Тематический диапазон мочикских гончарных изделий чрезвычайно широк. Он охватывает все этапы жизни человека, от его рождения до смерти, от акта зачатия до веселой пляски скелетов. Мужчины, женщины и дети оживают в этом «глиняном автопортрете». Мы видим ткачей, охотников, рыбаков, крестьян и простых воинов. Но поскольку в государстве Мочика уже существовала большая социальная дифференциация, главное внимание в этом «глиняном жизнеописании» уделяется тем, в чьих руках находилась власть. Перед нами чередой проходят представители мочикской знати. Они танцуют, путешествуют в носилках, которые несут четыре раба,

охотятся, развлекаются во время богатых пиров или торжественных приемов посланников других государств. Часто они фигурируют с воинскими символами — палицами, дротиками и копье-металками. В этих символах, очевидно, и заключалась основа их власти — могущества воителей, сумевших, по всей вероятности, создать разветвленный бюрократический аппарат и почти профессиональную армию, помогавшую им захватывать все новые долины с земельными угодьями и источниками воды и принуждать массы населения к строительству ирригационных сооружений и монументальных храмов. Именно носители культуры Мочика выстроили в одной из своих долин высочайшую пирамиду древнего Перу, которую мы вскоре посетим. По утверждению уже упоминавшегося Каланчи, ее строили одновременно двести тысяч индейцев.

Верховный военачальник и повелитель мочикцев был, очевидно, и высшим жрецом. Некоторые ученые, например Рафаэль Ларко Ойле, полагают, что титул властителя был «сикич». Подданные не сомневались в его божественном происхождении, о котором свидетельствовали на керамических сосудах ягуарьи клыки. Отдельными североперуанскими долинами управляли доверенные лица «сикича», своего рода губернаторы, которых, возможно так же, как в государстве Чиму, называли алаэками. Именно этих высших представителей воинско-жреческой аристократии мы видим на лучших произведениях мочикских гончаров. Сосуды-портреты порой изображают некоторых мочикских правителей по несколько раз,

*Культура Мочика.
Изображение воинов на одном из сосудов*

в разные периоды их жизни. Кое-где мы видим и богато разряженных инфантов (по-мочикски «си-кич аэн» — мальчиков, которым, очевидно, по праву первородства предстояло унаследовать отцовские божественные prerogatives).

Рисунки на сосудах подчеркивают исключительное положение мочикских правителей. Подданные низко склоняют головы пред своим владыкой и его наместниками. Их руки покорно сложены, как в храме во время молитвы. На пиру или во время аудиенции, которой правитель устаивал подданного, господин всегда сидит на высоком троне под балдахинном, ко-

торый защищает его благородную голову от солнечных лучей. Женщины на пиры и приемы не допускались.

Правитель и его алаэки жили в роскошных дворцах. Иногда они покидали их и в сопровождении многочисленного двора на удобных носилках совершали «инспекционные» поездки, порой даже в самые отдаленные уголки государства. В государстве Мочика они являлись высшими вершителями правосудия, судили провинившихся в нарушении неписаных законов государства. Кара бывала поистине жестокой: осужденным отрубали отдельные части тела. Самым «малым» наказанием было отсечение носа. Провинившемуся могли отрезать верхнюю или нижнюю губу, одну или обе ноги, выколоть глаза или отсечь детородный член.

На керамике изображено и приведение в исполнение высшей меры наказания — убийство камнями. Все экзекуции совершались публично, для устрашения жителей государства. Убийство камнями совершалось при участии великого множества зрителей, подчас в присутствии верховного судьи, верховного жреца и верховного правителя в одном лице. Кажется, будто в «глиняных портретах» правителей отразилось и величие и могущество своеобразной древнеперуанской культуры Мочика*.

* Почти все, что М. Стингл пишет о мочикском обществе, материалами не подтверждается. — *Прим. ред.*

БОЖЕСТВО В ГРОБУ

До сих пор мы видели носителей культуры Мочика на рисунках и сосудах-скульптурах, найденных в погребениях. А между тем в могильниках североперуанских индейцев ученые порой находят и сохранившиеся телесные останки высокородных мочикских мужей. Ведь получил же некогда такой экземпляр в подарок испанский король Карл III.

Археологи Уильям Дункан Стронг и Клиффорд Эванс нашли в долине реки Виру, близ Уака-де-ла-Крус, мочикскую могилу, которую не успели обнаружить и ограбить перуанские «уакерос».

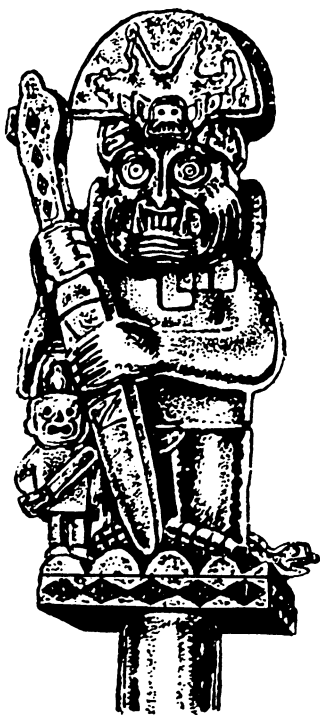
В могиле в Уака-де-ла-Крус (собственно, в небольшом гробу из тростника) находилось прекрасное, но уже не керамическое, а деревянное изображение великого мочикского божества. Вместе с изображением в тростниковом гробу лежал и человек, явно умерший глубоким стариком. Высокородного покойника, как обычно, сопровождало в последний путь множество керамических предметов, ткани из хлопка и изделия из перьев, а также принесенные в жертву богам люди, убитые, согласно ритуалу, после кончины благородного старца.

Рядом с умершим лежал мальчик лет десяти. Что могло его связывать с покойным? В жертву был принесен

и раб, очевидно, телохранитель усопшего, исключительно рослый мужчина. В могиле были обнаружены и две скромно одетые женщины, судя по всему, жены алаэка. Сам алаэк был разодет со всей пышностью. Его лицо покрывала медная маска, а голову тюрбан, украшенный лисьей мордой, которая, вероятно, символизировала нечто священное. На поясе умершего мы видим священные змеиные головы. На тело высокородного покойника и тело находящегося рядом с ним ребенка были возложены прекрасные деревянные жезлы с резными инкрустированными наверху наконечниками. (Ныне они принадлежат к числу ценнейших экспонатов Национального музея в Лиме.) Один из жезлов представляет собой изображение старика с грозными ягуарьими клыками, очевидно, главного или одного из главных мочикских божеств. Р. Ларко Ойле видит в нем верховное божество мочикцев. Верховное божество, судя по не совсем ясным сведениям, почерпнутым у индейцев Чиму, называли Аи Апэк, то есть «тот, кто творит», или Творец.

Аи Апэка Р. Ларко Ойле обнаруживает и на ряде сосудов, относящихся к различным периодам культуры Мочика. На более древнем верховное божество изображено в виде человека с головой животного из семейства кошачьих — чавинского ягуара. Позднее от ягуара остается лишь самый характерный его признак — устрашающие клыки. Символом Аи Апэка всегда был пояс, украшенный двуглавым змеем.

Аи Апэк, или Творец, — это уже бог-человек. Он лечит больных, охра-

*«Божество из гроба», изображенное
на навершии деревянного жезла
из Уака-де-ла-Крус в долине Виру*

няет на море рыбаков, покровительствует земледельцам. Он умеет делать то, что не под силу простым людям. На крыльях птицы Аи Апэк может вознестись к небесам, сопровождаемый своей верной служанкой — ящерицей, очевидно, его «личной целительницей». Ко двору Аи Апэка принадлежат сокол, который носит гербы божества, и морской орел, выступающий в роли гонца. Верным проводником Творцу всегда служит собака, ему помогают и птицы —

баклан и колибри. Он умеет превращаться в любимые растения мочикцев — кукурузу, маниок и т. д. Некоторые рисунки изображают бога-человека в жестокой схватке со злыми демонами, которые принимают облик краба, рыбы или какой-то летучей мыши.

Разумеется, в этих фантастических битвах побеждал всегда Творец, вооруженный чем-то вроде ножа или секиры (мочикское туми). За совершенные победы его прославляют и превозносят. Аи Апэк выполняет еще одну очень трудную роль. Подобно античному Атланту, он держит на своих высоко поднятых руках небеса, которые мочикцы представляли себе в виде гигантской двуглавой змеи.

Таким образом, Стронг и Эванс нашли в тростниковом гробу в Уака-де-ла-Крус изображение этого носителя небес и победителя всех демонов, изображение не рисованное, а трехмерное, исполненное в дереве и перламутре.

Образ-божество в гробу чрезвычайно важен для знакомства с развитием древнеперуанских религиозных представлений. Известный немецкий перуанист Герд Кучер, посвятивший культуре Мочика одну из своих работ, различает на разрисованных сосудах мочикцев ряд божеств и демонов. Большинство из них — это антропоморфные божества в головном уборе со звериной или птичьей головой. По своему внешнему виду они напоминают человека. Изображенные фигуры этих божеств на мочикской керамике настолько реалистичны, будто и в самом деле некогда существовали. Свидетельством их всемогущества

Один из самых красивых городов
древнего Перу Мачу-Пикчу

*Мачу-Пикчу,
укрытый высоко в горах перуанской Сьерры,
был обнаружен только в прошлом веке*

*Одна из огромных скульптур
доинкского города Тиауанако*

*Доколумбовы культуры Перу
зарождались в горном районе Анд,
где так мало места для человека и его полей*

Чимуский ритуальный нож
с изображением правителя Наймлапа.
Культура Чиму

Одна из золотых скульптур
доинкского Перу

Долина реки Урубамбы

*Портрет
доинкского
индейца Перу*

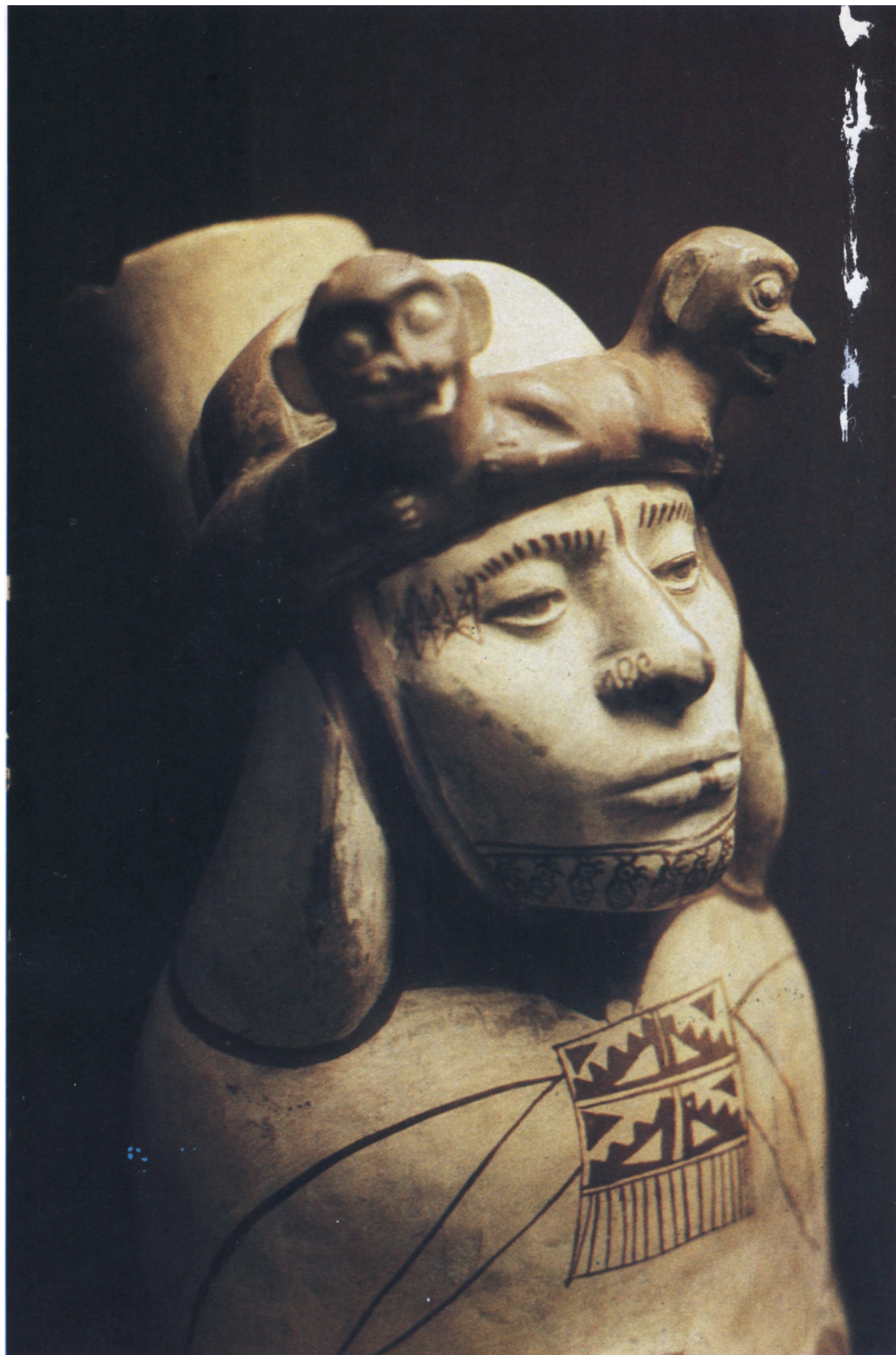

*На снимке Долина Луны
в районе боливийского Альтиплано*

*В настоящее время истоки
древнеперуанских культур ищут
и в Эквадоре,
главным образом в недрах культуры
Вальдивия.*

На снимке трон «царя» с побережья Эквадора

В древнем Перу в эпоху культуры Чавин процветал культ ягуара, а возможно, и других животных из семейства кошачьих. Об этом культе напоминает весьма почитаемый камень в ритуальном центре Кенко

Портрет знатного сановника

*Маска,
украшенная
клыками ягуара*

*Мумии
были облачены
в прекрасные ткани*

*Полихромный сосуд
из южного Перу,
представляющий
высокородного мужа.
Культура Наска*

*Культура Паракас
оставила после себя
огромное количество мумий*

*Навершие
древнеперуанского посоха,
украшенное богато
инкрустированной
фигурой индейца*

На тканях,
которые насчитывают
две тысячи лет,
специалистов более всего
поражают
хорошо сохранившиеся
краски

Наиболее частый мотив на паракасских тканях — демоны, похожие на животных из семейства кошачьих

Текстиль древнего Перу, главным образом с полуострова Паракас, специалисты считают самым замечательным образцом древнего ткачества. Иногда его украшал простой геометрический орнамент

*Муфицированная голова жертвы.
Южная Америка*

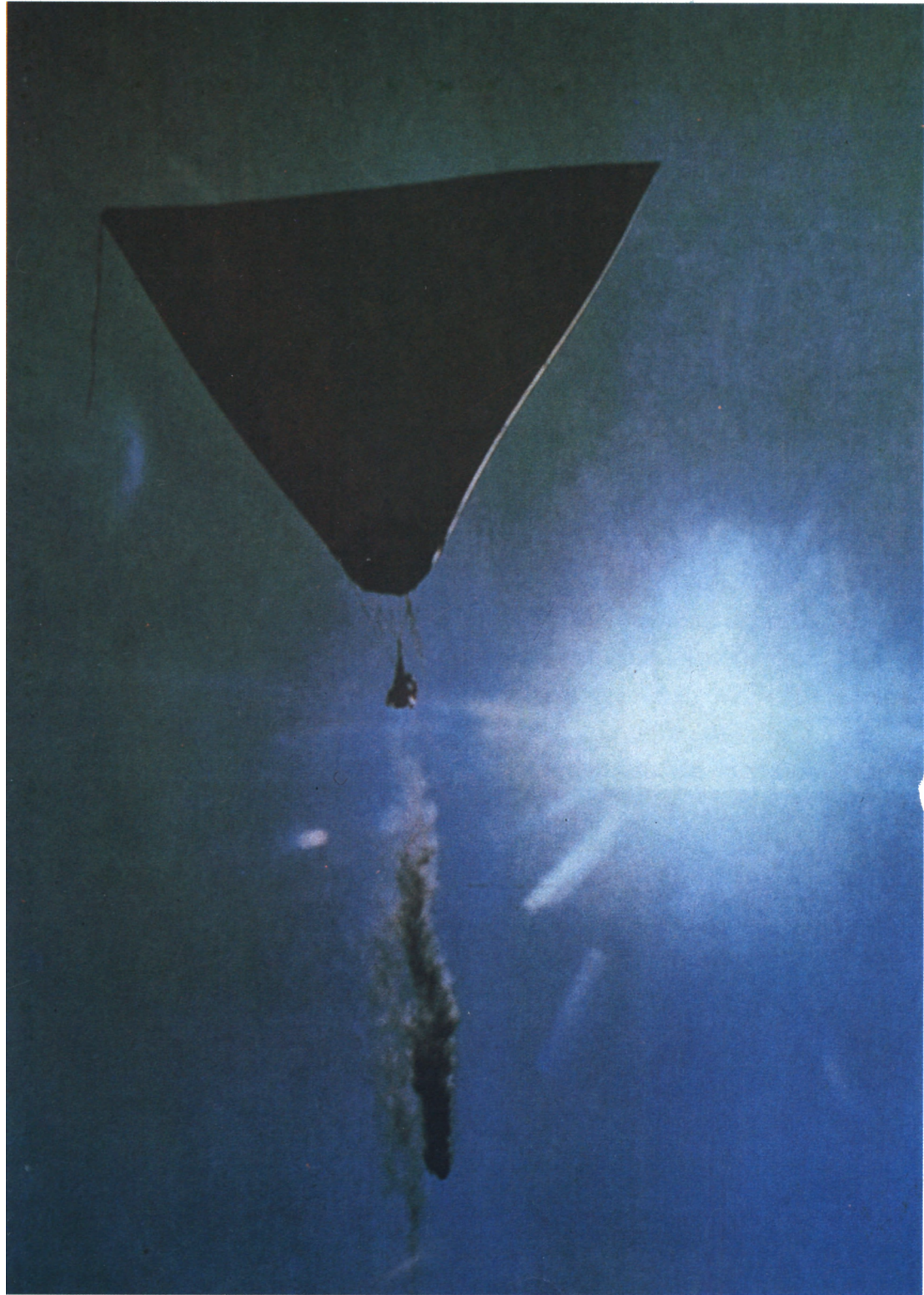
*Индейцы культуры Наска
обезглавливали пленных.
На снимке керамическая скульптура,
изображающая воина или жреца
с ритуальным ножом
и отсеченной головой в руках*

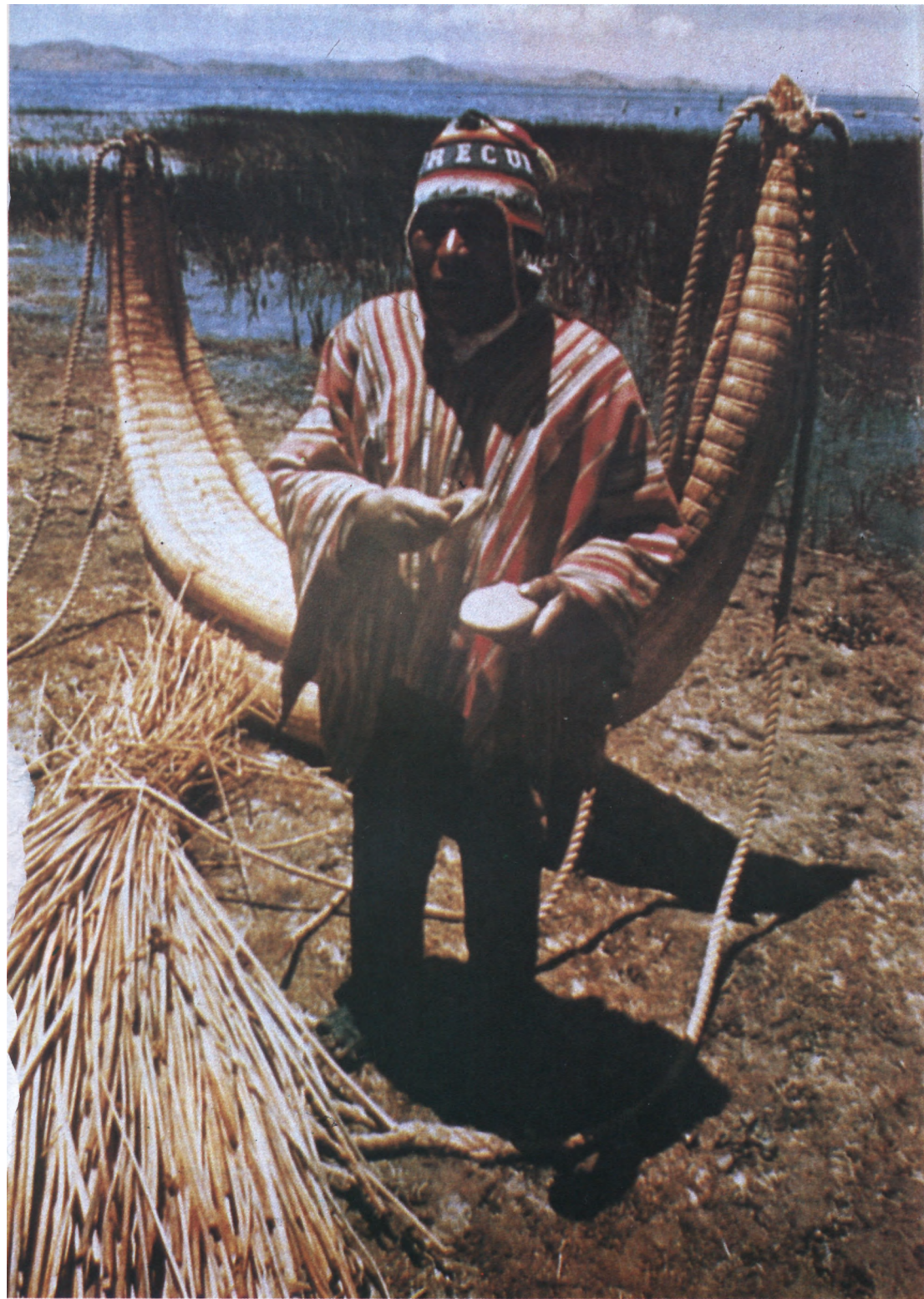

Самое удивительное наследие культуры «охотников за черепами» из Наски — гигантские «рисунки» в Пампа-де-Наска, которые уже третье десятилетие изучает профессор Мария Райхе. На снимке исследовательница в центре большой спирали, которой заканчивается стометровое изображение обезьяны

Золотая древнеперуанская маска

→
Древние перуанцы постоянно наблюдали за звездами. Могли ли они летать? Исследователь Джим Вудмэн убежден, что могли. Он вскрикивает в то, что своих умерших собратьев они хоронили с помощью воздушных шаров

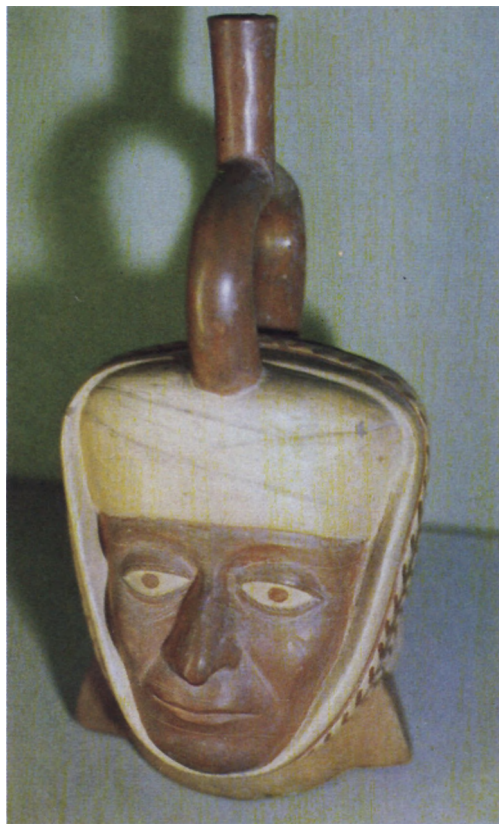
Золотая индейская
«корона»
из Южной Америки

←
Для «копий» древнеперуанского
воздушного шара
индейцы аймара сплели гондолу
из тростника тотора,
растущего у берегов
озера Титикака

*Человек — початок кукурузы.
Произведение
мочикских гончаров*

*Сосуд.
Культура Мочика*

*Некоторые древнеперуанские ткани
украшали геометризированные
человеческие фигуры.
Культура Паракас*

*Золотой индейский шлем,
украшенный женской фигурой.
Из индейских сокровищ,
найденных в Южной Америке.
В настоящее время находится
в Мадриде*

*Керамический портрет
знатного перуанца*

*Уникальный
деревянный портрет
древнего перуанца*

*Антропоморфный сосуд.
Культура Мочика*

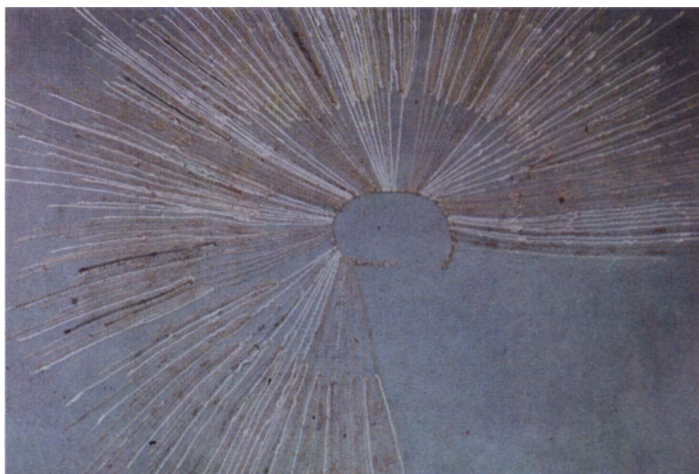
*Тиауанако.
Монументальный вход
в один из объектов этого
крупнейшего доинкского города
перуанской Сьерры*

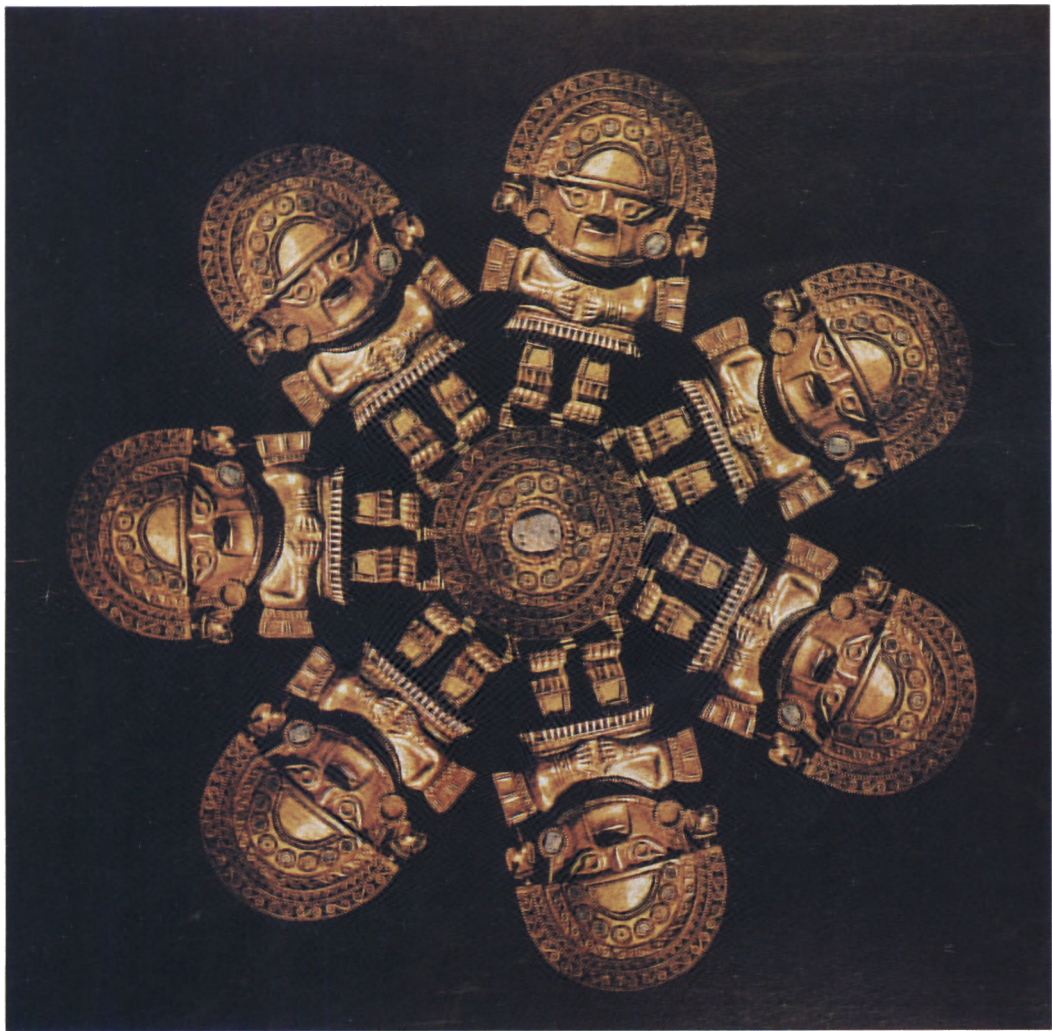
*От Тиауанако
сегодня осталось
лишь несколько колонн*

Археолог Артур Познанский перенес часть статуй из Тиауанако в столицу Боливии Ла-Пас, чтобы спасти их от современных вандалов. Однако теперь статуи подвергаются воздействию выхлопных газов проезжающих мимо автомашин

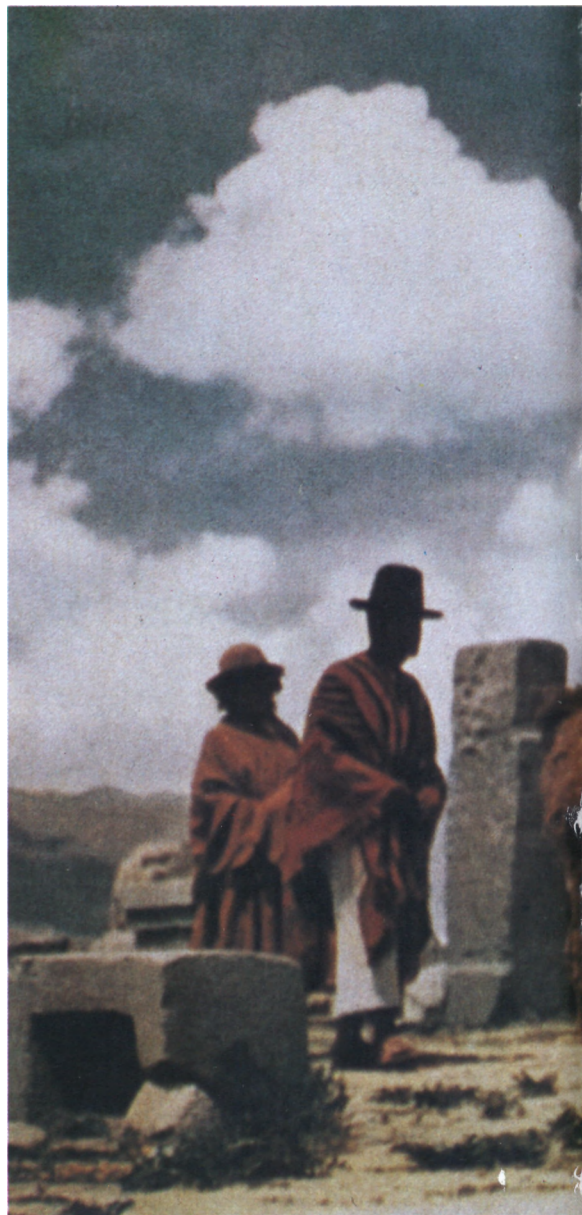
Развернутое кино

*«Туми»
(ритуальный нож).
Культура Чиму*

*Погребальные
башни (чульпы)
украшают знаменитый
Сильюстан — один
из центров доинкского
государства индейцев
колья (аймара)*

Монолит из Тиауанако

*Золотой перуанский сосуд,
украшенный фигурой сановника*

*Первым установленным наукой
видом записи в древнем Перу
было «узелковое письмо» — кипу*

*Наиболее известный памятник
доинкского города Тиаунако —
прославленные Ворота Солнца.
В их верхней части рельеф,
изображающий, по-видимому, бога
Виракочу*

*Потомки создателей
древних перуанских государств —
современные индейцы Перу*

*Индейцы древнего Перу
строили свои города из огромных
каменных блоков,
достигавших иногда несколько
десятков тонн*

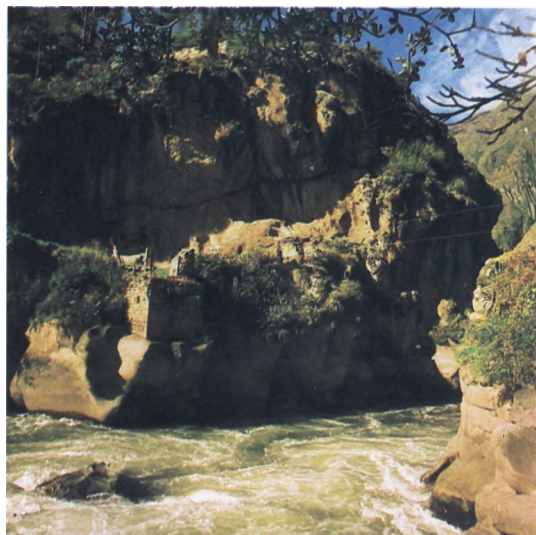
*Жительница перуанских гор
со своим ребенком*

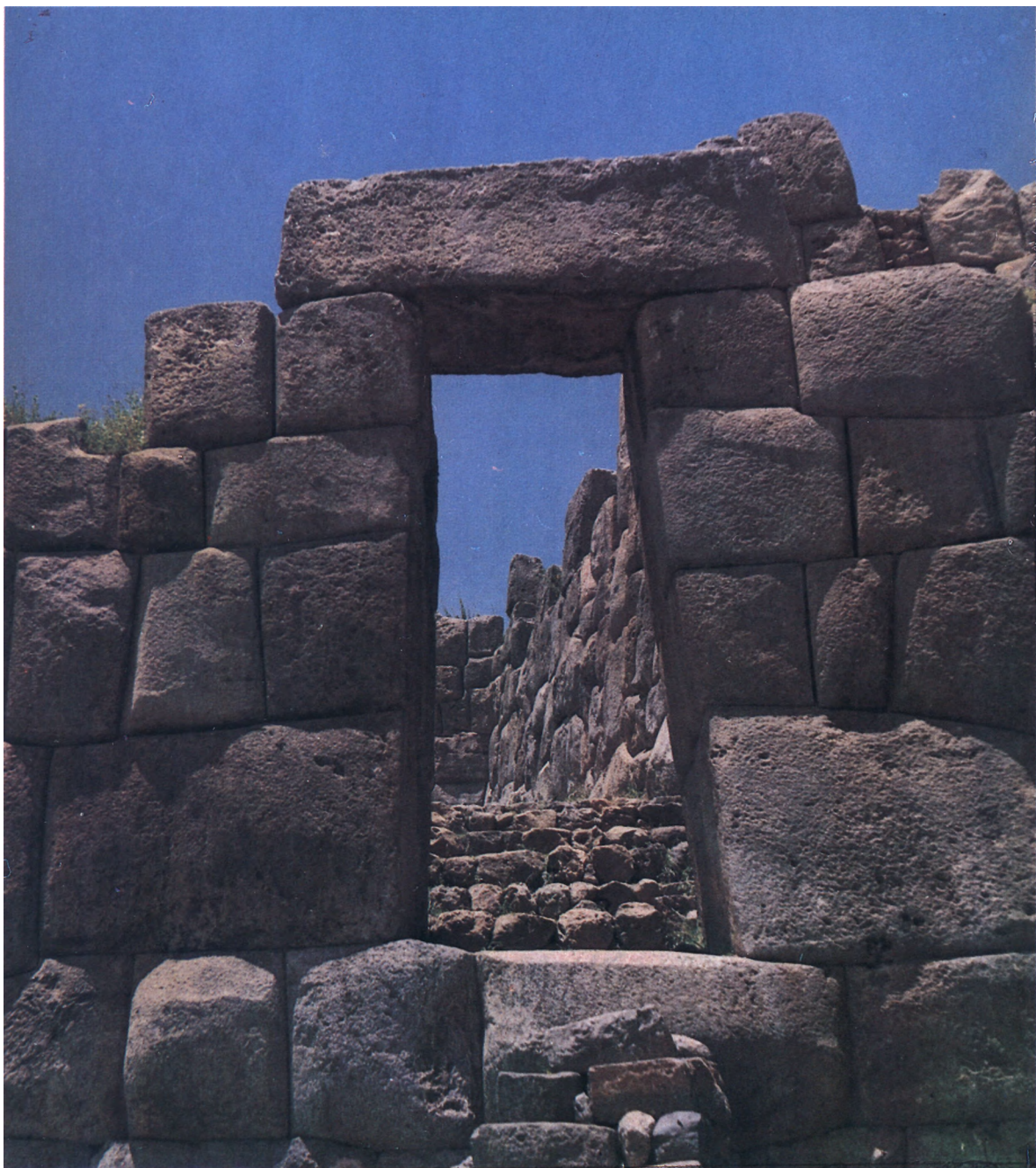

*До сих пор характерной чертой
перуанского ландшафта являются
инкские террасообразные поля*

*Канатная дорога
для преодоления реки*

*Массивные входные ворота
в древнеперуанскую крепость Саксуаман*

*Извилистый сток в Кенко,
по которому стекала кровь
жертвенных животных*

*Портрет
одного из создателей
культуры Мочика.
Керамика*

Руины древнеперуанского города

Фотография,
сделанная со спутника «Джемини».
На снимке часть Сьерры
со священным озером Титикака

служат символы священных предметов, в особенности змеиные головы, зубы хищников или ритуальные секирообразные ножи с круглыми остриями.

На деревянном жезле из Уака-дела-Крус верховное божество с оскаленной звериной пастью имеет совсем иной вид, чем демоны — птицы, рыбы или крабы. Оно во всем проявляет себя как бог-человек, созданный человеком по собственному образу и подобию. От всего предшествующего развития у верховного божества остались только ягуарьи клыки. В конце концов единственным богом индейцев культуры Мочика становится Аи Апэк, или Творец. Этому богу, очевидно, была посвящена и самая большая религиозная постройка на всем побережье Перу — прославленная Пирамида Солнца в долине Моче.

ПИРАМИДА СОЛНЦА И ПИРАМИДА ЛУНЫ

Носители культуры Мочика — в отличие от своих предшественников из долины реки Виру и своих преемников, создателей государства Чиму, — никогда не имели настоящей столицы. Зато они построили величественную культовую метрополию в долине реки

Моче, примерно в 5 километрах от города Трухильо, на территории, которую местные жители называют Пампа-де-лос-Мочика. Ее основу составляют две большие пирамиды с прилежащими постройками и могильником. Первая пирамида — Пирамида Солнца (*Huaca del Sol*), очевидно, была главным культовым центром, вторая — Пирамида Луны (*Huaca de la Luna*) — с целым комплексом построек, вероятно, являлась резиденцией правителя и высших сановников этого государства воинов и жрецов.

Ступенчатая Пирамида Солнца намного превышает все когда-либо возведенные на перуанском побережье постройки. На нее ушло не менее 50 миллионов штук (!) сушеного на солнце кирпича-сырца. Первоначально размеры ее основания были 228×135 метров и высота — 48 метров. Пирамида Луны, примыкающая к склону Серро-Бланко, имела высоту 21 метр и основание 80×60 метров.

На террасах Пирамиды Солнца М. Уле нашел остатки множества музыкальных инструментов, на которых, очевидно, играли мочикские жрецы и которые по окончании обряда, согласно ритуалу, «предавали смерти», то есть ломали. Стены внутренних помещений Пирамиды Луны украшали многочисленные фрески*, прекраснейшая из которых изображает бунт вещей и их войну с людьми.

Остатки мочикских построек сохранились и в долине реки Непенья, в

* Правильнее «росписи», так как технику фрески южноамериканские индейцы не знали. — *Прим. ред.*

местности, называемой Паньямарка. Над обширным комплексом возвышается шестиступенчатая 28-ми метровая пирамида, напоминающая шумерские зиккураты, особенно тот, что был построен в городе Уре. Гордость Паньямарки составляют замечательные фрески, которые тщательно изучил, а многие и расчистил профессор Рихард Шедль. Фрески свидетельствуют о явном имущественном расслоении. На одной из них мы видим правителя государства Мочика, а также раздетых доната и, очевидно, связанных змеями военнопленных, приготовленных к жертвоприношению. Мочикцы так же, как ацтеки и другие народности древней Мексики, приносили в жертву богам людей, чаще всего военнопленных. Весьма вероятно, что многие войны для того и велись, чтобы захватить достаточное количество пленников для ритуальных жертвоприношений. Кровь жертвы приносилась в дар какому-нибудь божеству, например Луне в пору полнолуния.

Преподнесение в жертву производилось вблизи пирамид или прямо в святилищах, на их вершинах.

Согласно представлениям мочикцев, человеческая кровь была излюбленной пищей богов. Божество само двигало рукой жреца, когда тот пронзал ритуальным ножом горло жертвы. Кровь принесенных в жертву людей передавалась богам при посредничестве гонцов — морских ястребов. Индейцы культуры Мочика верили, что после этого ритуала божество дарует благополучные роды их женам, а им самим — богатый рыбный улов. Профессор Г. Кучер обна-

ружил на керамических сосудах несколько рисунков, на которых изображены ястребы, пьющие священную жидкость из обрядовой миски, в которую при жертвоприношениях стекала кровь пленников.

Помимо человеческих жертвоприношений, возле пирамид во время религиозных обрядов происходили и своего рода спортивные состязания, точнее, соревнования по бегу, которые также запечатлены на мочикских сосудах. Соревнующиеся надевали лучшие одежды, а также тюрбан, подчеркивающий их знатность. Очевидно, эти мочикские бега к пирамидам должны были способствовать повышению урожайности полей.

Кроме всего прочего, в пирамидах совершались и обычные богослужения. При этом, согласно ритуалу, наряду с чтением молитв необходимо было жевать листья коки.

Помимо Пирамиды Солнца и Пирамиды Луны в долине Моче, паньямарской пирамиды в долине Непенья, пирамиды сохранились и на севере территории культуры Мочика. В обширном религиозном центре Пакатнаму на краю долины Хекетепеке археолог Генрих Уббелоде-Дёринг, побывавший здесь с научными целями трижды, насчитал 57 пирамид. На ступенях некоторых из них вместе с людьми приносились в жертву и ламы, которых сюда пригоняли обитатели горных областей.

Самая большая пирамида Пакатнаму имеет основание 60 × 60 метров и направлена на север, так же как и тела покойников в тростниковых гробах, находящиеся по соседству с ней. Ученые полагают, что северное направле-

ние должно было напоминать индейцам культуры Мочика их прародину. Другие мочикские пирамиды были обнаружены в местностях, ныне носящих названия Уака-Кортада, Уака-Картавио и Уака-Бланка.

ЗА ЗОЛОТОМ ИНДЕЙЦЕВ МОЧИКА

Все мочикские пирамиды испанские колонизаторы и нынешние перуанцы называли и называют «уака», что на кечуа — государственном языке инков — означало «священный», «священное место».

Уакой для индейца доколумбовой поры могло быть озеро, гора, камень или дерево. И каждая такая природная или созданная человеком уака была, по представлениям индейцев, наделена сверхъестественной силой. Поэтому простой камень мог ответить доколумбовому перуанцу на любой вопрос. Но для перуанцев послеколумбовой эпохи, для испанцев, пришедших сюда из Европы, для белых или метисов, нынешних граждан этой южноамериканской республики, уаками стали только наиболее заметные священные места древних индейцев, их пирамиды. Поэтому не удивительно, что в наследии доколумбовых куль-

тур Перу их, собственно, только и интересовало: золото.

Первые уаки в Перу, чьими сокровищами хотели завладеть конкистадоры, были мочикские и поздние чиму-ские святилища в долине Моче, и в первую очередь крупнейшая постройка на перуанском побережье — Пирамида Солнца.

Способ, каким «цивилизованные» грабители индейских пирамид проникли внутрь Пирамиды Солнца, был хоть и оригинальный, но варварский. Главный организатор ограбления испанец Монтальва изменил течение реки Моче и направил его прямо на святилище. Ожидания грабителей оправдались. Вода прорвала одну из стен Пирамиды Солнца и открыла Монтальве вход в тогда уже более чем тысячелетнее святилище.

Добыча, правда, «стоила» того, чтобы потрудиться. Монтальва со своими друзьями нашел в пирамиде предметы общей стоимостью 800 000 дукатов. Падре Каланча, писавший об ограблении Пирамиды Солнца, сообщает, что среди золотых и серебряных сосудов особое внимание привлекала человеческая фигура из чистого золота, изображавшая в натуральную величину верховного индейского жреца. Так была ограблена первая уака индейцев культуры Мочика. Между прочим, уакерос — грабители захоронений именуются по названию священных мест индейцев доколумбовой эпохи. По иронии судьбы самую богатую добычу помог им получить один из крещеных местных индейцев, вождь деревни Мансиче Антонио Чайке. Он надеялся, что завоеватели сохранят за ним высокую долж-

ность, а возможно, дадут и дворянский титул, если он скажет, где спрятаны клады его предков. Чайке сообщил испанцам, что больше всего золота они смогут найти в уаке Льюмайюан. Конкистадоры вскрыли святилище и действительно обнаружили там исключительно богатую добычу. Чайке должен был получить часть награбленного. «Тридцать сребреников» индейского Иуды оказались немалой суммой. Но, увы, вознаграждение осталось только на бумаге.

В 1963 году некий Гарсиа Гутьеррес де Толедо нашел в Льюмайюане новые сокровища. На этот раз «добыча» была точно подсчитана чиновниками колониальной администрации, дабы король не лишился причитающейся ему «пятой доли» (по официальным данным, она составляла 61 622 песо). Эта уака была набита изделиями из золота и драгоценных камней, как сдобная булочка изюмом. Европейцы, жители города Трухильо, вынимали из нее золотые «изюминки» в виде мисок, браслетов и поясов и спустя много лет после смерти Гарсии Гутьерреса. Самой ценной находкой была большая рыба из чистого золота, очевидно, изображавшая одного из множества индейских демонов-рыб. Местные индейцы сообщили испанцам, что в помещениях уаки находится еще одна скульптура гигантской золотой рыбы. И эту «рыбку», как рыбак из известной всем сказки, ловили и ловят в долине Моче сотни алчных «золотоискателей». К счастью, безрезультатно.

Золотые сосуды, драгоценности и изображения богов — все эти предметы большой культурной и художе-

ственной ценности грабители индейских пирамид расплавляли и превращали в монеты, золотые слитки и бруски.

Теперь произведениям мочикских или других древнеперуанских ювелиров такая опасность почти не угрожает, потому что даже полуграмотные уакерос знают, что за художественное произведение древних индейских культур они получают несравнимо больше денег, чем за самый большой золотой слиток. И потому в музейных коллекциях древнеперуанского искусства время от времени появляются новые прекрасные экспонаты. Например, частное собрание перуанца Мигеля Мухика Гальо недавно пополнилось прекрасным скульптурным изображением пумы из тонкого золотого листа с полый трехмерной мордой. Тело пумы было украшено различными чеканными узорами и двуглавой змеей. К морде пумы прикреплена золотая маска, изображающая человеческое лицо. В последнее время были найдены также золотые мочикские колокольчики, ритуальные ножи, золотые шлемы, жезлы, серьги, браслеты, сандалии, прекрасные сосуды из чистого золота, представляющие собой скульптурные портреты.

Золото культур Мочика и Чиму имеет порой особый серебристый оттенок. Это, очевидно, связано со столь почитаемой здесь, на побережье, Луной. Священную Луну напоминает и множество диадем серпообразной формы, которые мы видим на чимукских и мочикских золотых фигурках. Мочикцы инкрустировали золотые предметы бирюзой и перламутром. Собственно, с культуры Мочика и

начинается «золотой век перуанского золота». Представители предшествующих культур (Чавин, Наска) умели обрабатывать золото, однако именно мочикцы обогатили индейское ювелирное искусство новыми приемами (таков, например, их излюбленный метод «потерянного воска»).

Не все золотые сокровища мочикцев были расплавлены в тиглях ненасытных грабителей, несмотря на их многовековое бесчинство. Ныне эти дошедшие до нас маленькие чудеса рассказывают о величии древнеперуанских мастеров не менее красочно, чем их самые грандиозные произведения — Пирамида Солнца и Пирамида Луны.

РЕКВИЕМ ПО ЗОЛОТЫМ БАБОЧКАМ

Ограблением Пирамиды Солнца и других уак представителей культуры Мочика, а затем Чиму, поисками золота доинкских индейцев Перу, разумеется, дело не кончилось. Не только всякого рода авантюристы, но и часто высокопоставленные лица добывали клады доколумбова Перу не менее варварскими способами даже в просвещенном XIX столетии. Они ры-

щут в поисках золота мочикцев и их потомков и поныне. К сожалению, иногда не без успеха.

Одна из самых печальных историй — это история «убиения» золотых бабочек, которых почти сто лет назад вместе со многими другими золотыми предметами нашел занимавший высокое положение в Республике Перу полковник Ла Роса. Клад содержал, помимо всего прочего, золотую фигурку мальчика, отдыхающего в золотом гамаке, маленькие золотые скульптуры индейских дровосеков, изображенных во время рубки золотых стволов мескитового дерева, и уже упоминавшихся золотых бабочек. Не одну и не десяток, а более пяти тысяч отличающихся друг от друга бабочек. И хотя эти изящные индейские игрушки были сделаны из металла, они могли парить в воздухе, стоило только посильнее на них дунуть. Работа была настолько филигранной, что каждая бабочка весила значительно менее одного грамма и потому могла легко парить в воздухе. Всю эту пятитысячную эскадрилью полковник Ла Роса уничтожил, не пощадив ни одной из прекрасных бабочек. Как же мог он пожертвовать хоть одним граммом золота из награбленной добычи?! Человечество лишилось этого древнеперуанского чуда. Остается лишь пропеть по уничтоженным золотым бабочкам, как и многим другим произведениям древнейших индейских культур, печальный реквием...

В XX веке подобная история повторилась в бассейне реки Лече, близ деревни Батан-Гранде, где некогда жили основатели культур Мочика и Чиму. На одном из крестьянских

участков располагалось пять больших уак. Хозяин участка кроме пяти уак имел еще шесть сыновей. Пока отец был жив, он не разрешал детям прикасаться к пирамидам, расположенным посреди кукурузных полей. Но как только родитель умер, сыновья забыли про кукурузу и, переняв опыт тех, кто грабил индейские святилища, кинулись на самую необычную часть отцовского наследства — на пять теперь уже принадлежавших им пирамид. Через некоторое время в частные коллекции подозрительными путями стали поступать золотые предметы из Батан-Гранде. Многие из них были расплавлены, дабы не привлечь нежелательного внимания и не привести в Батан-Гранде тех, кто хотел бы отправить индейское золото в национальные музеи.

Во главе гангстерской шайки, состоявшей из шести братьев, которые — редкий случай в истории криминалистики! — занимались разграблением собственного имущества, стоял человек с весьма дурной репутацией и нечистой совестью. Он выдавал себя за врача, лечил в Батан-Гранде крестьян и требовал за свои услуги золото, которое здешние обитатели находили в разных уаках. Однако в деревне у него был конкурент, настоящий врач, китаец по происхождению. В конце концов лжелекарь, чтобы не потерять плативших ему золотом пациентов, просто-напросто убил своего коллегу. За это подлое преступление местные жители прозвали его «матачино», или «убивший китайца». Преступник-матачино получил медицинскую монополию в Батан-Гранде. Разумеется, к числу его любимых

пациентов, естественно, принадлежали и шестеро братьев; он «находил» у них различные болезни, чтобы выкачать из пирамид побольше золота и затем тайными путями продать за границу.

Грязная спекуляция индейскими сокровищами долгое время оставалась безнаказанной. До тех пор, пока однажды — как это бывает в детективных романах — один из преступников не совершил ошибки. Во время одного из деревенских праздников один из братьев напился допьяна, потерял над собой контроль и решил продемонстрировать землякам самую фантастическую, еще не проданную лжелекарю находку, обнаруженную им в пирамиде: индейское одеяние, похожее на тунику из бесчисленных золотых пластинок. На шее пьяного счастливца болталось драгоценнейшее украшение великолепного одеяния — большое золотое солнце.

Вид пьянчужки в облачении мочикских или чимуских правителей поразил даже завсегдатаев трактира, многие из которых сами давно занимались ограблением древнеперуанских могильников. О золотой ризе уакеро из Батан-Гранде через несколько минут знала вся деревня. И в этот момент — как *deus ex machina* — на сцену вступает начальник местной полиции, капитан, который, получая свою долю от дохода, уже довольно долго покрывал «золотое предприятие» «матачино». «Человека в золотом одеянии» он арестовал, а поскольку тайна индейских кладов стала всеобщим достоянием, посадил под арест и остальных владельцев пирамид. В то время как полицейские допрашивали братьев, капитан и «матачино» разграбили их

владения. Так буквально в последнюю минуту одним вора́м удалось обо́братъ других воров. К сожалению, очень малая часть того, что продажный страж закона и лжелекарь украли у уакеро, попало в музей. Тем не менее богатое «месторождение» доинкского золота не было утрачено окончательно, ибо о кладах в Батан-Гранде прослышал вездесущий Хулио Сесар Тельо. А поскольку первый его принцип был «никогда не терять времени», он, получив от перуанского правительства широкие полномочия, отправился в северо-перуанскую долину, прихватив с собой нового капитана полиции.

Деятельность Тельо в Батан-Гранде — как и все прежние разыскания этого самого трудолюбивого перуанского археолога — увенчалась успехом; он нашел множество необычайно красивых золотых предметов: лисьи головы (лиса являлась у мочикцев символом мудрости), золотых змей, сов, золотые фигурки жрецов и даже плащ индейского верховного жреца, составленный из 1600 золотых колечек, а кроме того, золотые и серебряные ритуальные ножи, золотые фигурки богов, маски, прикрывавшие лица умерших индейцев, и длинные золотые перчатки, которые надевали на руки уходящим в мир иной. Тельо открыл и гробницу индейского наместника (очевидно, управляющего этой долиной). Как ни странно, похороненный вельможа не был покрыт золотом — его облачение было изготовлено из медных проволочек.

В Батан-Гранде находили и до сих пор находят чудесные предметы из драгоценных металлов ученые, которые пришли вслед за Тельо. Так,

например, немецкий археолог Брюнинг нашел здесь вообще самый богатый клад золотых изделий, созданных в мастерских доинкских индейцев. Один перечень находок составил бы десятки строк. Помимо всего прочего, здесь были обнаружены золотые диски, украшенные изображениями животных с человеческими головами, золотые чаши, прекрасный золотой паук, откладывающий яички из жемчуга, типично мочикские золотые пояса с головами ягуаров. Самой великолепной находкой был 50-сантиметровый ритуальный нож (мочикские жрецы пронзали им горло человеческой жертве), украшенный бирюзовой инкрустацией. На нем были изображены несколько колибри и получеловек-полуптица, возможно, божество с птичьими крыльями. Золотой «урожай» из Батан-Гранде, Ильимо и Сапа́ме, который пожал Брюнинг, попал в места, для которых был предназначен, то есть в национальные музеи, а не в тигли авантюристов, переплавлявших сказочно прекрасные драгоценности мочикского и чимуского ювелирного искусства в «обыкновенное» золото*.

Брюнинг сделал свое фантастическое открытие в 1937 году. Однако сокровища из пирамид в Батан-Гранде пополняют коллекции музеев, особенно знаменитого Музея золота в Лиме, и поныне. Интересно, что немало золотых предметов ученые, в частности археолог Пио Португал, обнаружили совсем недавно как раз там,

* Все эти находки относятся не к культуре Мочика, а к более поздней культуре Ламбайеке. — *Прим. ред.*

где, собственно, и начинались поиски золотых кладов, в мочикской Пирамиде Луны. Пио Португал нашел здесь золотые маски лис и диадемы, ожерелья и множество других прекрасных вещей, которые еще раз подтверждают, что именно представители культуры Мочика довели обработку металла в древнем Перу до высшей степени совершенства. Они работали с золотом, серебром, а также с медью. Золото добывали в шахтах, например в местечке под названием Патас, на дальнем севере страны, причем кое-где золотые слитки были настолько чистыми, что не нужно было очищать их от различных примесей. Золотые крупинки можно было найти почти во всех реках, текущих с Анд. Сегодня промыванием желтого металла занимаются несколько сот последних искателей счастья, главным образом на реке Мадре-де-Диос. В доколумбову эпоху золото промывали сотни и тысячи перуанцев. Масштабы добычи золота в перуанских шахтах даже трудно себе представить. Сообщения первых здешних испанских хронистов говорят о том, что только в Куско — главный город доколумбова Перу — индейцы привозили по 200 000 килограммов золота ежегодно. Один современный немецкий специалист определил, что при цене 6000 западно-германских марок за килограмм золота эти ежегодные поставки стоили бы теперь 1200 миллионов марок!

Из такого огромного количества золота можно было сделать не только легких, как ветерок, бабочек, но и необычайно большие и тяжелые изделия, великое множество которых потом вывезли испанцы. Из Храма

Солнца в Куско они, например, вытащили 10-метровую статую, изображающую богиню Луны и весящую 920 килограммов!* Когда у предпоследнего доколониального Инки — Уайна Капака родился сын, счастливый отец отпраздновал это событие по-перуански: повелел ювелирам сделать золотую цепь, которой можно было бы со всех четырех сторон опоясать площадь в его столице Куско. При этом следует учесть, что каждая сторона площади составляла ровно сто метров.

Золотых дел мастера исполнили повеление правителя. За несколько недель они отковали 400-метровый, весящий много тонн, блестящий «пода-рок» новорожденному. Однако спустя несколько лет в Перу явились первые «бледнолицые», и Инка приказал сбросить золотую цепь в воды озера у деревни Уркос.

Озеро Уркос — это, собственно, затопленный водой кратер бывшего вулкана. Оно очень глубокое, и на его дне скопились десятиметровые наносы топкой грязи. В этой темной грязи и лежит среди глубинного безмолвия 400-метровая цепь из чистого золота. Лежит и ждет ученых-первооткрывателей. Археологи хотят проникнуть на дно озера через длинный подземный тоннель и затем выпустить через него из Уркоса воду. Таким образом, они надеются, что проект удастся и много-тонная «цепочка» будет выловлена.

Возможно, когда-нибудь этот замысел и осуществится. Очень может

* Это выдумка автора, как, по-видимому, и история с цепью, о которой речь идет дальше. — *Прим. ред.*

быть, что в Перу будут найдены и другие сокровища инков, а из пирамид носителей культуры Мочика будет извлечено еще немало шедевров, придававших перуанскому золотому потоку еще бо́льшую ценность. Ведь в них воплощено исключительное чувство художественного вкуса и ювелирное мастерство, которое впоследствии уже никогда и никем в доколумбовом Перу — даже во времена инков — не было превзойдено.

ЗАГАДКА НАДПИСЕЙ НА ФАСОЛИ

Наряду с «глиняным языком» мочикцы, разумеется, имели и разговорный язык, который в отличие от родного языка чавинцев, насканцев, жителей Котоша или Паракаса известен нам в его поздней форме. Этот язык, как и местные индейцы, пережил вторжение пришельцев с гор и вновь расцвел в эпоху государства Чиму, он пережил завоевание Перу, а также колониальный период и доживал свой век (а возможно, в устах немногих старцев, и сейчас еще доживает) в последнем прибежище — в североперуанском Этене. Этот древнейший язык доинкского Перу, известный науке, был зафиксирован в XVII веке

священником Фернандо де ла Каррейрой (тогда на языке мочика говорило более 40 000 индейцев). Через два столетия его изучал немецкий ученый Миддендорф. Многие слова этого языка записал археолог во фраке дипломата Эфраим Скуайер. Язык мочика — теперь мы уже явно должны написать «был» — весьма труден для восприятия чужеземцев, главным образом потому, что в нем имелись звуки, которые в европейских языках отсутствуют. Из гласных в нем преобладали *A* и *E*, а из согласных — *T*, *З*, *С*, *H*, *X* и *Ч*. Язык мочика не содержал ни родов, ни артиклей, при склонении использовались два именительных, три родительных, один дательный и один винительный падежи.

Наряду с классической формой языка мочика в послеколониальную эпоху существовал еще и диалект, на котором говорили преимущественно жители прибрежных рыбацких деревень. Поэтому испанцы и называли его *pascadora* (речь рыбаков). Если язык мочика в целом представлял сложность для испанских завоевателей, то его «рыбацкий» диалект просто вызывал у них отвращение. Падре Каланча, которому мы обязаны множеством ценных сведений об индейцах североперуанского побережья, отмечал, что этот диалект «годится скорее для желудка, нежели для взаимопонимания».

Языка мочикских рыбаков уже давно не существует. Язык мочикской знати исчез в первой половине XX века. От культуры Мочика осталась лишь керамика, которая имеет свой язык. Рафаэль Ларко Ойле, зна-

*Разрисованные мочикские
фасолевые бобы*

ющий мочикские сосуды лучше, чем кто бы то ни было в мире, и родившийся среди этих сосудов на асьенде своего отца, преумноживший семейную коллекцию и создавший большой музей культуры Мочика, утверждает: не следует думать, что мочикцы использовали свои рисунки в качестве письма, у них была удивительная и своеобразная письменность, не похожая ни на одну из тех, что до сих пор известны науке. По мнению некоторых ученых, рисунки на сосудах заменяли представителям этой во всех отношениях чрезвычайно зрелой культуры письменность. Ларко Ойле, пытаясь установить связь между сложными символами, изучил десятки тысяч мочикских рисунков и пришел к выводу, что у древних североперуанских индейцев, помимо языка керамики, существовала своя оригинальная система письма.

Автор этой книги не скрывает, что теория Ларко Ойле до конца его не убедила. Однако перуанскому ученому нельзя отказать в оригинальности мышления и чрезвычайно богатой

фантазии, которые всегда так необходимы при решении загадок прошлого. Пройдем же с этим крупнейшим собирателем мочикской керамики по отдельным этапам его пути в поисках разгадки письменности мочикцев...

Рафаэль Ларко Ойле заметил, что на многих сосудах изображена фасоль (ее ботаническое название — *Phasoe-lus lunatus*). Эти фасолины — *pallares*, как называют их нынешние перуанцы, — на мочикских рисунках украшены, вернее, исписаны различными черточками и точками, которые существенно отличаются от естественных пятен на бобах фасоли. Мочикская керамика запечатлела разрисованные *pallares* самых различных видов, причем не остались без внимания и писари, которые особыми гравировальными инструментами наносили на фасолины знаки. На множестве сосудов своей коллекции Рафаэль Ларко Ойле видел облаченных в традиционные «лисы» одеяния жрецов (как мы помним, лиса была для мочикцев не только символом святости, но и символом мудрости), расшифровыва-

ющих на ступенях пирамид десятки таких помеченных значками фасоллин. Они раскладывали их в ряд, словно, только правильно расположив эти *pallares*, можно уловить смысл всего «фасолевого» послания.

Ларко Ойле убежден, что обнаружил на керамике тех, кто писал сообщения, читал и даже передавал их. На сотнях сосудов он находил изображения гонцов, всегда держащих в руке небольшой кожаный мешочек. В таком мешочке из мягкой кожи ламы, по его мнению, находились покрытые значками фасолины. (На одном блюде из коллекции Ларко Ойле, в самом деле, изображены гонцы, передающие кожаные мешочки жрецам, и возле них — те же самые жрецы в лисьих одеяниях, уже читающие «фасолевы» сообщения. Кстати сказать, подобные мешочки из кожи ламы были найдены и в могилах носителей культуры Мочика.)

Итак, кожаные мешочки с исписанными фасолинами путешествовали по обширной стране мочикцев. Их доставляли к месту назначения гонцы, которых Ларко Ойле считает наиболее важным звеном в мочикской «почтовой системе».

«Империя» инков — последняя из доколумбовых культур Перу — пользовалась весьма совершенным, надежным и очень быстрым способом передачи сообщений с помощью гонцов (их называли «часки»), расставленных на определенном расстоянии друг от друга, по хорошо содержавшимся дорогам. Важные донесения при помощи веревочек с узелками — кипу — доставлялись в древнем Перу с удивительной быстротой. Так, на-

пример, сообщение из Кито в Куско (расстояние между городами равно 2000 километров) передавалось примерно за пять дней. Нынешняя почта иной раз доставляет корреспонденцию куда дольше.

Священник Моруа, один из первых испанских хронистов «империи» инков, отмечает, что почтовую службу, которую несли гонцы, ввел Инка Тупак Юпанки — первый завоеватель северного побережья Перу, то есть бывшей территории мочикцев. Р. Ларко Ойле делает вывод, что система профессиональных государственных гонцов впервые была изобретена и претворена в жизнь в государстве Мочика, в котором гонцы по хорошим дорогам разносили послания, «написанные» на бобах фасоли.

По мнению перуанского ученого, мочикские скороходы несли службу днем и ночью и доставляли почту невероятно быстро. Именно поэтому их изображения всегда сопровождают символы животных, быстрота которых восхищала мочикцев. Гонцы, бежавшие днем, изображались с головой оленя, те, кто приносил сообщения ночью, имели голову совы. На некоторых керамических сосудах изображен гонец с телом сороконожки, словно бы он и в самом деле имел не две, а сорок ног. В иных случаях художник подчеркивал быстроту гонца, пририсовывая ему птичьи крылья.

Ларко Ойле скопировал десятки разных типов черточек, точек и пятен, которые считал знаками «фасолевого» письма. Когда позднее в коллекциях К. А. Ойе, владельца асьенды Санта-Клара, и инженера Серхио Гальярда из Тамбо-Реаля Ларко Ойле

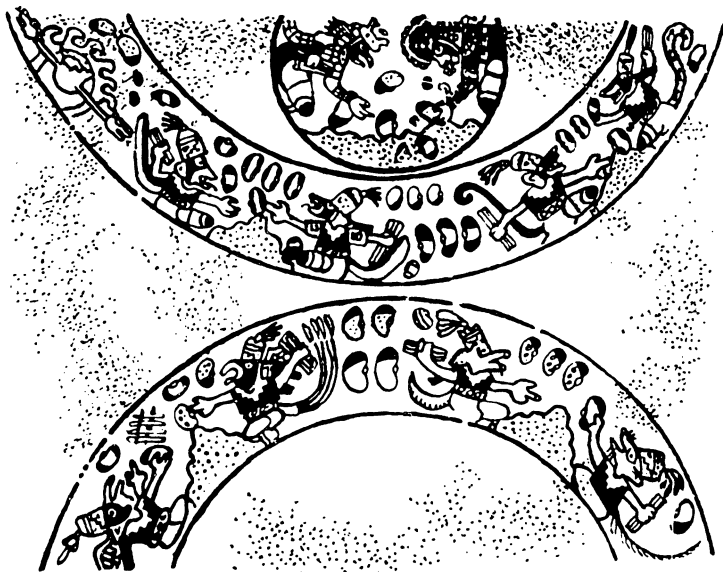
Мочикские бегуны держат в руках мешочки с расписанными фасолинами

нашел керамические изображения фасолин, украшенных особыми знаками, он был уверен, что его идея существования оригинального мочикского письма достаточно убедительна. И не только мочикского. Ученый убежден, что подобная же система знаков существовала и у майя, наиболее развитой

из всех культур доколумбовой Америки.

Для обозначения понятия «письменность, письмо» майя использовали выражение «циб» (или «дзиб»), составленное из слов «ц» (что на языке майя означает «гравировать») и «иб» (майяское название фасоли). Следовательно, понятие «писать» майя выражали словами «гравировать на фасоли», что, безусловно, не лишено интереса. Ларко Ойле обнаружил еще несколько моментов сходства между культурами Майя и Мочика, в том числе майяское изображение лисицы, над головой которой помещены иероглифические знаки, а также рисунок в майяской рукописи человека-птицы, наносящего какие-то знаки на бобы фасоли.

Мочикско-майяские параллели, воз-

*Фасолевое письмо.
Жрецы
в лисьих шкурах
читают исписанные
знаками фасолины*

можно, являются случайными совпадениями, которые известны науке с давних времен и которые нередко ведут исследователей по ложному пути. Майяские иероглифические надписи и тексты майяских кодексов, безусловно, резко отличаются от упомянутых древнеперуанских надписей на бобах фасоли. Что же касается самих мочикцев, то бесчисленные изображения бобов фасоли с выгравированными на них знаками, портреты дневных и ночных гонцов, писарей, гравирующих *pallares*, и, наконец, жрецов в лисьих одеяниях, читающих сообщения на фасоли, и вправду столь часты на мочикских рисунках, что сами вызывают к тому, чтобы над теорией Ларко Ойле об удивительной письменности задумались и другие специалисты.

Рафаэль Ларко Ойле бросил знатокам доколумбова Перу перчатку, которая явно заслуживает того, чтобы кто-нибудь ее поднял. Ведь загадка фасолин, изображенных на мочикских рисунках, может быть объяснена и совсем иначе. Например, это могла быть какая-то распространенная азартная игра, жрецы в лисьих шкурах могли предсказывать по фасоли будущее, а многочисленные гонцы с мешочками в руках могли оказаться всего лишь участниками неких священных кроссов к мочикским пирамидам. И если все-таки существование «фасолевого» письма в доколумбовом Перу когда-нибудь будет доказано, Рафаэлю Ларко Ойле придется ответить на один очень важный вопрос*:

* Р. Ларко Ойле умер в 1967 году. — Прим. ред.

Разрисованные фасолины сами «бегут». Рисунок, со всей очевидностью, свидетельствует, что бобы фасоли действительно служили для передачи сообщений

если мочикцы действительно изобрели такой вид письма, почему они не передали тайну изображения своим преемникам?

**ТАК БЛИЗКО
К ЗВЕЗДАМ,
ТАК ДАЛЕКО
ОТ ЛЮДЕЙ**

После мочикцев, этих предполагаемых создателей письма на фасоли, почти всем доинкским Перу на некоторое время овладели люди из Тиауанако. Так по крайней мере называют их

многие историки. Называют потому, что не знают их настоящего имени, не знают даже настоящего имени их фантастической каменной метрополии. Название Тиауанако город получил значительно позже, уже после того, как воины и верховные жрецы навсегда его покинули. Это имя дали ему те, кто последними в индейском Перу пили из кубка властителей, — инки, гордые, вззирающие на это южноамериканское государство с высоты собственного величия.

Рассказывают, что к Инке Майта Капаку (по другим преданиям, Синчи), который отдыхал среди развалин покинутого города, прибежал гонец и передал важное известие из столицы «империи» Куско. Правитель оценил усердие гонца, сравнив его с гуанако (животным, похожим на ламу и наряду с викуньей обитающим на горных равнинах Перу), и наградил необычным способом — разрешил гонцу, незнатному члену общества, сидеть в своем присутствии. Инка сказал на языке кечуа: «Тиа Уанако» («Сядь, гонец, быстрый, как гуанако»). Так это название за городом и осталось, хотя в действительности он назывался иначе. Одни ученые полагают, что первоначально город назывался не Тиауанако, а Инти Уауан Акус, что можно перевести примерно так: община сыновей Солнца. Другие же считают, что первоначальное название Тиауанако означало «Вечный город». И наконец, третьи находят в его названии отзвук поклонения фаллосу, символу плодородия и продолжения жизни. Ученые, занимающиеся историей Перу и андских стран, должны были выбрать одно из этих наимено-

ваний. Совершенно правильно они решили остановиться на неправильном названии. На конференции, проводившейся в боливийской столице Ла-Пасе в 1957 году, ученые оставили за покинутой каменной метрополией имя, которое дал ей тот, кто определенно не принимал участия в ее строительстве, — Инка Майта Капак. Под обозначением «Тиауанако» (в новейшей транскрипции — Тиванаку) вошла в историю древней Америки и культура, которая из этого города проникла во все области Перу.

Город Тиауанако, строго говоря, находится не в нынешнем Перу, а неподалеку от его государственной границы — в Республике Боливия, в Андской области, которую в колониальные времена называли *Alto Perú* — Верхнее (или высокое) Перу. Этот город действительно находится высоко. Расположен он в Сьерре на Альтиплано, холодной нагорной равнине, с обеих сторон окруженной заснеженными хребтами Кордильер, неподалеку от берегов знаменитого, самого высокогорного в мире судходного озера Титикака. Очарование высокогорной равнины, откуда так близко к звездам и так далеко до людей, усиливает почти мистическое чувство, которое испытывает в Тиауанако почти каждый иностранец. Автор этой книги во время своего первого посещения древнего города тоже поддался подобному чувству, когда под вечер, после трудного пути, добравшись наконец из Ла-Паса в Тиауанако, оказался здесь совсем один. Лучи солнца быстро угасали на отдаленных снежных вершинах Кордильер, оставляя свои блики в бескрайних водах

озера Титикака. Пейзаж без деревьев был тих и почти лишен жизни. Передо мной лежал мертвый город. Голоса древнего Тиауанако — стотонных блоков, 7-метровых монолитных статуй и прославленных Ворот Солнца — надо научиться понимать.

Взошла луна. Звезды в разреженном воздухе Альтиплано светили так, как нигде на свете. Впервые за время долгого путешествия в поисках утерянных индейских государств мы проникли глубоко в горы. Тут уже не чувствуется ни дыхания океана, ни зноя прибрежных песчаных пустынь или речных долин, где зародились культуры Наска, Паракас, Виру и, наконец, Мочика. Этот город — творение культуры, прародину которой мы не знаем, но которая, по всей вероятности, возникла именно здесь, на нагорных равнинах перуанского юга. Эта культура в пору своей наибольшей славы сумела проникнуть до самого перуанского побережья и своим искусством, своими религиозными представлениями оказала воздействие даже на самые отдаленные области этой части Южной Америки. Тиауанако после Чавина — вторая общеперуанская или общеандская культура. Эта культура, возможно, еще больше, чем Чавин, вызывала, вызывает и наверняка будет вызывать в будущем самые фантастические догадки. Даже при попытке ответить на основополагающие вопросы, какие обычно ставятся при открытии древних индейских городов: кто и когда основал Тиауанако — город, расположенный так близко к звездам и так далеко от людей?

ПРАОТЕЦ АДАМ ОСНОВЫВАЕТ ГОРОД

Кто и когда основал Тиауанако? Эти вопросы задавали себе еще первые европейцы, оказавшиеся в древнем городе. Индейская метрополия, разместившаяся на боливийском горном плато на фоне снежной белизны величественных гор и сине-зеленого озера, покорила их. Возможно, именно поэтому первые испанские хронисты оставили нам о давно уже мертвом городе Тиауанако больше сведений, чем о каком бы то ни было другом доколумбовом городе Перу. В самом деле, ни один древнеперуанский центр — пожалуй, за исключением золотого Куско инков — не вызывал у первых европейцев такого волнения и одновременно таких странных вопросов и домыслов о его происхождении, как Тиауанако.

Индейцы, жившие тут в пору появления испанцев, верили, что такой большой город не могли построить обыкновенные люди, что его возвело когда-то давно вымершее племя гигантов. Посещавшие Тиауанако европейцы не верили в великанов, однако приписывали городу (а многие приписывают и поныне) невероятно древнее происхождение. Так, боливийский инженер (по происхождению австриец, носящий польскую фамилию) Артур Познанский, человек, имеющий

огромные заслуги в изучении Тиауанако и проводивший в его развалинах полжизни, доказывал, что город был основан 12—17 тысяч лет назад. Одно это превратило бы Тиауанако в древнейший город не только Америки, но и всей нашей планеты!

Другие авторы были еще менее скупы в определении возраста Тиауанако. Так, доктор Х. С. Белами считал, что он построен 250 000 лет назад. Постепенно началось настоящее состязание: кто, разгадывая величайшую археологическую загадку Боливии, даст Тиауанако больше лет. В конце концов победителем стал боливийский языковед Эметерио Вальямил де Рада, пытавшийся в своем сочинении «Язык Адама» доказать, что праотец Адам говорил на айма-ра — языке боливийских индейцев — и был основателем этого древнейшего города мира, который, по мнению автора, во времена Адама назывался Армар-Апу.

Адам, согласно Библии, жил в раю и, следовательно, говорил на «райском» языке. Существуют «райские» кущи, «райские» наслаждения, «райские» звуки... Но «райский» язык? Да еще чтобы это был язык индейцев боливийских гор, чья жизнь и отдаленно не напоминала райскую? Испанский хронист, священник Балтасар де Салас, долго живший неподалеку от Тиауанако и позднее (в 1625 году) издавший в Мадриде книгу «Айма-ру-Айма-ру», пришел к выводу, что не только праотец Адам пребывал в Перу, но что и «рай был не там, где он был». На свой страх и риск де Салас переместил его на боливийское Альти-плано. Четверть столетия спустя «рай-

скую» теорию вслед за Саласом стал развивать другой испанец — Антонио де Леон Пинела, который в своей книге «Рай в Новом Свете» превратил Евфрат в Ориноко, а Тигр — в Амазонку. А чтобы не обидеть Еву, он превратил яблоко искушения в перуанский плод гранадильо.

Первый серьезный исследователь появился в «городе Адама» только в начале второй четверти XIX века. Он приехал из Франции, и его звали Альсид д'Орбиньи. В прославленном труде ученого «*L'Homme Américain*»* впервые высказано мнение, что Тиауанако был создан жителями одного из доинкских государств, столь могучего, что оно сумело воздвигнуть в этом городе множество построек и решить проблему доставки сюда огромного количества тяжелого строительного материала. Это был новый взгляд на прошлое Перу. Со времен конкисты европейцы в Перу интересовались только инками, их «империей» и культурой. Доинкский период истории этой страны и доинкские культуры в расчет не принимались. В 1892 году вышла работа «*Die Ruinenstädte von Tiahuanaco in Hochlande des alten Peru*»**, которая стала первым шагом в подлинно научном изучении загадочного города. Ее авторы — М. Уле и А. Штюбель. С выходом в свет этого труда начинается очищение истории Тиауанако от наносов фантазии и легенд.

* «Американский человек»

** «Обращенный в руины город Тиауанако в горной стране древнего Перу».

Ученым приходилось бороться не только с теми, кто искажал древнюю историю Тиауанако, но и с теми, кто уничтожал его каменный лик, то есть с современными вандалами, даже порой действующими на основе официального разрешения.

Жители покинули Тиауанако еще в доколумбовы времена, однако в колониальную эпоху местные индейцы вернулись в город. Вернулись не для того, чтобы вновь поселиться здесь, а для того, чтобы углубить раны, нанесенные метрополии их предков беспощадным временем, и ускорить разрушение Тиауанако более действенным способом: в течение 400 лет древний город являлся крупнейшей каменноломней Боливии. Со всех уголков страны съезжались сюда люди, чтобы увезти с собой тысячи и тысячи тонн прекрасно обработанного высококачественного камня. Большие по размерам монолиты, в частности прославленные тиауанацкие статуи, разбивали киркой, а в более поздние времена взрывали динамитом. Если вы совершите прогулку по окрестным деревням, то увидите, что стены жилищ здешних индейцев сооружены из каменных блоков, много столетий назад обработанных руками их предков.

До последнего камешка была разобрана тиауанацкая Цветная лестница. Точно так же самозванными каменщиками был сильно поврежден находившийся по соседству Дворец саркофагов. В нынешнем столетии практически исчез с лица земли уникальный главный водопровод, точнее сточная канава, проходившая через один из объектов Тиауанако. А совсем недавно была разбита на четыре части

(в прямом смысле слова четвертована) монолитная статуя, очевидно, поставленная в честь бога грома и грозы. У одной из скульптур была отбита голова. И так далее и тому подобное... Этот поистине печальный перечень уничтоженных каменных памятников в неповторимом городе можно продолжать до бесконечности. Самый сильный урон Тиауанако нанесли строители железной дороги, которая получила наименование «железная дорога Прогресса» или *Ferrocarril de Guaquí* по названию конечной станции. Для строительства мостов, укладки рельсов и других работ требовалось много камня. С разрешения властей строители стали разрушать с помощью динамита статуи и стены Тиауанако. Когда один из боливийских археологов выразил протест против их варварских действий, главный инженер ответил: «Мы принесем славу этим камням. Все станут говорить, что они сослужили службу двум культурам — древней и нашей!»

Разорение Тиауанако началось не в XX столетии, а много раньше, в колониальные времена. Еще первый испанский хозяин города Хуан де Варгас тщетно искал в его зданиях золотые изделия древних индейцев. В XVIII веке другой предприниматель, баскский шахтовладелец Ойальдебуру приказал перекопать всю Акапану — один из главных районов Тиауанако, — поскольку верил, что золото и серебро, которые ему не удалось добыть в перуанской земле, он отыщет здесь, в резиденции древних индейских правителей.

В отличие, например, от ацтекского Теночтитлана, который был полно-

стью разрушен за короткий период завоевания Мексики испанцами, Тиауанако уничтожали в течение 450 лет. Жестокому, бессмысленному опустошению долгое время противостояли лишь отдельные энтузиасты. Один из самых видных современных защитников индейского города, уже упоминавшийся нами морской инженер Артур Познанский решил в конце концов перенести ряд памятников из Тиауанако в столицу Боливии Ла-Пас и создать из них своеобразную «тиауанакскую площадь» Мирафлорес. Ныне это самое посещаемое туристами место в стране.

Многие ученые не одобряют осуществленный Познанским «вывоз Тиауанако из Тиауанако», но, возможно, он спас для будущих поколений хоть часть из того, что в противном случае усердные добыватели камня все равно бы из Тиауанако вывезли.

Отношение боливийцев к ценнейшему, удивительнейшему индейскому городу, сохранившемуся на территории их страны, изменилось только после второй мировой войны. Современные власти Боливии вполне отдадут себе отчет в том, какой исключительный клад оставили потомкам безвестные творцы. Тиауанако и Чавин постепенно реконструируются. В 1957 году был основан боливийский государственный «Центр археологического изучения Тиауанако», которым с самого начала руководит известный боливийский археолог Карлос Понсе Санхинес.

За двадцать лет Санхинес и его сотрудники проделали большую работу по реставрации первоначального облика Тиауанако. Разумеется, архе-

ологи не могли вернуть городу разобранную лестницу, украденный храм, взорванные динамитом статуи. Однако то, что осталось, они очищают, заново подгоняют камень к камню, насколько возможно возвращают храмам и пирамидам Тиауанако их прежний вид. И открывают новые храмы и пирамиды. Например, сам Понсе Санхинес раскопал одну монолитную статую и обнаружил ранее не известный подземный храм.

Итак, взглянем сначала на все, что Понсе Санхинес и его помощники уже расчистили или вернули на прежнее место. Пройдемся по городу праотца Адама, храмы и лики статуй которого ставят перед нами неожиданные вопросы.

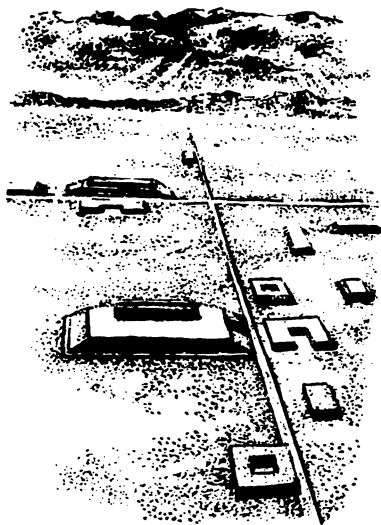
ПРОГУЛКА ПО ТИАУАНАКО

Первая же прогулка по Тиауанако вызывает волнение у всякого, кто посещает этот город. Гигантские каменные блоки (самый большой весит 131 000 килограммов), прославленные тиауанацкие статуи, в которых одни видят правителей, а другие богов этого города, не менее прославленные монолитные Ворота Солнца, Ворота Луны, подземные пирамиды, полураз-

рушенные дворцы — все это мы находим на боливийском Альтиплано, о котором один из крупнейших знатоков прошлого Перу профессор Джон Олдон Мейсон сказал, что это последнее место на нашей планете, где археологов ожидает большое поле деятельности. Боливийский профессор Мариано Баптиста заметил, что главное, что Тиауанако отличает от других мест, привлекающих археологов и историков — например, от египетского Абу-Симбела, ливанского Баальбека или перуанского Саксауamana, — это окружающая природа. Этот город по праву называют Тибетом Нового Света.

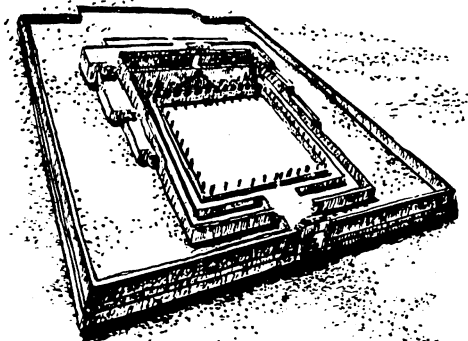
Тиауанако, точнее то, что от него осталось, состоит из нескольких основных объектов. Наиболее хорошо реконструированная часть города — это так называемая Каласасайя, — усадьба, а возможно, дворец с прямоугольным основанием (размеры 126,20 × 17,50 метров). Она обнесена стеной, в которую встроен ряд неравномерно расположенных монолитных колонн, столь тяжелых, что расхитители камня не смогли вывезти их из Тиауанако. Внутренний двор Каласасайи, занимающий примерно треть всей площади объекта и находящийся ниже уровня земной поверхности, уже полностью восстановлен. Жители города вступали в Каласасайю через большие каменные ворота по монументальной лестнице с шестью ступенями. Этот объект, который иногда — неизвестно почему — называют Дворцом юстиции, описал один из первых хронистов Перу испанец Сьеса де Леон. Он рассказывал о патио, то есть внутреннем дворе Каласасайи, и

Примерно так выглядел город Тиауанако. Вид с востока. На переднем плане мы видим Каласасайю и Акапану

расположенной рядом крытой зале с большими порталами и окнами. Эту дворцовую залу хронист сравнивал с построенным много позже прославленным Храмом Солнца в Куско, который был отделан золотом; тиауанацкую каменную Каласасайю также украшал этот драгоценный металл. В стены были вбиты золотые гвозди, на которых держались медные и бронзовые пластины, покрывавшие каменный остов здания.

Во внутренней части Каласасайи не так давно была найдена одна из самых знаменитых тиауанацких статуй. Эту статую называют Монолит Понсе — по имени ученого, обнаружившего ее. 3-метровый колосс стоит на том же

Так выглядела
тияуанакская Каласасайя

самом месте, где он некогда стоял. Интересное открытие в другом здешнем объекте — во дворце Кантайите — сделал боливец Дик Эдгар Ибарра Грассо. По мнению исследователя, один из найденных кантайитских обработанных камней представляет собой точную модель Каласасайи*. Если Ибарра прав, это означает, что проектировщики не делали чертежа планируемой постройки, а воплощали свой замысел в многократно уменьшенной каменной модели.

По соседству с Каласасайей Карлос Понсе Санхинес открыл весьма примечательное и до середины XX века никому не известное тиауанакское святилище, так называемый «Полуподземный» или «Полупогруженный храм». Данное археологами название указывает, что храм был построен ниже окружающего уровня земли. Его основание опущено на глубину 170 сантиметров. «Полуподзем-

ный храм» имеет площадь 742,5 квадратного метра.

На том же месте выдающийся исследователь Тиауанако профессор Уэндел Беннетт в 1932 году нашел гигантскую статую из розового камня, ныне носящую его имя. 2-метровый постамент под могучей фигурой первоначально был врыт в пол святилища.

Монолит Беннетта имеет высоту более 7,25 метра. Голову его украшает нечто вроде тюрбана или налобной повязки. Глаза смотрят прямо, и кажется, будто из них текут слезы. Руки сложены на груди. В одной из них находится типично тиауанакский сосуд-«кери», в другой — обрядовый индейский горн из раковины (в Боливии их называют «путуту»). Живот статуи обвязан широким поясом.

Неподалеку от гигантского Монолита Беннетта была найдена еще одна, меньшая статуя, изображающая мужчину с бородкой, что не совсем типично для индейцев. Этот и другие каменные тиауанакские бородачи заставили задуматься ученых. В юго-западном углу Каласасайи стоит прославленная тиауанакская статуя, которую нынешние боливийцы называют «El Fraile» — «Монах».

По соседству с Каласасайей расположены развалины сильно поврежденного Дворца саркофагов. Этот дворец, по всей видимости, состоял из ряда жилых помещений и небольших зал, окружавших центральный двор.

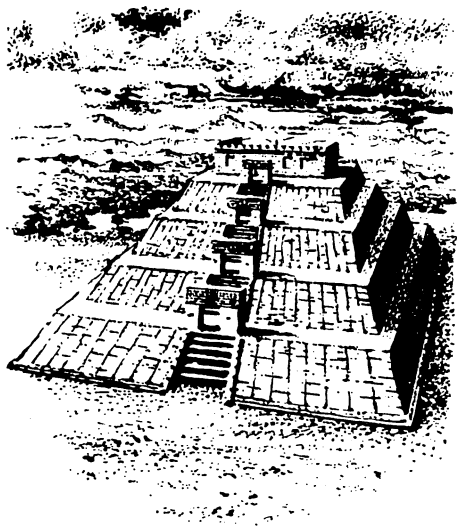
Южнее Каласасайи возвышается знаменитая тиауанакская пирамида Акапана. Поскольку до Понсе Санхинеса археологические работы не отличались размахом, Акапана не была

* Если это и «копия», то по крайней мере очень неточная. — *Прим. ред.*

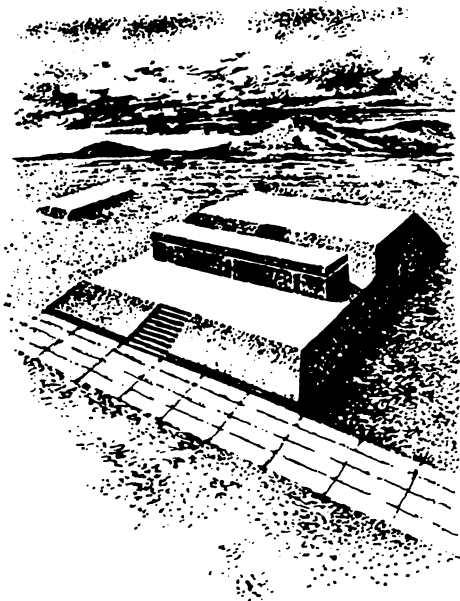
изучена в должной мере. Ученые до сих пор не пришли к единому мнению, каково, собственно, назначение этой постройки и каким образом была создана Акапана. Одни полагают, что она была заранее спроектирована, другие, и их большинство, считают, что Акапана — это холм, которому придали террасообразный вид и на вершине которого некогда, возможно, находился индейский храм или жертвенник. Третьи убеждены, что на вершине Акапаны первоначально была расположена военная крепость, защищавшая город. На самом верш пирамиды сохранился небольшой водоем, очевидно, искусственное озерцо, ориентированное точно на восток, что само по себе уже свидетельствует об искусственном происхождении Акапаны. С вершины пирамиды открывается вид на объекты, лежащие в окрестности загадочного города. Важнейший из них, находящийся за железнодорожным полотном печально известной «дороги Прогресса», — это опять же террасообразная постройка Пума-Пунку, что буквально означает Ворота Пумы. Однако здесь нет никаких ворот, хотя поблизости действительно были найдены трое каменных ворот. Поскольку Пума-Пунку сооружена из огромных, иногда более чем стотонных блоков андезита и серого трахита, эти каменные гиганты сохранились до наших дней. Плиты мастерски обработаны, что свидетельствует о совершенстве искусства древних камнетесов. На вершине Пума-Пунку тиауанакские строители поместили святилище или жертвенник, а затем весь объект обнесли двойной стеной. Комплекс тиауанакских Ворот Пумы до-

полняло десять ворот и оригинальные огромные каменные седла.

Некоторые ученые весьма своеобразно объясняют назначение окружающей Пума-Пунку ограды: в сравнительно недавнее с точки зрения геологии время расцвета Тиауанако поверхность озера Титикака была будто бы на 34 метра выше, чем сейчас. Это означает, что озеро было тогда значительно шире и доходило до самого города. Таким образом, Тиауанако был расположен на берегу этого континентального моря Анд. Вполне возможно, что огражденная часть города являлась в ту пору портом. Именно оттуда отплывали в далекие странствия тиауанакские миссионеры, торговцы и воины. И именно сюда приставали ладьи

Так, согласно представлениям большинства археологов, первоначально выглядела тиауанакская пирамида Акапана

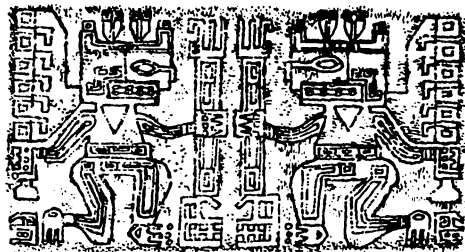

*Реконструкция террасовидной
тиауанакской постройки Пума Пунку*

паломников, которых притягивал в самый большой религиозный центр в горах, в эту Мекку Анд, культ главного божества Тиауанако. Главного божества?! Но верно ли, что строители древнего индейского города верили в одного, главного бога? Это очень важный вопрос. Как бы мы на него ни ответили — положительно или отрицательно, — мы должны попытаться найти в Тиауанако следы его культа, изображение этого предполагаемого божества древних горных индейцев.

Нам представляется, что его портрет сохранился в Тиауанако и украшает он, очевидно, один из известнейших тиауанакских памятников — небольшие, но прославившиеся на весь мир

Ворота Солнца (Инти-Пунку). Они расположены в северо-западной части Каласасайи и вытесаны из десятитонного блока андезита размерами $3 \times 3,75$ метра. Верхнюю их часть с восточной стороны украшает богатый рельеф, в центре которого находятся фигура человека с невероятно большой головой, окруженной нимбом. Нимб образуют двадцать четыре луча, каждый из которых имеет на конце голову ягуара (видимо, символ божества Луны), или голову пумы. Из глаз человека текут слезы — вероятно, доказательство того, что могучий бог даровал земле влагу, то есть обеспечивал индейским полям урожай. В руках диковинного божества большой царский жезл с головками кондоров наверху. К центральному божеству, изображенному на фризе Ворот Солнца, обращены взоры сорока восьми фигур поменьше, изображающих поллюдей-полуптиц. Свита главного божества держит в руках жезлы такой же формы. Над входным проемом Ворот Солнца мы видим полосу меан-

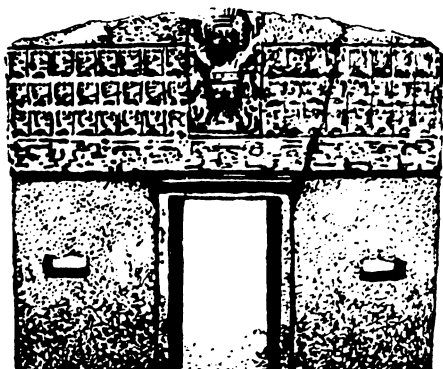
*Редкий образец
тканей тиауанакской культуры.
Фигуры на материи напоминают
изображения на Воротах Солнца*

дрического орнамента, в который включены человеческие лица. Однако этот прекрасно решенный в художественном отношении меандр далеко не так важен, как главный рельеф, в особенности его центральная фигура.

Кто же он, этот похожий на человека бог с Ворот Солнца? Можно предположить, что в стране почитателей небесных светил, в частности важнейшего из них, дарующего жизнь, это скорее всего бог Солнца. Фигурки полулюдей-полуптиц, окружающих на фризе центральную фигуру, по мнению одних ученых, представляют собой прочие звезды, обращенные лицом к своему небесному государю. По мнению других, на рельефе изображен древний тиауанаковский календарь — солнечный или лунный. Центральную фигуру с Ворот Солнца некоторые связывают даже с предполагаемым, но недоказанным тиауанаковским культом планеты Венера.

В настоящее время большинство ученых сходятся в том, что на рельефе мы действительно видим главного бога Тиауанако, владыку всех прочих богов, глубоко почитаемого жителями города и его правителями. Однако эти жители и правители Тиауанако пока остаются для нас безымянными. Был ли безымянным и бог с Ворот Солнца? Безусловно, нет. Многие знатоки перуанской истории полагают, что его настоящее имя — Виракоча, а точнее, Кон-Тики (Кон-Тикси) Виракоча.

С культом Виракочи, творца мира, первые испанцы столкнулись еще у инков. Они даже записали гимны, славившиеся в древнем Перу в честь

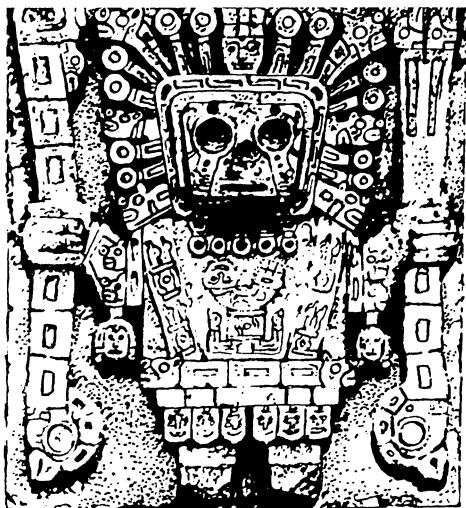

*Самый прославленный тиауанаковский памятник — Ворот Солнца, созданные из цельного андезитового блока.
Общий вид*

Виракочи*. В одном из таких гимнов, прославляющих Великого Творца, говорится:

О, Виракоча! Ты, кому равных
Нет на всем свете,
С кем не сравнится никто,
Ты дал нам жизнь, дал сознание,
Ты сказал: да будет сотворен мужчина!
Ты сказал: да будет сотворена женщина!
Ты их создал, ты их сотворил.
И дал им жизнь.
О, охраняй же тех, кого ты создал.
Да живут они в покое и во здравьи
И пребудут в мире!
Где ты? Ты высоко на небесах?
Или внизу? Иль в грозových тучах?
Или в грохоте грома?
О, выслушай меня!
Ответь! И жизнь мою продли!
Рукой своей нас охраняй,
Прими дары наши и жертвы,
Где только пожелаешь.
О, Виракоча!

* Гимны в честь Виракочи записали не испанцы, а потомок провинциальной инкской знати, крещеный индеец Пакачути Ямки Салькамайуа. — *Прим. ред.*

*Центральная фигура рельефа
тияуанакских Ворот Солнца*

Первые испанские хронисты Перу записали не только стихи и песни о великом Виракоче, но и множество

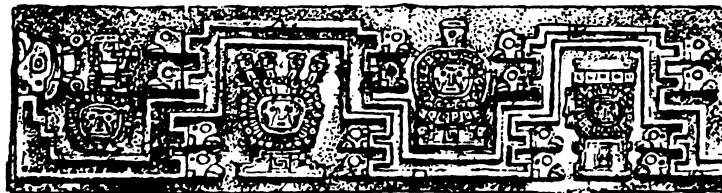
мифов о его великолепном городе Тиауанако (погибшем задолго до прихода испанцев) и о солнечном озере Титикака, которое также играет в мифах весьма важную роль.

Версии древнеперуанских мифов о Виракоче и Тиауанако во многом расходятся. Однако в каждой из них рассказывается о том, что в начале существования мира, в пору вечной тьмы, из вод озера Титикака вышел бог Кон-Тики Виракоча и стал править в Тиауанако. В стенах города сотворил Кон-Тики Виракоча Солнце и приказал ему двигаться по небу в том направлении, в котором оно следует и поныне. В Тиауанако сотворил Виракоча Луну и прочие небесные светила. Затем создал (разумеется, из камня) мужчин и женщин и отправил их парами по всему Перу, определив, в каких пещерах, источниках, реках и скалах им надлежит появиться на свет.

*Двое из 48 спутников главной фигуры рельефа
на Вратах Солнца в Тиауанако*

*Меандровый фриз
на Воротах Солнца
в Тиауанако*

Каменных предков людей, сотворенных в Тиауанако рукой великого Кон-Тики Виракочи, индейцы также называли Виракоча.

Примерно так звучит часть легендарной версии о Виракоче, о священном Тиауанако и о происшедшем в этом городе сотворении человечества. Хотя многие мифы и легенды были записаны сразу же после конкисты, прошло слишком много времени после того, как Тиауанако был покинут жителями и по соседству с его развалинами поселились предшественники нынешних аймара, а над аймара стала владычествовать могущественная «империя» инков.

НАСЛЕДИЕ БЕЛОГО БОГА?

Тиауанаковский Кон-Тики Виракоча не дает спокойно спать современным исследователям. Его имя напомнил всему миру отважный норвежский мо-

реплаватель Тур Хейердал своей первой экспедицией на «Кон-Тики», осуществленной под сенью лика Виракочи. Те, кто посетил одноименный музей в норвежской столице Осло, знают, что парус хранящегося здесь плота, сооруженного Хейердалом из бальзового дерева, украшен портретом бога, перерисованным мореплавателем с одной из монолитных статуй в индейском Тиауанако.

Для Хейердала загадочный город бога Виракочи был связан с археологическим местонахождением Южной Америки. Внимание ученого привлекли в первую очередь монументальные статуи. Во время своих путешествий по Океании он заметил, что в Полинезии, особенно на острове Пасхи, сохранились такие же, как и в Тиауанако, статуи великанов (моаи). Хейердал пытался найти общие черты в культурах древнего Перу и Полинезии. Постепенно он пришел к выводу, что Тиауанако представляет собой наследие белых бородатых людей. При этом он ссылаясь на туманные высказывания некоторых инков. «И местные жители рассказали, что огромные, теперь заброшенные, монументы были воздвигнуты белыми богами, жившими здесь до того, как инки взяли власть в свои руки. Исчезнувших зодчих описывали как мудрых и

миролюбивых учителей, которые пришли с севера на заре истории и обучили предков индейцев строительному искусству и земледелию, передали им свои обычаи. Они выделялись среди индейцев белой кожей, длинной бородой и высоким ростом. В конце концов они покинули Перу так же внезапно, как и пришли туда. Инки сами стали править страной, а белые учителя навсегда исчезли из Южной Америки, уйдя на запад, в Тихий океан»*.

Хейердал пошел по следам этих гипотетических переселенцев из Тиауанако. Еще до начала второй мировой войны в составе естественнонаучной экспедиции он посетил Маркизские острова, в частности небольшой остров Фату-Хива. Здесь молодой Хейердал подружился со старым туземцем Теи Тетуа, якобы последним представителем вымерших племен, которые когда-то населяли восточное побережье острова. Теи Тетуа рассказывал молодому европейцу, будто его предки приплыли на Маркизы с востока, а на Фату-Хиву их привел вождь и бог по имени Тики. В послевоенные годы Тур Хейердал отправляется в Тиауанако, где когда-то действительно существовал культ одноименного бога. В древних хрониках он пытался найти сведения о его судьбе. Исследователя волновали причины, заставившие Кон-Тики Виракочу и его народ покинуть каменный город в Андах.

Теория норвежского мореплавателя о переселении народа Виракочи из Перу на остров Пасхи, на Маркизские

острова, а возможно, и на другие острова Океании вызвала в свое время большой интерес в научном мире и среди широкой общественности. Автор книги, которую вы читаете, в ходе своих четырех экспедиций в Океанию, главным образом в период пребывания на острове Пасхи, предпринимал ряд попыток найти следы присутствия перуанских переселенцев на островах этих южных морей. Однако никаких неопровержимых доказательств, подтверждающих теорию Хейердала, он не нашел. Рискованное плавание мужественного норвежца из Южной Америки на острова Тихого океана также не смогло убедить широкие научные круги в том, что обитатели Полинезии и их культура ведут свое происхождение из древнего Перу, а конкретно из Тиауанако.

В связи с плаванием Хейердала через Тихий океан многие вновь начали обращаться к сообщениям о древнем Тиауанако, которые записал в XVI веке со слов индейцев Альтиплано прилежный Съеса де Леон. Испанский хронист пишет, что местные жители упоминали о пришельцах с белой кожей и большой бородой. В своей «Хронике Перу» он высказывает предположение, что пришедшие на Альтиплано белые люди, «будучи немногочисленны (меж тем как местное население во много раз превосходило их по численности), были истреблены в сражениях».

Рассуждения о белых бородатых жителях, властителях или даже основателях Тиауанако, отнюдь не умерли вместе с вышеупомянутым испанским хронистом. Как раз наоборот. Даже некоторые наши современники вос-

* Хейердал Тур. Экспедиция «Кон-Тики». «Ра». М., «Мысль», 1977, с. 20—21.

принимают эти предания вполне серьезно и сопоставляют их, например, с легендами о белом Кецалькоатле, который пришел к древним обитателям Мексики с другого берега моря, или со сказаниями о Бочике у жителей древней Колумбии — боге с белой кожей, который принес индейцам все плоды познания. Многие прямо спрашивали: был ли тиауанакский Кон-Тики Виракоча таким белым богом? Или, быть может, он стоял во главе группы образованных белых людей, принесших на Альтиплано знания, а позднее стал главным богом не только Тиауанако, но и всего Перу? Те, кто и поныне верит в белого дарителя цивилизации, естественно, также задают вопрос: «Откуда пришли эти бородатые бледнолицые — а по некоторым сообщениям вдобавок еще русые или рыжеволосые — люди?»

Ученые доказали, что Тиауанако, как и другие города Перу, возник не сразу, а постепенно, по воле самих индейцев. Однако поскольку исследователи до сих пор не могут однозначно ответить на вопрос, кого именно следует считать древними творцами Тиауанако, теория о белых основателях города по-прежнему имеет своих сторонников. Многие из них считают творцами Тиауанако белых цивилизаторов Анд, в первую очередь северян, а конкретно викингов.

Согласно другой и, несомненно, весьма курьезной версии, Тиауанако первоначально находился в Тихом океане (так же как и Полинезия), но вследствие какой-то неизвестной нам природной катастрофы был поднят с поверхности моря, выброшен с огромной силой, как камень из пращи Дави-

да, и «приземлился» высоко в Андах!

Культ белого бога Виракочи привлекал внимание и тех, кто верит в иные перелеты, чем фантастический полет из Океании в Америку. Так, например, авторы книги «Возвращение чародеев» Пауэлз и Бержье размышляют о том, не был ли город Тиауанако свидетелем визита носителей внеземных цивилизаций. Не удивительно, что именно Тиауанако, этот Тибет Америки, откуда действительно так близко к звездам и так далеко до людей, некоторые авторы считают возможным местом посещения землян инопланетянами! Эрих фон Деникен говорит о Тиауанако: «Какую тайну скрывают его развалины? Какое послание из иных миров ожидает на боливийской нагорной равнине своей расшифровки? Мы не имеем достаточно удовлетворительного объяснения ни начала, ни конца этой культуры...» Творцы Тиауанако, подобно носителям почти всех других культур древнего Перу, часто обращали свой взор к небесным светилам не только для того, чтобы наблюдать за их движением и изучать его законы, но прежде всего для того, чтобы им поклоняться. Именно поэтому Тиауанако стал предметом рассуждений о возможных контактах жителей Земли с некими инопланетянами. Идея о связи древнего города с космосом и небесными телами не нова. В свое время немалой популярностью пользовалось «учение» австрийца Ганса Гёрбигера о всемирном ледниковом периоде (Welteislehre).

Гёрбигер имел собственное представление об истории нашей планеты и в особенности о ее лунах. «О лунах? — спросите вы. — Разве на

небосклоне когда-нибудь сияла не одна Луна?» По мнению Гёрбигера, так оно и было. Он считает, что вокруг Земли вращалось несколько лун. Это были якобы небольшие планеты, которые первоначально двигались по орбитам между Марсом и Землей. Однако под воздействием силы притяжения Земли они приближались к нашей планете, а затем падали на ее поверхность. Каждая космическая катастрофа уничтожала цивилизации, которые в то время существовали на Земле. Тиауанако играл в «учении» Гёрбигера важную роль. Согласно версии Х. С. Белами, верного ученика Гёрбигера, нынешняя Луна тоже находилась некогда в опасной близости к Земле, вокруг которой совершила три оборота за 48 часов. Под влиянием усилившегося лунного притяжения воды Мирового океана будто бы сконцентрировались в районе Экватора и затопили экваториальные части континентов.

Однако высокогорный Тиауанако не был залит водами океана. Он и его окрестности остались единственным незатопленным островком Америки, на котором нашли убежище спасшиеся от потопа люди; центром, где по-прежнему расцветала высокая культура. Позднее, якобы 13 500 лет назад, Луна вернулась на первоначальное место, воды ушли, а Тиауанако остался высоко в горах. На этот раз уже не как Ноев ковчег для подвергшихся опасности перуанцев, а как важнейший культурный центр всей страны.

В послевоенные годы популярность теории Гёрбигера постепенно «ушла», как воды океана, который будто бы затопил Америку. Но высокогорный

город Тиауанако связывали и, по-видимому, будут связывать со «звездными вопросами» грядущего и прошлого.

В начале этой главы мы сказали, что тиауанаковский Кон-Тики Виракоча, Великий Творец, почитаемый инками и их предшественниками, не дает спокойно спать современным ученым. Этот бог, чей лик запечатлен на Вратах Солнца, совсем недавно стал объектом полемики о том, существовала или не существовала письменность в древнем Перу.

Некоторые исследователи касались этой проблемы и ранее. Перуанец Рафаэль Ларко Ойле, например, был убежден, что открыл особое фасоловое письмо у носителей культуры Мочика. Его соотечественница Виктория де ла Хара полагала, что орнаменты на паракасских тканях представляют собой знаки примитивной доинкской письменности. Однако вопреки этим оригинальным воззрениям большинство специалистов полагало (а многие полагают до сих пор), что доколумбово Перу было единственным на земном шаре регионом распространения высоких культур, где не знали письма, то есть здесь не существовало знаков, которые можно было бы считать видом письменности. В 1968 году в Штутгарте на 38-м Всемирном конгрессе, посвященном американским индейцам и проблемам их изучения, автор этой книги с глубоким интересом выслушал доклад Томаса Бартеля, профессора Университета в Тюбингене, который заявил, что древние перуанцы умели писать. Бартель, пользующийся исключительным научным авторитетом и имеющий

большой опыт изучения еще не расшифрованных письменностей, повторил — хотя по-новому и более продуманно — утверждение Виктории де ла Хары, что письмом доколумбовых индейцев Южной Америки были орнаменты, украшающие их ткани.

Особое внимание доктор Бартель уделил повторяющимся квадратным узорам на перуанских рубашках типа пончо (унку). Эти узоры — теперь мы уже можем написать «графемы» — перуанские индейцы называют «токапу». Такие же токапу профессор из Тюбингена обнаружил и на ряде сосудов-«керио»*. Всего на тканях и сосудах он насчитал 400 разных знаков. Веря в то, что все они имеют свой смысл и что перуанские индейцы составляли из них пространственные надписи, Бартель попытался прочесть эти знаки. За образец расписанной ткани он выбрал прекрасно сохранившуюся и очень красивую с художественной точки зрения рубашку-пончо, найденную на южном побережье Перу и получившую название «плащ Виракочи». Украшенные ткани и сосуды встречаются и в Сьерре. Этот факт является свидетельством того, что указанная система письма использовалась на всей территории доколумбова Перу (возможно, довольно длительное время). Сейчас «плащ Виракочи» находится в коллекции Роберта Вудса-Блисса в Думбартон-Оксе, что на окраине Вашингтона.

Профессор Бартель, изучая внешний вид отдельных знаков, расшифро-

вал около пятидесяти графем. На рубашке, хранящейся в Думбартон-Оксе, он определил знаки, символизирующие огонь (на языке кечуа — «кон»), ступенчатую пирамиду («тики» или «тисси»), жир («вира», «уира») и, наконец, волны («коча»). Следовательно, древнеперуанскую рубашку украшало имя Кон-Тики Виракочи*, имя индейского мироздателя, как майки и рубашки современной молодежи подчас украшают имена популярных певцов или автогонщиков.

На «плаще Виракочи» использовано двадцать четыре иногда повторяющиеся графемы. Последовательность их тоже, очевидно, не случайна. Токапу дают представление о календарных данных (например, звездных и лунных месяцах и годах, периодах обращения отдельных планет вокруг Солнца и т. д.).

Если когда-нибудь удастся расшифровать астрономический или астрологический смысл графем на «плаще Виракочи», это будет первое сообщение древних перуанцев об их календарных и астрономических представлениях, о философских аспектах их поклонения небесным светилам. В настоящее время мы стоим у ворот, открывающих путь в этот своеобразный, загадочный лабиринт.

Открытие Бартелем гипотетического перуанского письма было сделано недавно, и многое в этой оригинальной системе письма до сих пор остается необъяснимым. Не совсем ясно, например, насколько широко это уни-

* Все «керио» с подобными знаками относятся к послеиспанскому времени. — *Прим. ред.*

* Это чтение, как и некоторые другие выводы Т. Бартеля, весьма сомнительно. — *Прим. ред.*

кальное письмо было распространено в инкских культурах. (Виктория де ла Хара, о которой мы уже говорили, обнаружила его древнейшие следы еще в культуре Паракас.) Впрочем, этой системой могли в равной мере пользоваться как доинкские культуры, так и инки. Графические знаки могли быть совершенно одинаковыми в различных перуанских культурах. Если это так, то в разных местных языках они имели лишь разные названия. На все это прольет свет будущее. Тем не менее попытка Бартеля достойна упоминания хотя бы потому, что он наглядно показал, каким необычным способом представители древних культур выражали свои чувства и накопленные знания.

Однако вернемся из тюбингенского кабинета профессора в великолепный город Тиауанако — эту жемчужину доинкских столиц.

КАКОВ ВОЗРАСТ «ВЕЧНОГО ГОРОДА»?

Как полагают некоторые, Тиауанако первоначально назывался «Вечным городом». Действительно ли он существовал испокон веков? Современные ученые с этим не согласны. Они утверждают, что и город, именуемый

«вечным», знал час своего рождения, время своего бытия и годину смерти. В этом ученые единодушны. Однако их мнения расходятся по вопросу о том, когда «Вечный город» был основан и погиб, как долго горела свеча его жизни. Археологи не могут дать на этот вопрос исчерпывающего ответа, хотя и пользуются сегодня весьма совершенными, порой даже необычными техническими средствами. Так, например, в Тиауанако начали применять цезиевый магнетометр — прибор, с помощью которого можно измерять колебания интенсивности магнитного поля в данной местности и обнаруживать скрытые глубоко под землей фундаменты построек, статуи, стелы и т. п. Прошлые Тиауанако ныне ищут не только на собственной территории города, но и далеко за ее пределами. Ведь не исключено, что первоначально Тиауанако располагался на значительно большей площади, чем та, на которой мы находим его развалины теперь (свидетельством этого может служить... еще одна, недавно найденная, пирамида Уила-Пукара, расположенная примерно в 1000 метрах от Пума-Пунку).

Безусловно, самое необычное место и средство для поисков тиауанаковского прошлого выбрал известный французский океанограф Жак-Ив Кусто. Здесь, высоко в горах, он попытался использовать подводную лодку! До Кусто на озере Титикака работал аргентинский водолаз (и одновременно дипломат) Рамон Авельянеда. Он нашел тут — и будто бы даже сфотографировал — остатки нескольких доколумбовых индейских построек. Жак-Ив Кусто хотел основательнее

осмотреть обнаруженные Авельянедой подводные развалины, а возможно, и другие сюрпризы озера Титикака. С этой целью он оставил известный экспедиционный корабль «Калипсо» и на двух небольших подводных лодках с семнадцатью членами экипажа отправился в перуанские горы.

Планируемое Кусто обследование озера должно было ответить и на вопрос, насколько достоверно индейское предание, согласно которому два священных острова на озере Титикака — остров Солнца и остров Луны — под водой соединены тяжелой золотой цепью.

Экипажи миниатюрных подводных лодок не обнаружили никакой золотой цепи, соединяющей острова. Да и остатки каменных построек под водой озера в результате этой экспедиции нельзя однозначно определить как творения тиауанакской культуры или как остатки городов—сателлитов Тиауанако. А золотые предметы, которые, по преданию, индейцы бросали в озеро Титикака, очевидно, лежат где-то в глубинных слоях озерного ила. Команда Кусто подняла со дна озера лишь несколько тиауанакских сосудов. Таким образом, подводное обследование священного озера перуанских индейцев, лежащего на высоте 3800 метров над уровнем моря, не принесло новых сведений, которые могли бы помочь определению действительного возраста «Вечного города».

Следовательно, в данном случае самым надежным помощником археологов остается радиоактивный углерод C_{14} . Результаты измерений помогли

профессору Карлосу Понсе Санхинесу установить, что город (первоначально это была небольшая деревня) возник в III веке до н. э. (древнейшая дата относится к 237 году до н. э.). Это позволило ученому обнаружить в истории Тиауанако пять исторических эпох и в конце концов определить, что жители оставили «Вечный город» во второй половине XI века.

Итак, Тиауанако существовал тринадцать столетий. Периодом его наивысшего расцвета была так называемая IV эпоха (Тиауанако IV), которая начинается в VII веке. Уже тогда влияние Тиауанако, в первую очередь его изобразительного искусства и, несомненно, его религиозных представлений, включая поклонение диковинному богу с Ворот Солнца, охватывало чрезвычайно обширную территорию. На основе множества археологических находок в Боливии, Перу и Чили Понсе Санхинес составил общую карту той части Анд, где мы встречаемся с явными следами тиауанакской культуры. В пору наивысшего расцвета Тиауанако его территория простиралась от 14-го до 23-го градуса южной широты и от 64-го до 71-го градуса западной долготы. Общая площадь этой территории составляла 275 236 квадратных километров. Карта свидетельствует о том, что центр тиауанакской территории, бесспорно, находился близ озера Титикака, то есть там, где стоял город Виракочи.

Понсе Санхинес сумел установить в не имеющем на первый взгляд ясных очертаний каменном лабиринте Тиауанако отдельные эпохи развития этой «империи». Перед словом «империя»

мы должны предусмотрительно поставить знак вопроса. Однако уже сейчас нам ясно, что где-то в первой половине I тысячелетия в Тиауанако складывается могущественная и образованная правящая группа, способная организовать строительство города и привлечь в Тиауанако десятки тысяч работников, чтобы на высоте четырех тысяч метров над уровнем моря создать творения, за которые не пришлось бы краснеть даже древним египтянам.

Это была поистине неимоверная работа. Наибольшую трудность, несомненно, представляла транспортировка гигантских, более чем стотонных плит из каменоломен, находившихся в нескольких километрах от места строительства. Для того чтобы перетащить самую большую плиту, требовались усилия не менее трех тысяч человек! А какую прочность должны были иметь канаты! Каким образом удавалось укладывать невероятно тяжелые плиты на точно определенное место? Как архитекторы и проектировщики Тиауанако руководили работой многих тысяч людей? Ведь строительство в таких масштабах требует в полном смысле слова государственной организации! А кто кормил строительных рабочих, каменщиков и тех, кто играл роль тягловой силы? Ведь они, несомненно, должны были хорошо и регулярно питаться!

Источник питания всех этих людей установлен. Ученые определили, что в период расцвета священного города, то есть в период существования Тиауанако IV и V, производительность земледельческого труда на, казалось бы, негостеприимном боливийском

Альтиплано была такова, что крестьянская семья, кроме себя самой, могла прокормить еще две семьи, члены которых полей не обрабатывали. Излишки сельскохозяйственной продукции присваивали в первую очередь правящие группы Тиауанако, главным образом жрецы. Кормились за счет этих излишков и тиауанацкие ремесленники, воины, торговцы (археологические находки свидетельствуют о том, что город вел оживленную торговлю с окружающим миром, например ввозились руды, которые здесь обрабатывали, обсидиан и другие материалы), трудом крестьян кормились и десятки тысяч строителей Тиауанако.

Если жители государства майя в древней Америке питались преимущественно кукурузой, то Тиауанако вырос буквально на картофеле. Несколько видов картофеля и других сельскохозяйственных культур, таких, к примеру, как ока*, родиной которых считается Альтиплано, и являлись материальной основой тиауанацкой культуры. Кроме того, жители Тиауанако и его окрестностей еще две тысячи лет назад овладели способом консервации картофеля. Сушеный, обезвоженный картофель — сейчас в Андах его называют «чуньо» — имел долгий срок хранения.

Процветало в Тиауанако и ремесло. Особенно хорошо здесь обрабатывали медь, которая плавится при температуре 1083°C. А значит, сооружались печи, в которых можно достичь такой температуры. Обитатели Тиауанако

* Ока — *oxalis tuberosus*.

«изобрели» бронзу (сплав меди и олова). В городе обрабатывали также золото и частично серебро. Высококачественным, что весьма свойственно для древнеперуанских культур, было и тиауанакское производство текстиля. Местные ткачи создавали своего рода гобелены, а в более позднюю эпоху особые пончо с рядом темных полос (по мнению некоторых ученых, это была форменная одежда государственных служащих). Прекрасна многокрасочная тиауанакская керамика, украшенная стилизованными изображениями животных и геометрическими фигурами, чаще всего треугольниками. Именно тиауанакские гончары создали новый, позднее получивший распространение во всем Перу тип сосудов с расширяющимися стенками, получивший название «коро». По красивому фону делалась роспись желтой или черной красками.

Тиауанакская керамика и текстильные изделия — лучшие доказательства сильного воздействия этой культуры на все более обширную территорию. Безусловно, не все тиауанакские сосуды или ткани были сделаны непосредственно в этом городе. В последней четверти I тысячелетия в Андах по примеру Тиауанако возникли новые центры, важнейшим из которых был большой перуанский город Уари.

Нам известно, кто жил в Вавилоне или Риме и кто их строил. А известны ли нам основатели Тиауанако? Кто они?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, сделаем еще одну остановку в нашем путешествии по следам исчезнувших индейских государств Перу.

ЛЮДИ С ЧЕРНОЙ КРОВЬЮ

Поиски основателей «Вечного города» на первый взгляд не представляют трудностей. В отличие от некоторых других регионов Америки нам достоверно известно, какие народности Альтиплано населяли область центральных Анд в период прихода европейцев.

Все хронисты доколумбовой Америки с исключительным единодушием говорят о трех основных народностях Анд, о трех главных языках горного Перу. Язык народности кечуа стал государственным в «империи» инков, крупнейшем государстве индейцев за всю их историю. Язык кечуа в период появления первых европейцев был и, безусловно, остается до сих пор самым распространенным туземным языком во всей Америке. Второй из широко употребляемых индейских языков андской области — язык аймара.

В то время как на языках аймара и кечуа до сих пор говорят миллионы индейцев, третий язык Перу — пукина — исчез почти бесследно. Но исчезли ли бесследно те, кто на этом языке говорил? Думается, что нет. К индейцам пукина, вероятно, принадлежала и наиболее интересная группа андских индейцев — уру, которых становится все меньше и меньше и

которые на удивление всему миру решительно отказываются называться людьми!

Автор этой книги посетил индейцев уру на перуанской части озера Титикака. «На озере?» — спросите вы. Да, да, прямо на озере. Эти индейцы отказываются делить с остальными обитателями Анд их общую родину. В то время как все живут на суше, уру — сколько их помнят перуанцы — всегда селились прямо на водах священного андского озера. Для того чтобы жить на воде, индейцы уру прежде всего должны были найти способ, как превратить негостеприимную холодную поверхность озера в пригодное для жилья место. Поэтому с незапамятных времен они создают особые плавучие острова, частично сплетенные из озерного тростника тотора, и на этих островах строят — опять же из тотора — низкие тростниковые хижины. Из тотора же они мастерят и свои прославленные узкие челны. На этих искусственных островах индейцы уру рождаются, здесь же, посреди вод Титикаки, и умирают. Основную пищу — рыб, водоплавающих птиц — опять же дает им озеро. От крестьян, живущих на берегу Титикаки, в обмен на рыбу они получают сельскохозяйственные продукты. Этот обмен происходит на специальных торжищах, участниками которых бывают только женщины уру. Мужчины почти никогда не выходят (по крайней мере до недавних пор не выходили) на берег и не общаются с остальными индейцами.

Жители плавучих островов, которые отказываются знаться с другими людьми, живут на Титикаке не только

в области перуанского города Пуно, где автор этой книги впервые встретился с ними, но и в некоторых иных местах боливийской и перуанской частей озера, а также на водах другого горного озера — Поопо.

Нынешние индейцы уру — это остатки многочисленной группы давних обитателей андской области, которые некогда населяли значительно более обширную территорию. Их предки, возможно, жили и на побережье Тихого океана. В Перу, Боливии, Чили и в северо-западной части Аргентины об их давнем присутствии в этих местах напоминают и некоторые географические названия. По мнению ряда ученых, индейцы уру некогда владели всеми Центральными Андами. Но затем новые волны переселенцев, нанеся поражение этим древним обитателям Перу, постепенно вытеснили их со всей суши и в конце концов оставили за ними единственное место для прибежища — воды озера Титикака.

Это произошло очень давно. В легендах самих уру сохранились лишь смутные воспоминания о своем «исходе» на воды Титикаки. Интересно, что в легендах и преданиях жителей озера, этих людей с тростниковых островов, важную роль играет каменный город — Тиаянако.

Подлинной истории индейцев уру мы не знаем. Испанские хронисты упоминали лишь об инках кечуа, а миссионеров интересовала многочисленная группа индейцев аймара. Уру же с доколумбовых времен и, собственно, до середины XX века оставались где-то за горизонтом. Их презирали, и решительно никто ими

не интересовался. Да и нынешнее наименование «уру» — это не что иное, как презрительное прозвище, которое им дали остальные перуанские индейцы. Сами уру (которые в нашем столетии очень быстро переходят с родного языка на язык аймара) называют себя кот-сунь, что дословно обозначает «обитатели озера».

Кот-сунь, собственно, пытаются выдать свою беду за достоинство. Они были исключены из сообщества жителей Альтиплано, загнаны сначала в болота, а затем — в холодные воды озера. Но и сегодня, вспоминая прошлое, индейцы уру говорят, что сделали это по собственной воле. А изгнание из мира людей трактуют как особый дар, как подтверждение своей исключительности и отличия от существ, которые называют себя людьми, но, несмотря на внешнее сходство, совершенно не похожи на уру.

Французский этнограф Жан Велар прожил среди последних уру долгое время. Вот его запись о том, как эти индейцы характеризуют самих себя: «Мы — иные, мы — обитатели озера, мы — кот-сунь, мы — не люди. Мы стали жить здесь еще до того, как отец небес Татну сотворил людей — аймара, кечуа, белых. Мы были здесь еще до того, как солнце начало освещать землю... Еще в ту пору, когда земля была погружена в полумрак и когда ее освещали только луна и звезды... Когда озеро Титикака было гораздо больше, чем теперь... Еще тогда жили тут наши отцы. Нет, мы — не люди... Наша кровь черна, поэтому мы не ощущаем холода озерных ночей... Мы разговариваем не на языке людей, и люди не понимают

того, о чем мы говорим. Головы у нас иной формы, чем у остальных индейцев. Мы очень древние, самые древние... Мы — обитатели озера, кот-сунь. Мы — не люди!»

Люди с черной кровью, которые настаивают на том, что они — не люди, а кот-сунь, которым не страшны ни холод андских ночей, ни вихри ветра, проносящегося над водами озера, различают два периода в своей истории. Первый период — когда на свете не было людей (людьми они считают аймара, кечуа и белых) и не светило солнце. Еще до рождения «небесного диска», по преданиям индейцев уру, были построены на Альтиплано древние города, и прежде всего самый знаменитый из них — прославленный Тиауанако, находящийся так близко от озера и являющийся ныне единственным пристанищем уру.

Второй период — когда на земле жили не только кот-сунь, но и обыкновенные люди, когда солнце взошло на небо, именно тогда, согласно легендам уру, они испытали немилость судьбы, и каменный город Анд перестал дышать.

Уру якобы прежде выглядели иначе. Они были такими, какими изображают древних жителей Альтиплано тиауанацкие гончары и каменщики. С длинными руками и ногами. Удлиненные головы кот-сунь, как утверждают современные уру, прежде походили на головы кондоров, пум и рыб, изображенных на каменных блоках Тиауанако. Однако постепенно облик кот-сунь изменился, и они стали похожи (только внешне) на остальных людей. Внутреннее содержание, как считают уру, у них совсем иное.

Только в их жилах течет черная кровь, и только они умеют не мерзнуть. Жан Белар говорит об этих перуанских и боливийских индейцах, что они живое воплощение окаменелости.

Так, может быть, эти туземцы с черной кровью, которые не хотят иметь ничего общего с людьми, построили Тиауанако? Не они ли подгоняли в священном городе камень к камню? И правда ли, что прежде они были другими, имели власть, силу, а может быть, даже собственное государство, способное осуществить такое грандиозное строительство? Неужели уру в самом деле двигались в своем культурном развитии вспять и, начав с постройки каменного Тиауанако, пришли к тростниковым хижинам за прошедшие 2500 лет?

ЦАРСТВО ПОГРЕБАЛЬНЫХ БАШЕН

На вопрос, действительно ли из трех народностей Перу именно уру построили Тиауанако, ныне нельзя ответить ни положительно, ни отрицательно. Но если мы исключим из трех претендентов на честь называться строителями Тиауанако индейцев уру (или их сородичей, говорящих на языке пуки-

наки), останутся только кечуа и айма-ра.

Индейцы кечуа стали сильными и могущественными гораздо позднее. Их творение — это «империя» инков, а ее великолепные города — Куско, Мачу-Пикчу и другие.

Таким образом, остаются аймара — «народ Адама», как их назвал упомянутый боливийский фантаст. Библейский рай аймара, безусловно, не населяли, но в непосредственной близости от Тиауанако, вне всякого сомнения, жили (в период конкисты и еще раньше, во времена, когда Тиауанако приближался к последнему дню своей славной истории). До сих пор аймара живут рядом с развалинами Тиауанако.

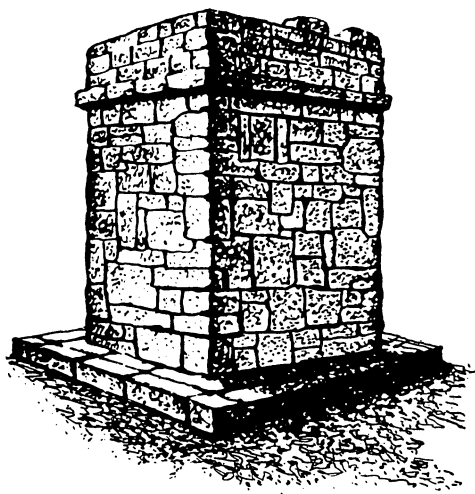
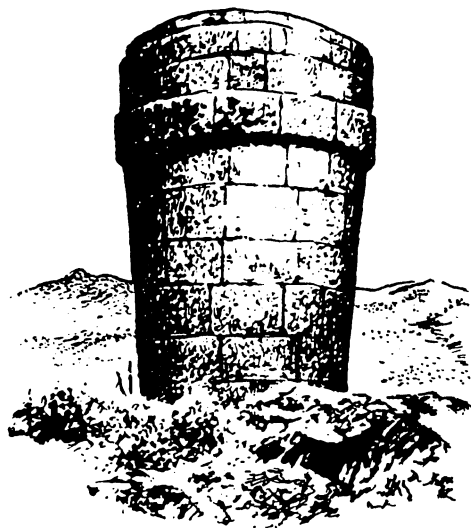
Некоторые специалисты не верят в то, что народ, занимающийся примитивным земледелием, способен был создать сложную государственную систему, с помощью которой можно было бы организовать строительство такого прекрасного и большого города, как Тиауанако.

Сами аймара никогда не претендовали на причастность к строительству Тиауанако. Согласно запискам ученого Харольда Осборна, они, например, верили, что «Вечный город» Перу был построен в эпоху «чамак пача», то есть еще до того, как были сотворены люди (сами себя аймара называют просто «хаке» — люди). Гигантские статуи Тиауанако, по их мнению, это окаменевшие представители племени живших в здешних местах великанов. Они были обращены в камень по воле бога, Творца.

Вопреки скептическим взглядам некоторых ученых индейцев аймара не-

льзя исключать из размышлений о прошлом Тиауанако. Хотя бы потому, что последние несколько тысячелетий они, несомненно, жили на данной территории. Есть убедительные доказательства того, что после падения Тиауанако именно аймара оказались у кормила власти на территории бывших тиауанацких земель. Они же создали государство Колья (это доколумбово название означает «обитатели гор»). Центром его, однако, был уже не Тиауанако, а Хатун-Колья (в районе нынешнего перуанского города Пуно, порта на озере Титикака).

Территория государства, где под властью единого правителя колья, носившего титул «сапана», объединились все говорящие на языке аймара племена Анд, была довольно обширна. Колья занимало большую часть южного Перу и Боливии и простиралось от перуанского города Арекипы до боливийского города Кочамба. Государству индейцев аймара принадлежал в тот период и север нынешней Республики Чили. Сапаны правили этим государством около 250 лет, с конца XII века до 1438 года, когда инки в ходе экспансии на юг овладели этой областью Анд. На первый взгляд четверть тысячелетия существования государства индейцев аймара не оставила в истории Перу столь заметного следа, как наследие основателей Тиауанако. Кое-что из классического тиауанацкого наследия в государстве аймара было забыто (например, астрономические знания). В период существования государства Колья не было построено ни одного города, подобного Тиауанако. Однако аймара

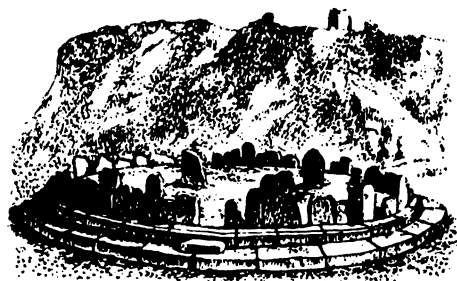
Два типа погребальных башен (чульпи); оба относятся к периоду расцвета объединенного государства Колья

создали многочисленные доколумбовы постройки, так называемые чульпы — башни, выложенные из тесаных трахитовых или базальтовых блоков или высушенного на солнце кирпича. Чульпы являлись местом погребения усопших аймара. Эти погребальные башни иногда отличались друг от друга способом постройки, некоторые из них были довольно большими. Например, башня близ деревни Сора-Сора имеет ширину 6 метров, 5 метров в длину и 3,5 метра в высоту. Другие чульпы, главным образом в окрестностях бывшей аймарской столицы Хатун-Коля, имели круглое основание. Сверху их венчал ложный свод. В целом чульпы явственно напоминают некоторые постройки майя. Однако, несмотря на внешнее сходство с творениями древних индейцев Центральной Америки, погребальные башни Альтиплано — бесспорное наследие доколумбовых индейцев этой части Анд. Причем настолько характерное, что один из видных знатоков перуанской истории археолог Уэнделл Беннетт обозначил эпоху государства Аймара как «период чульп».

На территории бывшего государства аймара, на широком пространстве вокруг озера Титикака, сохранилось очень много чульп. Если подходить к этому вопросу чисто статистически, то надо будет признать, что погребальные башни колья — самые многочисленные строительные памятники доинкского Перу. Особенно много чульп (несколько сотен) сохранилось на северном берегу Титикаки в районе Кельенати. Но наибольший интерес представляют чульпы, находящиеся возле озера Умайю, неподалеку

от главного центра бывшего государства Коля. Погребальные башни стоят тут на возвышенности полуострова Сильюстани, откуда открывается великолепный вид на Умайю и его окрестности. Самая большая и, очевидно, наиболее почитавшаяся из погребальных сильюстанских башен — *La gran chullpa de Lagerto* («Большая башня ящерицы»), как ее в настоящее время называют в Андах. Однако никакой ящерицы здесь не захоранивали. В этой чульпе явно покоились высокие повелители государства индейцев аймара.

Сьеса де Леон, вероятно, имел в виду погребальные башни на полуострове Сильюстани, когда писал в своем сочинении: «В земле колья, как мне кажется, наибольшего внимания

Солнечный круг в Сильюстани

заслуживают те постройки и места, где (аймара) хоронили своих мертвых».

Испанский хронист описал и сам погребальный обряд. Если умерший был знатным лицом, то его в последний путь сопровождало множество

местных жителей. Сжигали десять или двадцать лам — в зависимости от сана покойного, затем умерщвляли женщин, детей и слуг, которые должны были служить усопшему в загробной жизни. Некоторых (из окружения повелителя) заживо замуровывали в чульпах. Съеса де Леон верно подметил, что погребальные башни играли тогда в жизни — точнее, в период смерти — жителей государства Колья исключительную роль. Именно «Большая башня ящерицы» позволила современным исследователям сделать неожиданное открытие: в 1971 году в непосредственной близости от нее был найден богатый клад — более 500 прекрасно обработанных предметов. Все эти предметы — отчеканенные нагрудные плашки в форме человеческого лица, колокольчики, жертвенные чаши и ожерелья — были сделаны из чистого золота.

Самое удивительное в истории с сильюстанской находкой заключалось в том, что «Большая башня ящерицы» была известна еще со времен конкисты. В последние годы здесь побывало немало туристов, которых привлекало особое очарование этого уголка Анд. И все эти чужестранцы в стране индейцев аймара буквально ступали по сильюстанскому кладу, который лежал менее чем в метре от поверхности земли. Время, к чему-то беспощадное, к чему-то милостивое, словно желая проявить особую благосклонность к чудесному месту у озера, сохранило на полуострове Сильюстани не только индейский золотой клад и 12-метровую погребальную башню, но и столь соответствующий духу этого края почитателей звезд памятник

культу небесных светил. Археологи называют его просто «Солнечный круг».

Сильюстанский «Солнечный круг» — это терраса (очевидно, искусственная) на северо-восточной части полуострова, на которой из обработанных каменных плит разной высоты выложен круг. В восточном направлении в нем оставлен проем, через который по трем ступеням можно войти в странное святилище.

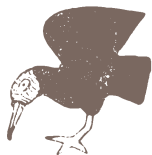
Некоторые ученые полагают, что «Солнечный круг» на полуострове Сильюстани служил местом поклонения главному небесному светилу. Другие же связывают его с культом мертвых. В центре окружности сохранились два высоких каменных столба. К ним, по всей видимости, привязывали лам, приносимых в жертву во время погребальных обрядов. Это подтверждает и желобок внутри окружности, по которому, вероятно, стекала кровь убитых животных, дабы символически утолить жажду мертвых. Ибо, по древнеперуанским преданиям, «мертвые пьют кровь».

Кровь жертвенных животных, если она и лилась когда-нибудь по желобкам сильюстанского святилища, давно высохла. Мертвы и здешние «башни мертвых». Только солнце — позже самое могущественное из божеств доколумбовых перуанцев — до сих пор сегодня восходит над каменным кругом, некогда явно в его честь воздвигнутом в удивительном месте, в древнем Колье, где и сегодня живут сотни тысяч аймара, сохранивших верность этому краю, этой земле, на которой их предки создали свое государство.

Лама — важнейшее домашнее животное перуанских индейцев-горцев

БАРОН МЮНХГАУЗЕН В АНДАХ

Доинкским аймара мы можем, без сомнения, приписать строительство большинства чульп на Альтиплано. Однако мы не можем столь же безоговорочно приписать им строительство величайшей археологической загадки — великолепного Тиауанако. Точно так же, как не можем с уверенно-

стью сказать, что город построили люди «черной крови» — уру или индейцы кечуа. А поскольку кроме трех этих народностей высокогорного Перу мы не нашли иных претендентов на титул основателей Тиауанако (если исключить праотца Адама, бородатых викингов и космонавтов-инопланетян), нам придется обратиться к таким источникам информации о древнеперуанских индейцах, которые по разным причинам вызывают недоверие. Сохранилось, собственно, только одно такое сообщение, которое может иметь отношение к Тиауанако и тиауанакскому государству. Записал его вскоре после конкисты человек, заслуживший своими рассказами о доинкском Перу нелестное прозвище «перуанского барона Мюнхгаузена». И удивляться тут не приходится. Ведь то, о чем рассказывал Фернандо Монтесинос, существенно отличалось от остальных сообщений колониальных хроник. Монтесинос действительно долгое время жил в Перу. Иезуит и одновременно доктор канонического права, он появился здесь в 1628 году как один из членов свиты вице-короля Чинкона. В Перу он провел более пятнадцати лет и объездил всю страну вдоль и поперек. Хотя Монтесинос был священником, он занимался всем, чем угодно, даже добычей руды. Вернувшись в Испанию, он написал свои «*Memorias Aniguas Historiales del Perú*» («Древние исторические мемориалы Перу»).

Рассказ «перуанского барона Мюнхгаузена» двести лет пролежал в рукописи. В 1882 году «Мемориалы» впервые издал испанский историк Маркос Хименес де ла Эспада. Сорок лет спу-

стя их перевел на английский язык Филип Эйнсворт Минз, в ту пору самый крупный знаток древнего Перу. Именно он всерьез задумался над хроникой Монтесиноса и попытался отделить в книге «перуанского Мюнхгаузена» немногие зернышки пшеницы от многочисленных плевел. А эти зернышки были не лишены интереса. Эйнсворт Минз установил источник сообщения Монтесиноса: многое из того, о чем рассказывается в «Мемориалах», одержимый манией сочинительства иезуит заимствовал из книги Блас Валеры, другого члена «Общества Иисуса»*, автора несравненно более достоверного, чем Монтесинос. Блас Валера родился в Перу, его отец был соратником и другом завоевателя Писарро, а мать происходила из непосредственного окружения Инки. Интеллигентный мальчик, сын столь видных родителей вскоре был принят в орден иезуитов. Впоследствии он проповедовал новую веру как в бывшей столице инков Куско, так и на территории, прилегающей к озеру Титикака и населенной индейцами аймара.

Занимаясь в течение многих лет миссионерской деятельностью, Валера усердно записывал все, о чем ему рассказывали индейцы. Эти заметки составили три объемистые рукописи. Одна из них, попав в руки «перуанского барона Мюнхгаузена», заинтересовала его. И недаром. Ведь Валера, сын женщины, жившей при дворе Инки, первым среди хронистов Перу

записал сообщения о тех, кто правил его страной до инков, о разветвленной династии «амауту» (позднее это слово означало «ученый»).

Сообщения Валеры о доинкских правителях Монтесинос просто списал, перечень их он дополнил и сделал вывод, что перуанские индейцы были потомками библейского Ноя. Согласно версии «перуанского барона Мюнхгаузена», Перу открыл и колонизировал внук Ноя Офир. Сделал он это якобы ровно 340 лет спустя после потопа, то есть, по Монтесиносу, в 2200 году до н. э. и в 1800 году от сотворения мира. Давая вольную интерпретацию текста Валеры, Монтесинос приводит имена 102 правителей Перу. Первым из доинкских правителей в этом списке стоял Пируа Пакари Манко, по имени которого загадочное доинкское государство Монтесиноса, вызывающее столько вопросов, стали называть «государством Пиру».

Филип Эйнсворт Минз тщательно проанализировал составленный Монтесиносом список пируских правителей, исключил все амауту, относительно которых ни «перуанский Мюнхгаузен», ни Валера не могли сообщить ничего конкретного, и оставил только тех, кого он считал историческими личностями. Первым из них, по Минзу, был Айар Такко Капак, якобы вступивший на трон Пиру в 275 году н. э., а последним — Тито Юпанки Пачакутек. В годы его правления в страну вступили чужеземцы и в решающей битве у города Пукары (к северу от берегов Титикаки) нанесли поражение войскам государства Пиру, убив последнего из амауту. Те, кому

* «Общество Иисуса» («*Societas Jesu*») — название католического монашеского ордена иезуитов. — *Прим. ред.*

удалось спастись, будто бы ушли в Тампуток в долине Апуримак и создали здесь новое маленькое государство, избрав правителем мальчика. По расчетам Минза, государство Пиру прекратило существование около 1200 года.

Окончательной гибели доинкского государства, реальность существования которого пока недоказуема, будто бы предшествовали два сокрушительных нападения неких пришельцев, приплывших по морю на бальзовых плотках. Драматическая судьба государства амауту якобы совпадает с судьбой города Тиауанако, который в это время один или даже несколько раз покидали жители. Между прочим, отдельные постройки в Тиауанако действительно выглядят так, будто рабочие и каменщики неожиданно бросили начатое дело и уже никогда к нему не возвращались.

Рассказ Валеры о правителях из династии Пируа Пакари Манко, переписанный или, точнее, поэтически обработанный Фернандо Монтесиносом, а в XX веке подвергнутый критическому анализу профессором Минзом, долгое время возбуждал лишь недоверие. Однако сегодня, когда мы уже знаем, что до «империи» инков в Перу существовали многие другие государства, нам следует в поисках основателей Тиауанако принимать во внимание и записи «перуанского барона Мюнхгаузена». Возможно, когда-нибудь эту книгу придется дополнить главой, которая будет называться «Реабилитация барона Мюнхгаузена».

ОТКРЫТИЕ ГОСУДАРСТВА УАРИ

Фернандо Монтесинос и несравнимо более достоверный источник его информации — метис Блас Валера навели нас на след гипотетического тиауанакского государства, руководимого амауту из рода Пируа Пакари Манко. Однако в результате новейших археологических находок было открыто еще одно государство, о котором предшествующие поколения ученых имели очень мало сведений, но которое, бесспорно, возшло из тиауанакского семени.

Религия и художественный стиль Тиауанако во всех направлениях распространялись по Перу из священного города близ озера Титикака. Еще в ранний период существования Тиауанако на Альтиплано располагались и другие культурные центры или небольшие города (например, город Пукарá в нынешнем южноперуанском департаменте Пуно, севернее озера Титикака).

Работы пукарских каменщиков и строителей говорят о сильном тиауанакском влиянии (например, открытый верх полуподземного храма, столь типичный для Тиауанако). Каменные статуи в Пукаре также напоминают тиауанакские монолиты, хотя пукарские фигуры и не столь строго

стилизованы. Тем не менее и в них мы наблюдаем многие сходные элементы, например характерные «ручейки слез» на лицах каменных статуй.

Мы не знаем вполне определенно, когда был основан и когда переживал пору своего наивысшего расцвета религиозный центр Пукара, но он явно принадлежал к тиауанакскому государству.

Примерно в начале VII века н. э. возникают новые центры, находившиеся в сфере влияния Тиауанако, прежде всего Чакипампа и позднее Уари (неподалеку от нынешнего Аякучо). Когда же позднее, на рубеже VIII—IX веков, Чакипампа была покинута, Уари постепенно превращается из важного очага тиауанакской религии (так, например, на здешней керамике изображен главный бог с тиауанакских Ворот Солнца) в столицу могучего государства, в большой город с хорошо продуманной планировкой, общественными зданиями, большими ремесленными мастерскими, а впоследствии с мощными водными резервуарами и каналами, с внушительными складами продовольствия и подземными галереями (возможно, гробницами из 2-метровых каменных плит). Стены некоторых зданий и строительных комплексов имеют длину несколько сот метров и порой 20-метровую высоту. Здания — например те, которые в 1942 году обнаружил Х. С. Тельо, — иногда имели четыре этажа. Имелась в городе и торговая площадь. Его жители, вероятно, вели бойкую торговлю. В Уари и других городах «царства» были, в частности, найдены фигурки из бирюзы и других редких, привозимых издалека

материалов. Очевидно, развитию торговли способствовали прекрасные дороги, которые строили на своей территории уарийские правители. Новейшие исследования показали, что многие из транспортных артерий древнего Перу, создание которых до недавнего времени приписывалось инкам, являются, собственно, творением культуры Уари.

Город Уари рос очень быстро. На грани I—II тысячелетий в нем уже жило более 50 000 человек. Следовательно, в это время он становится самым крупным городом не только Перу, но и всей Южной Америки. Одновременно Уари был и крупнейшей перуанской крепостью. Ведь это было государство воинов. Во имя своей веры, а возможно, во имя бога с тиауанакских Ворот Солнца властители Уари проявляли себя больше как военачальники, чем как мудрые правители. Государство Уари предприняло ряд завоеватель-

*Каменная фигура из Пукары.
В руке — голова человека, принесенного
в жертву*

Сосуд. Культура Уари. Перу

ных походов. Наиболее значительной была третья волна уарийской экспансии, шедшая в северном направлении. Владения Уари простирались тогда до долины Ламбайеке.

В результате нападения уарийских войск на северное побережье Перу были погребены последние остатки культуры Мочика. Мочикские пирамиды были превращены в кладбища уарийских воинов. Военные успехи Уари, возможно, были обусловлены технической революцией в области древнеперуанского вооружения: уарийские воины — как полагают некоторые авторы — пользовались луком и стрелами.

Однако правители государства Уари думали не только о завоевательных воинских походах, но и об обороне. Именно поэтому они обнесли свою столицу мощной стеной. Между тем Тиауанако был гостеприимно открыт для всех.

По примеру метрополии оборонительные сооружения возникают и в других городах государства Уари. Именно плановое строительство городов является наиболее характерным признаком этой культуры. Уарийцы основали целый ряд городов; например, в горах близ Куско (в будущем столицы инков) был построен большой город Пикильякта, где стенами были обнесены даже отдельные городские кварталы. На побережье богатую историю имеет город Кахамаркилья, позднее ставший столицей небольшого государства Куисманку*.

* Существование этого государства (о нем сообщает Гарсиласо де ла Вега) археологическими исследованиями не подтверждает-

Однако ни один город государства Уари не имел столь исключительного и столь своеобразного положения, как Пачакамак, лежащий на берегу Тихого океана, в долине реки Лурин. Сюда, в Пачакамак, мы и отправимся сейчас.

ОРАКУЛ ДРЕВНЕЙ АМЕРИКИ

Пачакамак — один из удивительнейших центров древнего Перу — расположен в пригороде Лимы, нынешней перуанской столицы.

Чем, собственно, Пачакамак отличался от других городов государства Уари и вообще тех индейских городов, которые знает история Перу? Он был своеобразными Дельфами древней Америки, городом-оракулом. Пророчества истолковывали жрецы храма, который был посвящен богу Пачакамаку. Бог Пачакамак был, если можно так сказать, «прибрежной копией» тиауанакского Виракочи. В переводе Пачакамак означает «Творец Вселенной», то есть тот, кто определяет ход вещей, законы Вселенной.

ся. Что касается «трех волн уарийской экспансии», то это не более чем слабо обоснованная гипотеза. — *Прим. ред.*

Так же, как и в Тиауанако, в город Пачакамак стекались тысячи паломников, в том числе из самых отдаленных мест. Они молили оракула о пророчестве и несли в эти древнеамериканские Дельфы ценные дары — золото и серебро.

Наплыв паломников и слава священного города постепенно превратили Пачакамак в один из крупнейших перуанских городов, который по размерам своей территории мог соперничать с самим Уари. Интересно, что один испанский хронист, посетивший Южную Америку вскоре после конкисты, записал, что «этот город больше самого Рима».

В центре Пачакамака располагался священный квартал с храмом, где якобы находились большая деревянная статуя бога, обладавшего даром провидения, а также идола рыб, собак и лис.

Пачакамак — Дельфы Перу — занимал, таким образом, в государстве Уари исключительное положение. Город и его окрестности представляли собой некую нейтральную или, точнее сказать, международную зону. Поэтому сюда без всяких опасений могли приходить паломники из районов, не находившихся под властью города Уари. Когда Уари был завоеван и покинут жителями, Пачакамак продолжал существовать, как и в доуарийские времена. Даже инки, эти властители огромной могущественной империи, уважали его статут. Они только построили в нем свой храм Солнца. Однако, несмотря на это, главную роль в городе продолжал играть храм бога Пачакамака, бога, который пополнил пантеон инков.

Итак, «Творец Вселенной» оставался оракулом и после распада государства Уари. Он предсказывал судьбу инкам. И по правде сказать, предсказывал плохо. Когда в Перу вступили испанцы и последний Инка Атауальпа попал к ним в плен, он вспомнил о пророчестве всезнающего бога. Атауальпа велел позвать к себе жрецов из пачакамакского храма. Отвернувшись от бога, наделенного непогрешимой интуицией оракула, он сказал жрецам: «Ваш господин, служители Пачакамака, не настоящий бог. Он лжец! Когда я боролся со своим братом за власть, брат спросил вашего покровителя, кто победит. Бог ответил, что победит он. Но победил я! А теперь, когда в нашу страну издалека пришел Писарро, я спросил вашего бога, кто победит. Бог предсказал победу мне! А меж тем победу одержали пришельцы...»

Испанцы продолжали покорять индейцев. Последствия их военного триумфа предстояло ощутить и оракулу древнего Перу, богатому городу Пачакамаку. Сжив со света последнего Инку, Писарро направился в Пачакамак. Его расчет был верным: если где-то, кроме столицы инков Куско, и есть золото, серебро и редкие камни, то наверняка в Пачакамаке, в храме оракула, куда уже сотни лет паломники несут ценнейшие подарки. Бог Пачакамак даже основал в нескольких местах специальные пункты для собирания даров. Таких «взносов» священный город требовал от верующих и во времена инков. Сам Писарро в одном из донесений в Испанию сообщал, что прибрежные области даже во времена правления инков платили дань не

главному городу «империи» Куско, а священному оракулу в Пачакамаке. И после конкисты весьма удаленные от города общины (граница дальности определялась 300 часами ходьбы) приносили в Пачакамак постоянную дань в виде продуктов и драгоценных металлов.

Писарро не ошибся в своих предположениях о богатствах, хранящихся в Пачакамаке. Однако жрецы, вовремя узнавшие о его походе на священный город, успели еще до прихода завоевателей закопать основную часть драгоценностей в песок прибрежной пустыни. Впрочем, и той небольшой доли, которая осталась в пачакамакском храме, для грабителей Писарро было более чем достаточно. Они похитили более 650 килограммов золотых предметов невиданной красоты и 16 000 унций серебряных предметов (1 унция = примерно 28 граммам).

Основная часть пачакамакскогоклада, которую жрецы оракула успели спрятать в недрах пустыни, содержит еще более чем 25 000 килограммов предметов из драгоценных металлов. Следовательно, 25 тонн пачакамакских чудес, которые отнюдь не являются фальшивой приманкой для романтических искателей сокровищ и где-то неподалеку от города еще ждут своего открывателя, пережили вторжение конкистадоров в Дельфы древней Америки. Однако сам город нападения не пережил. Он перестал существовать через 300 лет после того, как был покинут город Уари, как распалось государство Уари, в которое в пору его расцвета входил Пачакамак. Исчезло крупнейшее место паломничества в древнем Перу, а возможно, и

последний прибрежный остров культуры, расцветшей некогда высоко в горах, в прославленном и священном Тиауанако. И все же Пачакамак и Тиауанако связывает еще нечто общее — имя ученого и исследователя, автора серьезных специальных работ, отца, вернее, крестного отца перуанской археологии, основателя перуанистики Макса Уле.

Если Александра Гумбольдта часто называют вторым открывателем Америки, то о Максе Уле по праву можно сказать, что он был вторым открывателем Перу и первым, кто вообще начал глубоко интересоваться доинкскими культурами.

М. Уле родился в Дрездене в 1856 году. Его родители играли важную роль в Саксонском королевстве. Отец служил в армии, имея весьма длинный титул «саксонского королевского главного штабс-лекаря», мать была дочерью королевского директора суда.

После окончания Саксонской королевской княжеской школы Уле поступил в Лейпцигский университет, который закончил, написав дипломную работу о средневековом китайском языке(!). Из Лейпцига молодой востоковед вернулся в Дрезден, где стал сотрудником учреждения, опять-таки носившего звучное название, — Саксонского королевского зоологического и антрополого-этнографического музея.

В Дрездене жил в те времена человек, чьи труды открыли перед подающим надежды знатоком китайского языка совершенно новые горизонты — Анды. Этого человека звали Альфонс Штюбель. Вместе с Райсом

он был автором первого научного сообщения об археологических раскопках в Перу, трехтомного труда о доколумбовых могильниках в Анконе. Путешествуя по Андам, Штюбель посетил и Тиауанако. Результаты своих обследований и измерений он опубликовал совместно с М. Уле. Исследование о Тиауанако и открыло перед молодым Уле (который к тому времени уже работал в Берлине) путь на Американский континент и сразу же в Боливию. Однако первое посещение Тиауанако чуть было не вызвало у молодого ученого шок. Он увидел, что прекрасные тиауанацкие статуи служат солдатам одной из воинских частей боливийской армии мишенями на учебных стрельбах.

Позднее М. Уле вернулся в Тиауанако и три месяца занимался его детальным обследованием. Результатом путешествия на Альтиплано явился исключительно ценный словарь языка «людей с черной кровью» — индейцев уру. В боливийской деревне Уачакалье он обнаружил среди индейцев аймара две семьи, принадлежащие к этому вымирающему озерному народу, и сумел записать более четырехсот урусских слов, из которых лишь девятнадцать были записаны ранее.

Боливийские исследования М. Уле были столь обширны, что еще до планируемого возвращения в Европу он получил предложение богатого американского музея при Пенсильванском университете остаться в Андах и работать здесь археологом. М. Уле принял исключительно выгодное предложение и, перебравшись из Боливии в Перу, избрал местом своей археологической деятельности об-

ласть Пачакамака. В бывшем храме оракула немецкий ученый провел целый год.

Пачакамацкие раскопки М. Уле были самым обширным и самым фундаментальным его начинанием. После отъезда из Перу подготовленная ученым монография о Пачакамаке была издана в США и принесла ему заслуженный авторитет. Ко всему прочему Пачакамак дал М. Уле еще нечто такое, чего обычно археологические изыскания ученым не приносят: он нашел здесь жену. Труды археолога, недостаточно хорошо владевшего в то время английским, по поручению издателя должна была переводить Шарлотт Дороти Гроссе. Старательный Уле, придававший большое значение переводу, довольно часто встречался с Гроссе. В конце концов эти встречи закончились женитьбой. Таким образом, косвенным результатом кропотливых научных исследований стал брачный союз Макса Уле и Шарлотт Дороти Гроссе. Однако женитьба не помешала новым научным и исследовательским изысканиям Уле. Наоборот! Широкая известность его трудов способствовала тому, что Калифорнийский государственный университет предложил ученому продолжить раскопки в Перу. По поручению Калифорнийского университета Уле проработал в Андах еще шесть лет (до 1905 года). А затем стал работать археологом по просьбе правительства Перу, страны, которая стала его второй родиной.

Долгие годы М. Уле работал в Чили, а позднее, опять же в течение многих лет, в Эквадоре. Неутомимый ученый, приехавший в Америку совсем

молодым, покинул свое рабочее место в Кордильерах только в возрасте 86 лет. Да и то не по собственной воле. В 1942 году, когда ряд государств Западного полушария объявил гитлеровской Германии войну и их правительства приняли в Рио-де-Жанейро решение выслать в Европу всех без исключения немецких граждан, проживавших на Американском континенте, М. Уле за свои исключительные заслуги перед Перу в последний момент был вычеркнут из составленного списка. Однако он уже был готов к возвращению. 86-летний старец, столько в своей жизни странствовавший и столько сделавший для укрепления связей между Европой и Америкой, отправился в свое последнее путешествие: из страны, которая приняла его как сына, в страну, где он родился. Макс Уле умер в 1944 году. Вдали от Анд, вдали от Тиауанако, которому он посвятил свою первую книгу, вдали от Пачакамака, с которым он познакомил мир.

ПРАВИТЕЛЬ НАЙМЛАП С БАЛЬСОВОГО ПЛОТА

Основатель, вернее сказать — непосредственный предшественник осно-

вателей крупнейшей прибрежной доинкской «империи» Перу, пришел с Севера. Он приплыл на бальсовом плоту. Легенда, которую записал иезуит Кабельо де Бальбоа в хронике «*Miscellanea Antarctica*», не сообщает, откуда прибыл этот правитель и к какой народности принадлежал. Однако предания сохранили его имя — Наймлап, а также имена всех его преемников. В отличие от списка правителей Сьерры из династии Пируа Пакари Манко, о которых рассказывает хронист Монтесинос, сообщения о Наймлапе, правителе с бальсового плота, содержат в себе, бесспорно, элемент историчности. Очевидно, праотец Наймлап изображен и на некоторых золотых сосудах, найденных археологами в последнее время.

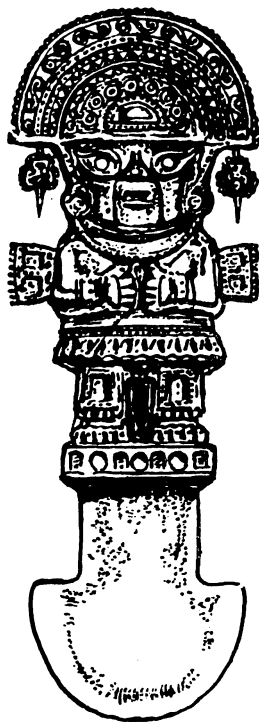
История Наймлапа представляет собой один из мифов доинкского Перу и потому заслуживает определенного внимания.

Итак, правитель Наймлап приплыл к побережью Перу из неназванной северной страны во главе большой флотилии бальсовых плотов. По словам хрониста, это был весьма способный и мужественный человек. Он явился в будущую страну Чиму с дружиной, имена главных представителей которой сохранились в преданиях. «Императора» сопровождали герольд Пита Софи, который, трубя в большую раковину, возвещал о приходе владыки, Фонга Сигде, очевидно, церемониймейстер Наймлапа. Далее назван Нинакола, который заботился о троне правителя и его крытых носилках, сидя на которых тот путешествовал по суше. Забота о желудке Наймлапа была доверена «шеф-повару»

Окчокало. Другие члены свиты правителя заботились о его внешнем виде: досточтимый Льяпчильюлю изготавлял для Наймлапа тончайшие рубахи и плащи из птичьих перьев; Ксам Мучек был «императорским» косметологом, готовившим краски и кремы для лица властителя.

На бальсовых плотах правителя сопровождала многочисленная группа женщин — целый гарем во главе с законной супругой Сетерни. Приплыли также знаменосцы правителя и лица, носившие прочие символы его власти. Все это высокородное и пестрое общество закончило морское путешествие в устье перуанской реки Факисльянги. Здесь Наймлап покинул свою бальсовую флотилию, высадился на берег и позднее основал город, который назвал Чот. На новой родине — на северном побережье Перу — пришельцам жилось неплохо. Численность их непрерывно возрастала.

Легендарный Чот Наймлапа, очевидно, уже был открыт археологами. Речь идет, по всей видимости, о прибрежном городе, который нынешние перуанцы называют Уака Чотуна. В Чоте правитель построил многочисленные дворцы, а главное, центр религиозного культа — храм, в котором находилась священная зеленая каменная стела Льямпалек, что означает «Изображение Наймлапа». Следовательно, в глазах народа Наймлап был не только властителем, но и — подобно египетским фараонам — богом. Чтобы не утратить своего божественного авторитета, Наймлап приказал близким похоронить его после смерти прямо во дворце, где он жил. Повеление было исполнено. Смерть

На прекрасном ритуальном ноже («туми») из чистого золота, найденном в Ильиме, изображен правитель с бальсового плота — легендарный Наймлап

правителя удалось скрыть от народа. Новый правитель, первенец Наймлапа Сиум, заявил, что отец — так велико было его божественное могущество! — отрастил себе крылья и, подобно птице, улетел в небо. (Между прочим, первая часть имени правителя «найм», очевидно, означала «птица» или «полет», а имя его главной жены Сетерни, вероятно, значило «звезда».)

Подданные поверили сообщению о том, что их правитель улетел. Многие из них отправились искать Наймлапа

вдоль побережья Перу, в другие речные долины, основав там поселения. Таким образом, прежние границы государства были расширены.

Сиум со своей женой правительницей Сольсдоньи произвел на свет двенадцать сыновей, и те, как двенадцать апостолов, разбрелись по речным долинам северного побережья. Так, Нор со своими людьми поселился будто бы в долине Синто, Кала — в Тукуме, остальные — в Кольике. Приближенный Наймлапа, изготавливавший для него одежду из птичьих перьев, после смерти правителя со многими другими соплеменниками переселился в Хайнак...

Сиум покинул этот свет столь же тайно, как и его отец. Почувствовав приближение смерти, он удалился в подземную гробницу, которую приказал построить еще при жизни, и здесь тихо, без свидетелей, умер.

После правителя, улетевшего к звездам, и его сына, сошедшего в глубь земли, на троне в Чоте сменяли друг друга Эскуньяин, Маскуй, Кантипальек, Альяскунти, Нофан-Неч, Мулумуслан, Льямеколь, Ланипаткум, Акунта. Двенадцатым «императором» — Фемпельеком — перечень предшественников правителей государства Чиму завершается. Этого Фемпельека едва ли можно назвать мудрым правителем и еще менее — святым мужем. Он совершил ряд дурных поступков, один из которых заключался в том, что из чотского храма был перенесен в другое место священный символ единства народа — зеленый камень Льямпалек.

Однако свою судьбу он предрешил не этим святотатством, а другим гре-

хом. Согласно преданиям, дьявол, видя, что правитель склонен к порокам, принял облик красивой девушки. И поскольку Фемпельек в самом деле поддавался всякому искушению, дьявол легко соблазнил его. За любовные утехы властителя пришлось жестоко расплачиваться подданным. На северное побережье Перу — этот традиционно засушливый край — обрушилось наводнение! Тридцать суток не переставая шел дождь. В результате наводнения поля перестали давать урожай — страна умирала от голода. Жрецы храма в Чоте и высокородные жители города не сомневались, что наводнение, неурожай и голод являются расплатой за бесчисленные грехи правителя и его связь с дьяволом. Несмотря на то что Фемпельек по тогдашним понятиям был богом, недовольные составили против него заговор, напали на правителя, связали его и бросили в море. Так в долине Ламбайеке завершилось правление династии, которую за несколько сот лет до того основал на побережье Перу правитель с бальсового плота, мудрый Наймлап.

Страной Наймлапа, то есть не только долиной Ламбайеке, но и другими североперуанскими долинами, завладела новая династия Чиму, первоначальной родиной которой была знаменитая долина Моче, некогда принадлежавшая мочикцам. Правители государства Чиму также известны нам по именам. Само слово «чиму», как и слово «инка», означало первоначально не название народа, а титул властителей.

По преданию, чиму пришли на территорию своего будущего государ-

ства тем же путем, что и Наймлап, то есть с севера, по морю, на бальсовых плотках. Только, возможно, не из столь отдаленных мест, как первый ламбайекский правитель. Родоначальник династии Чиму носил имя Такайнамо. Он сошел в долине Моче на берег и основал большое святилище, в котором с помощью священного желтого порошка совершал своеобразные обряды. Такайнамо был человеком способным и умным. Местное население признало его новым правителем. Когда же этот первый представитель государства Чиму умер, на трон вступил его сын Гусери-Каур, а вслед за ним — Ньянсен-Пинко. Своими завоеваниями последний расширил границы государства Чиму от долины Пасасмайэ на севере до бассейна реки Санты на юге.

Чимуская экспансия достигла кульминации при правителе Минчансамане, который посылал войска на самый крайний север современного Перу, в район порта Тумбес, а на юге — до долины Карабайлья. Войска, возглавляемые чимуским полководцем Керрутумимом, проникли в район нынешней столицы республики Лимы. Трижды они одерживали здесь победу, однако в четвертый раз их постигла неудача. Побежденному чимускому полководцу не оставалось ничего иного, как смыть позор поражения самоубийством. Несмотря на неудачу Керрутумима в годы правления Минчанкамана чиму владели территорией, простиравшейся на 1000 километров. Никогда до этого на перуанском побережье не существовало столь могучего и обширного централизованного государства.

Отдельными долинами управляли местные князьки, находившиеся в вассальной зависимости от властителей Чиму, либо наместники, посылавшиеся из столицы. Например, достопамятной долиной Наймлапа — Ламбайеке — после смерти Фемпельека правил сначала миролюбивый Понгмасса, затем — его сын Пальесмасса, а вслед за ним — князь Оша. Во времена Оши эта часть побережья впервые вступила в контакт (впоследствии оказавшийся для нее столь роковым) с расширяющейся «империей» инков.

Затем долиной Ламбайеке правили Льемписан, внук Оши — Чульюмписан, его младший брат Сипромарка, а после смерти последнего еще один брат Чульюмписана — Фальенписан.

Однако нам пора покинуть долину правителя с бальсового плота и заглянуть туда, где биение пульса могущественного государства Чиму ощущалось всего сильнее, — в долину Моче. Чиму как раз строили там величайший город доинкского Перу — великолепный Чан-Чан.

ОТ ЧАН-ЧАНА ДО ВЕЛИКОЙ КИТАЙСКОЙ СТЕНЫ

Ничто, даже прославленные золотые клады Чиму, не доказывает так убедительно,

тельно могущество и силу этого прибрежного государства, как его столица, древнеперуанский город Чан-Чан.

Чиму, последователи мочикцев, построили Чан-Чан в долине Моче, которая являлась их прародиной на Косте. Именно оттуда они направились на север и на юг, чтобы присоединить к своей первоначальной территории новые долины и земли. Они основали свой город неподалеку от того места, где мочикцы некогда построили самые большие святилища Южной Америки — Пирамиду Солнца и Пирамиду Луны. Чан-Чан не так высок, как эти пирамиды, он рос в ширину, занимая огромную для древнего города территорию — 18 квадратных километров! Как и уарийские города, Чан-Чан застраивался весьма продуманно, по заранее разработанному генеральному плану. Место застройки чиму обнесли двумя мощными оборонительными стенами. Сам город строители разделили на десять кварталов, каждый площадью примерно 450×300 метров. В наше время некоторые из кварталов столицы бывшего государства Чиму названы именами людей, имеющих особые заслуги в изучении прошлого перуанского побережья. Первый называется Мартинес Компаньон, второй — Веларде, третий — Бандельер, четвертый — Тельо, пятый — Ривера, шестой — Скуайер, седьмой — Чуди, восьмой — по характеру застройки — Лабиринт, девятый — Чайуак и, наконец, десятый — Большой Чиму.

Каждый из этих кварталов Чан-Чана опять же был обнесен стеной, иногда достигавшей в высоту 20 метров. Стены города дополнительно были

укреплены твердыми стволами мескитового дерева, которые вмуровывали в строительный материал валов. В каждом квартале Чан-Чана располагались жилые здания, святилища, общественные постройки, четко спланированные улицы, небольшие площади и центральная площадь, а также дворцы, речь о которых еще впереди.

Большой город, который с юга и с севера был окружен песками прибрежной пустыни, естественно, не мог жить без воды. Обводнение было главным условием жизнедеятельности Чан-Чана, поэтому чиму переняли и усовершенствовали гидрологические сооружения мочикцев. Они отводили воду реки Моче на свои небольшие поля, в свою импозантную столицу, где во времена наивысшего расцвета жило более 100 000 человек! Множество акведуков, различные плотины да и вообще весь облик Чан-Чана, вероятно, производили большое впечатление на человека, пришедшего сюда издалека через немилосердную сушь прибрежных пустынь, — как фата-моргана, как зеленое чудо! В каждом квартале были разбиты общественные сады и парки, часто значительно ниже поверхности земли, так как чимуские садовники и здесь пользовались древним методом: они снимали слои песка до тех пор, пока не добивались до влаги. Растения получали воду и через подведенные к Чан-Чану каналы.

Чан-Чан являлся крупнейшим доинкским портом Перу. Внутреннюю часть городской пристани можно было загородить «щитами», главный же причал был открыт со стороны океана. Однако на гигантском поле чан-чанских развалин внимание уче-

ных привлекает не порт и не остатки некогда сказочных общественных садов, а руины двух больших дворцов. Поскольку дворцов сохранилось только два, археологи называют их просто — Первый и Второй. Основание Первого равно 500×400 метров, Второй несколько меньше.

Исследуя чан-чанские дворцы, ученые заинтересовались маленькими камерками повышенной прочности, которые напоминали тюремные камеры. (В Первом дворце их 45.) В археологической литературе их так и называют — «тюрьма». Несколько десятилетий назад один из знатоков древнего Перу Герман Ляйхт высказал интересную мысль, что эти камерки были предназначены не для чимуских преступников, а для священных змей. Он обратил внимание своих коллег на то, что в некоторых языках Месоамерики слово «чан» означает «змея». Г. Ляйхт напомнил, что в доколумбову эпоху в религиозных представлениях индейцев Мексики змея играла исключительную роль. Словосочетание «На-чан» означало «дом змей». А поскольку на родном языке чиму дом обозначался словом «ан», Ляйхт пришел к выводу, что первоначально название столицы Чиму читалось как «дом змей».

Однако оставим рассуждения о змеях и вернемся в древнеперуанский город Чан-Чан. Сегодня он мертв. И с каждым годом разрушается все больше и больше. По иронии судьбы Чан-Чан, некогда так нуждавшийся в воде, после смерти страдал и страдает до сих пор от сильных дождей, которые обрушиваются на его стены. (Правда, на Косте они бывают нечасто.)

Город был построен из высушенного на солнце сырцового кирпича и из «тапна», то есть глины, смешанной с морскими ракушками. Глиняным постройкам Чан-Чана здешние ливни всегда наносили большие разрушения. Последний раз безудержный ливень обрушился на бывшую столицу государства Чиму в 1925 году. Многое из того, что уничтожил тогдашний потоп, археологи успели вовремя сфотографировать или зарисовать. Главным образом стены чимуских зданий, украшенные вычурным орнаментом, штампованным на глине. Рельефные украшения часто изображают стилизованных птиц, рыб и лис. Однако мы находим здесь и ступенчатый меандр, и решетки, и полосы своеобразных крестов, похожих на кресты Мальтийского рыцарского ордена. Некоторые прекрасные рельефы, в доколумбовы времена, возможно, окрашенные в белый цвет, археологи сегодня прикрыли песком, чтобы защитить их от пагубного воздействия дождей.

Чан-Чан, зелено-белая столица большого государства, был не единственным городом чиму. Развалины других городов сохранились в Пургаторио, неподалеку от Тукуме. Почти тех же размеров, что и Чан-Чан, достигали города Апурлек, Фадо, Кольике и Чакма. Чиму расширили мочикский город Пакатнаму, в развалинах которого археолог Генрих Уббелоде-Дёринг насчитал более 50 различного вида пирамид.

Чиму строили не только дворцы для знати и жилые дома для простого люда, но и крепости для воинов. Оборонительные сооружения являются самым характерным образцом чимуской

архитектуры. Лучше всего сохранившаяся крепость Парамонга высится на самом западном отроге Кордильер неподалеку от современного порта Супе, между реками Пативилька и Форталеса. Чиму избрали самое подходящее место для защиты южной границы своего государства. Река Пативилька течет по долине с крутыми, почти отвесными берегами, врезааясь на глубину пятидесяти метров в толщу земли. Течение у Пативильки и у Форталесы очень быстрое.

За пограничными реками и крепостью Парамонга завоевателя, который попытался бы проникнуть на территорию государства Чиму с юга, ожидала, вероятно, самая негостеприимная часть прибрежной пустыни Пампа-де-Мата с бесчисленными песчаными дюнами. Именно здесь, на холме, с которого видна почти вся прилегающая территория, и расположили чиму свою главную крепость. Завоеватель Перу Писарро, опытный воин, назвал ее «поистине удивительным творением»!

Парамонга несколько не уступает средневековым европейским замкам. Взять ее приступом было почти невозможно. Со всех сторон город-крепость окружала мощная крепостная стена, ныне уже большей частью разрушенная. На оборонительном валу находились только одни ворота, которые были устроены так, что их можно было очень быстро забаррикадировать. Оттуда шла хорошо укрепленная дорога к еще одним воротам, ведущим на следующую ступень этой пирамидообразной крепости. Центр крепости располагался еще выше, на третьей ступени, опять-таки обнесенной

стеной с единственными воротами.

Даже если бы неприятель и сумел проникнуть сюда, ему пришлось бы преодолеть большие сложности. Ведь постройка состояла из множества тупиков и коридоров.

Сердцем Парамонги были два небольших зала, так называемые «Зал князя» и «Зал верховного военачальника». Отсюда чимуские полководцы, очевидно, руководили обороной государства в случае нападения с юга или юго-запада. Интересно, что и сюда, в это поистине орлиное гнездо, чиму сумели провести водопровод!

Парамонга, одна из наиболее хорошо сохранившихся крепостей Чиму, выглядит особенно эффектно, когда на нее смотришь с самолета. А раз уж речь зашла о самолете, напомним, что именно с воздуха было обнаружено самое поразительное из фортификационных сооружений Чиму. История этого фантастического открытия заставляет нас вернуться на полстолетия назад, в 1931 год, когда никому не известные молодые нью-йоркцы во главе с Робертом Шиппи решили разыскивать памятники культуры доколумбова Перу с самолета (мы уже упоминали о них в нашей книге). В ту пору это была неслыханная дерзость, особенно со стороны молодых людей, никогда не занимавшихся археологическими раскопками. Так что идея Р. Шиппи вызывала не только недоверие, но и насмешки. Однако Шиппи и его «команда» вопреки всеобщему скепсису начали осуществлять свои намерения. И весьма последовательно. Восемь месяцев кружили они на маленьком самолете над Сьеррой и Костой. Измеряли, записывали,

но более всего фотографировали.

И ни одно открытие «упрямых любителей» не вызвало такого внимания и такой сенсации, как «Великая перуанская стена». Дело в том, что Шиппи и его друзья во время своей экспедиции делали остановку в прибрежном перуанском городе Трухильо, в нескольких километрах от развалин Чан-Чана. Обследовав и сфотографировав строительные сооружения других перуанских культур, они предполагали запечатлеть на фотопленке и постройки Чиму. Молодые исследователи сделали несколько сот снимков столицы Чиму Пакатнамы и крепости Парамонги. Однажды, когда они вылетели из Трухильо в направлении реки Мараньон и возвращались через долину Санта, оставив в стороне белый шпиль 7-километрового Уаскарана, фотограф экспедиции Джордж Джонсон заметил из окна самолета большую стену, мощный оборонительный вал, тянувшийся на многие километры от гор к побережью. Ни один из археологов, с которым они советовались перед началом воздушной разведки, не имел об этой стене никакого понятия. О стене в долине Санта не говорилось ни в одной книге; ее не заметили ни конкистадоры, ни первые хронисты; о ней ничего не знали испанцы, триста лет управлявшие Перу; ее не было ни на одной карте. Для мира она не существовала.

Сначала Шиппи, Джонсон и их перуанский проводник капитан Кабельос подумали, что это обман зрения. Однако когда фотография, которая, как известно, не может страдать галлюцинациями, подтвердила, что по долине Санта от отрогов Кордильер до

самого океана действительно ползет, подобно змее, бесконечная, официально не существующая стена, они поняли, что поймали — как говорят исследователи — «археологического медведя». Естественно, они решили не выпускать его из рук. Простившись с Трухильо, экспедиция перенесла свой штаб в порт Чимботе, где река Санта впадает в море. Оттуда члены экспедиции с воздуха и на земле стали детально изучать это фантастическое сооружение. Постепенно было установлено, что стена протянулась не менее чем на 80 километров в длину, первоначально имела у основания 5 метров толщины и такую же высоту, что построена она из камня, скрепленного адобовой крошкой. Кроме того, во время последующих разведочных полетов и пеших вылазок Шиппи и Джонсону удалось сфотографировать развалины четырнадцати небольших каменных крепостей, которые, по всей видимости, должны были защищать эту оборонительную стену. Самая большая из этих крепостей имела основание 90×60 метров и высоту 4,5 метра.

80-километровый вал в долине реки Санта уже с первого взгляда напоминает знаменитую Великую китайскую стену, которая должна была охранять империю Цинь от нападков врагов. Вероятно, поэтому в газетах и в специальной литературе стену в долине Санта стали называть Великой перуанской стеной, хотя в действительности ее следовало бы именовать Великой чимуской стеной. Неправильное название привилось с такой быстротой, что постепенно превратилось в общеупотребительный термин.

Возникает вопрос, почему чиму не воздвигли свой пограничный вал южнее, где стоит Парамонга и где проходила граница государства Чиму в период его наивысшего расцвета? Очевидно потому, что свою Великую стену чиму начали строить в тот период, когда их власть еще не распространялась так далеко и когда, следовательно, южной границей «империи» была река Санта, а не Пативилька. А возможно, эта стена была некой последней преградой, которая призвана была остановить нападающих в случае захвата ими Парамонги, перехода через бурную Пативильку и мертвую пустыню?

Как бы то ни было, Великая перуанская стена в любом случае остается самым грандиозным сооружением доколумбовой перуанской архитектуры. Примечательно, что это творение рук человеческих открыли молодые люди, чья экспедиция в Перу в лучшем случае считалась развлекательной прогулкой.

Р. Шиппи и его друзья сами были поражены невероятным археологическим открытием и честно в этом признались. Когда после их возвращения всеми уважаемый журнал географического общества предложил Роберту Шиппи ознакомить на его страницах членов общества с результатами экспедиции, тот написал: «Мы все еще с трудом верим, что нам действительно удалось сделать открытие такого исключительного значения, да к тому же в том районе, где все развалины уже на протяжении 75 лет являются объектом самого тщательного изучения, осуществлявшегося прославленными археологами».

После восьми месяцев полетов Шиппи и его коллеги возвращались на родину национальными героями. Прием, оказанный молодым летчикам, напоминал встречу, которую Соединенные Штаты приготовили Линдбергу, когда тот в 1927 году первым в мире перелетел через Атлантический океан. Хотя Шиппи с Джонсоном океана и не перелетали, своей археологической аэроразведкой они сумели открыть новый путь, ведущий к познанию прошлого человечества.

ПОБЕДА СОЛНЦА НАД ЛУНОЙ

Если бы над всеми постройками Чиму полагалось помещать государственный знак этой «империи», повсюду сиял бы месяц. И хотя по традиции мы называем Перу «империей Солнца», крупнейшее и последнее из доинкских государств Чиму в действительности было «империей Луны».

Самым почитаемым верховным божеством чиму была Луна, а не Аи Апаэк, могущественный Творец их мочикских предшественников, и не Виракоча или Пачакамак. В то время как в горах инки уже поклонялись золотому Солнцу, над жизнью чиму безраздельно господствовала бледная

Луна. Если бы в древнем Перу, где всегда почитались оба божества, чиму надо было решить, которое из этих светил могущественнее, они без сомнения сказали бы: Луна. И для такого ответа они имели все основания. Месяц чиму наблюдали на небе днем и ночью. Они видели, что при затмении Луна закрывает Солнце, а не наоборот. Солнечное затмение жители Чиму торжественно отмечали как победу Луны над Солнцем. Когда же тень Земли закрывала Луну, в «империи» Чиму объявлялся государственный траур и по всей стране исполнялись траурные танцы.

Для чиму как прибрежного народа было важно и то, что Луна «повелевает морем», оказывая влияние на приливы и отливы. Для государства, на территории которого изобиловали раскаленные пустыни, беспощадное жгучее Солнце являлось не дарителем жизни, а жестоким врагом. По этим и многим другим причинам жители Чиму отдавали предпочтение Луне, возведя ее в сан верховного божества и построив в ее честь по всей стране многочисленные храмы. Они носили характерное название «си-ан», буквально: «дома Луны».

В столице государства «домом Луны» — общенародным святилищем Чиму — был, очевидно, храм, который современные перуанцы называют «Уака дель Драгон» («Святилище дракона»), где когда-то исполнялись песни и танцы. В честь Луны в государстве Чиму даже совершались человеческие жертвоприношения, в жертву ей приносились дети — 5-летние девочки и мальчики. Это ритуальное убийство невинных младенцев со-

вершалось не на жертвенных камнях, как в Мексике, а на одеяльцах из цветной шерсти. Человеческие жертвоприношения сопровождалась жертвенным воздаянием напитка чичи и отборных плодов.

Перуанские индейцы на протяжении всей своей доколумбовой истории проявляли глубокий интерес к различным небесным светилам, поэтому чиму поклонялись не только Луне, но и звездам и созвездиям. Например, Венере они поклонялись в обоих ее подоби-ях — как «Утренней», так и «Вечерней звезде». Ее название «Ни» на родном языке жителей Чиму (мочикском) означало также «море». Важную роль в жизни этого древнеперуанского государства играло созвездие Плеяды, по-мочикски «Фур». С их появления на небосводе начинался у чиму новый год.

Астрономические познания и календарную систему Чиму первым стал пристально изучать человек, открывший знаменитые «рисунки» в Пампаде-Наска, профессор Косок. Он верил, что своеобразный орнамент на одежде индейцев, в котором некоторые ученые видели древнеперуанское письмо, содержит и знаки 30-месячного лунного календаря. Исследование этого календаря в настоящее время только начинается.

Хотя культ Луны у чиму отличался от верований их предшественников-мочикцев, остальные элементы чимуской культуры с мочикских времен не претерпели существенных изменений; наоборот, происходит даже некое возрождение мочикского образа жизни, несмотря на то что чиму подчас не хватает творческой силы, вдохновения,

увлеченности, столь свойственных представителям культуры Мочика. В произведениях чимуской керамики нет былого богатства декоративных средств, гончары придавали больше значения практической ценности своих

изделий, чем их красоте. Организованное государством производство обретает почти промышленный характер. Что касается остальных видов художественной деятельности, то высокого уровня достигло изготовление оде-

жды из птичьих перьев. В государство Чиму привозят желтые, зеленые и синие перья птиц, живущих где-то очень далеко, в джунглях Амазонки. Наиболее характерны плащи и пелерины, имеющие хлопчатобумажную основу, которую искусные мастера покрывали желтыми перьями попугая. Готовый плащ или пелерина украшались аппликацией из синих перьев. Кроме перьев попугая, чимуские мастера особенно любили нежные перья колибри. Плащи из перьев были не только красивы, они обладали еще одним достоинством: не промокали.

Право носить желтые, зеленые и синие «дождевики» имели только властители чимуского государства и высшие сановники. На вершине общественной лестницы стоял прямой потомок основателя династии Такайнама, считавшего своим прародичем первого из пришельцев на бальсовых плотках — правителя Наймлапа. К правящей элите принадлежала также чимуская знать, прежде всего алаэки — властители отдельных речных долин, ставшие вассалами чан-чанского государства. Колониальные словари сохранили несколько выражений, свидетельствующих о иерархическом устройстве и почти классовой дифференциации чимуского общества. Так, мочикское слово «фишлька» обозначает «высокородный муж». Напротив, «йана» означает «слуга». Слово «йана» даже позаимствовали у чиму властители гор — инки. По представлениям жителей Чиму, люди появились с небесных тел, со звезд. Только одни звезды породили властителей, а другие — простых людей.

Согласно чимускому своду законов, злейшим врагом общества был тот, кто нарушал право собственности, то есть вор. Если в Чан-Чане или другом чимуском городе или деревне происходила кража, в «пострадавшем» квартале у дороги или на улице устанавливался столб с кукурузными початками. Этот знак, понятный всем обитателям государства, предостерегал: «Внимание! Здесь воруют!» Если вора ловили и изобличали, его ждало единственное и суровое наказание — смертная казнь. Интересно, что карало вора не государство; приговор приводил в исполнение потерпевший, то есть тот, кто был обворован. При этом на смерть осуждался не только вор, но и его братья, а также отец, породивший столь недостойного сына. Как мы видим, многие нормы чимуского «уголовного права» основывались на примитивном принципе «око за око, зуб за зуб». Иногда, как это имело место при краже, «за одно око несколько». Человек, соблазнивший чужую жену или совершивший изнасилование, также расплачивался собственной жизнью: его сбрасывали с высокой скалы. Кстати сказать, мужчины и женщины ходили в государстве Чиму по разным дорогам. Тот, кто воспользовался дорогой, предназначенной для другого пола, карался так же, как соблазнитель или насильник, то есть опять же смертной казнью. На смерть осуждались и те, кто ослушался приказа властителя или государственных сановников, кто отказывался работать на общественных постройках, и, естественно, те, кто осквернил какой-либо из чимуских храмов Луны. В таких случаях прови-

нившегося заживо зарывали в землю вместе с костями «нечистых» животных. Чимуские врачи, вызвавшие в результате небрежности смерть пациента, приговаривались к убиению камнями. Того, кто поплатился жизнью из-за нерадивости фельдшера, хоронили в земле. Но к телу покойника привязывали веревкой недобросовестного лекаря. Когда он умирал, труп не зарывали, а оставляли на растерзание птицам, питающимся падалью.

Врачи, лечившие главным образом с помощью целебных трав, находились на «государственной службе», поскольку получали постоянное и твердое жалованье от государства. Взамен государство, разумеется, требовало от своих служащих, медиков хорошей работы. Кто не оправдывал оказанное ему доверие и в результате недостаточной квалификации или небрежности лишил жизни государственного подданного, расплачивался собственной жизнью.

Во многих отношениях обычаи, царившие в прибрежном государстве Чиму, мало чем отличались от обычаев, которые в этот период — в XV веке — существовали в горной «империи» инков. Столкновение двух могущественнейших государств доколумбова Перу — горного, жившего под эгидой Солнца, и прибрежного, поклонявшегося серебристой Луне, было закономерно. Солнце вступило в роковое единоборство с Луной в 60-х годах XV века. По сути дела, раньше, чем предполагали владельцы обоих государств. («Империей» Чиму правил тогда могущественный Минчанкаман, в Тауантинсуйу сидел на престоле

Инка Пачакутек.) В 1461 году Пачакутек послал своего сводного брата, полководца Капака Юпанки в разведывательную экспедицию в центральные области Сьерры. Значительную часть экспедиционного корпуса Капака составляли отряды чанков — индейцев, которые лишь за четверть века до этого были покорены инками и, следовательно, оставались их злейшими врагами.

Чанки, естественно, воспользовались подходящим случаем и, когда войско инков проходило по неизвестной их командующему местности, ночью тайно дезертировали. По стечению обстоятельств именно в этот момент Капак Юпанки получил приказ вернуться в Куско. Но как мог полководец предстать перед своим повелителем, потеряв без боя половину армии, которая скрылась в горах?! И он решил смыть позор какой-нибудь эффектной победой. А поскольку Капак стоял на самой границе независимого горного государства Кахамарки, связанного с Чиму союзническим договором, он без ведома и согласия Инки напал на Кахамарку.

Властитель Кахамарки Кусманко, понятно, стал просить своего союзника Чиму о помощи. Подкрепление пришло, но уже не смогло предотвратить падение столицы государства, которым правил Кусманко. Так или иначе под Кахамаркой по вине Капака Юпанки инки впервые скрестили оружие с чиму. Сам Капак был убежден, что, захватив Кахамарку и пленив ее правителя Кусманко, он восстановил свою репутацию, пошатнувшуюся в результате дезертирства значительной

части доверенного ему войска. Теперь, как он полагал, можно с честью вернуться в Куско. В Кахамарке Капак оставил довольно многочисленный отряд, чтобы держать город и его окрестности в повиновении. Ближайший инкский гарнизон находился более чем в 500 километрах южнее.

Незапланированный воинский успех не помог Капаку Юпанки, полководцу и сводному брату правителя Пачакути. По приказу последнего он был убит прежде, чем успел дойти до Куско и сообщить своему повелителю о завоевании Кахамарки. За захватом столицы маленького горного государства последовал ряд событий, завершившихся поражением Луны и триумфом Солнца — падением государства Чиму и победой «империи» инков. После того как Капак Юпанки на свою беду оставил в захваченной Кахамарке часть армии, у Инки Пачакути не было иного выхода, как послать новую военную экспедицию с целью овладения всей этой областью. И он направил в северную часть Сьерры Тупака Юпанки с большим войском. Поход этот оправдал надежды, возлагавшиеся на него Инкой: под властью «империи» оказались все области к северу от Кахамарки, захваченной годом ранее. Таким образом, последнее независимое горное государство Кахамарка было присоединено к «империи» инков. Но пока существовало государство Чиму, ни вассальную зависимость Кахамарки, ни власть инков над всем Перу нельзя было считать прочной и окончательно установленной. Победоносный поход Тупака Юпанки продолжался; с 30-

Деталь глиняного рельефа из Чан-Чана. Часто встречались также изображения лисиц, птиц, рыб и ящериц

тысячным войском полководец двинулся против государства Чиму. Вместе с воинами-инками в походе участвовали и новые вассалы «империи» — воины с южного побережья, также присоединенного к Тауантинсуйу.

Тупак Юпанки сначала двинулся на юг к Уамачуку, а затем направил свое войско прямо в сердце государства Чиму, в долину Моче. Чиму оказали захватчикам яростное сопротивление. Как рассказывает хронист Гарсиласо де ла Вега, на предложение капитулировать властитель Чиму твердо ответил парламентарам Инки: «Я готов умереть с оружием в руках, защищая свою родину, ее законы и обычаи. Новых же богов я отвергаю!»

В конце концов Солнце одолело Луну. Государство Чиму потерпело поражение. Тупак Юпанки отправился в другие долины. Он дошел до Пакамайю, оттуда вернулся в Кахамарку, затем напал на территорию нынешнего Эквадора и захватил нынешнюю его столицу Кито, а из Эквадора еще раз возвратился на земли Чиму. Вступив на территорию несчастной прибрежной страны у северных границ, близ города Тумбес, и двигаясь по ее территории с севера на юг, он повсюду захватывал чимуские золотые клады, грабил дворцы и храмы Луны и наконец взял в плен последнего владыку государства Чиму — Минчанкамана.

В соответствии с существовавшими в то время обычаями последний правитель Чиму не был убит. Высокородного пленника увезли в Куско, которое ему было запрещено покидать, и, кроме того, женили на одной из инкских принцесс.

По воле инков властителем фактически не существующего государства Чиму после смерти Минчанкамана стал его любимый сын Чумун-Куар. Когда и он умер, на престол Чиму вступил его первенец Уаман-Чуму, тоже живший в Куско, а вслед за ним — его сын Анко-Куйуч. Однако все эти марионеточные властители с высокими титулами являлись только тенями. Это были тени мертвого государства, тени прославленных государств и культур, процветавших в удивительном Перу до того, как над Луной индейцев Чиму восторжествовало покорившее и всех прочих богов золотое Солнце инков.

НЕМНОГО О КОСМОСЕ И ЗОЛОТОМ САДЕ

Из чимуского золота, захваченного во время похода Тупака Юпанки на побежье Перу, был создан огромный золотой клад бога Солнца — отлита статуя легендарной основательницы правящего рода Мамы Окльо и большая статуя бога Творца — Кон-Тики Виракочи, почитавшегося еще в Тиаяуанако. Из переплавленного чимуского золота была также выкована большая золотая цепь, хранившаяся в святилище инков — храме Солнца.

Инки привели в свою столицу не только плененного владыку государства Чиму, но — как это ни удивительно — множество его подданных, и прежде всего чимуских золотых дел мастеров, ювелиров и чеканщиков. Ведь именно этот вид искусства достиг в стране Чиму исключительно высокого уровня. Инки поселили этих замечательных мастеров в Куско и заставили работать на себя, дабы их талант служил украшением столицы «империи». Одним из замечательных произведений чимуских золотых дел мастеров (или хотя бы частично их произведением) было тончайшее чудо инкской метрополии, фантастический золотой сад, о котором рассказывают

хронисты Гарсиласо де ла Вега и Сьеса де Леон.

Золотой сад относился к комплексу Кориқанчи, общенародного храма инков, посвященного, естественно, богу Солнца. Сад занимал площадь 200×100 метров и с южной стороны — на террасах, спускающихся к реке Уатанайе, — прилегал к главному святилищу, украшенному золотыми статуями и мумиями умерших Инков, покоившимися здесь на золотых скамеечках. В саду было все сделано из чистого золота. Перуанские мастера словно с помощью волшебства создали золотые цветы, здесь на ветру колыхались целые поля золотых кукурузных початков, «росли» золотые травы и кусты. По саду «разгуливали» золотые животные, «ползали» золотые жуки и ящерицы. Не были забыты и жители Перу — выплавленные из золота пастухи, пасущие золотых лам, золотые индейские девушки, собирающие с золотых деревьев золотые яблоки. Короче говоря, в этом чудесном творении была запечатлена в золоте вся повседневная жизнь инков. И это чудо, равного которому, пожалуй, не было на свете, скорее всего, создали в Куско чимуские ремесленники, приведенные в столицу инков после падения государства Чиму.

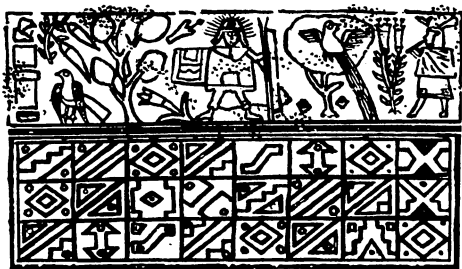
Сразу после захвата Куско испанцы, разумеется, разграбили это тончайшее филигранное великолепие, так же как за семьдесят лет до этого инки разграбили золото Чан-Чана. Однако в своих хрониках они сохранили для потомков воспоминания о золотом саде. В их рассказах перуанский золотой сад выдавался за творение инков, чью столицу он украшал. Точно так же драго-

Золотое ушное украшение знатной индейки. Чиму

ценности, награбленные испанцами во дворце ацтекского правителя Монте-сумы, приписывались ацтекским, а не миштекским мастерам.

Сказочный золотой сад Куско — доказательство того, как много у инков было доинкского, как много в их культуре, искусстве и государственном устройстве было перенято от более древних перуанских культур и государств. Знаток истории Перу американский археолог Джон Хоулэнд Роу в качестве примера того, как инки перенимали наследие чиму, приводит не только искусство золотых дел мастеров, но и организацию государства, плановую застройку городов, массовое производство некоторых товаров, а также методы ткачества и изготовления нарядов из птичьих перьев. Так всегда бывает в истории культуры: те, кто живет сегодня, мно-

Токапу на одном из древнеперуанских сосудов («кери»).
Эти знаки пытается расшифровать
профессор Томас Бартель
из университета в Тюбингене.
Он считает, что они являются зачатками
древнеперуанской письменности

гое воспринимают от тех, кто жил вчера. Естественно, тут мы не делаем никакого сенсационного открытия. Однако подлинную историю перуанских культур до сих пор скрывала тяжелая завеса — традиционное стремление видеть во всем лишь черты инков. Но эта страна не всегда была «империей» инков, не всегда была «империей Солнца». Об этом-то мне и хотелось рассказать в своей книге.

Поведать вторую половину правды о доколумбовом Перу, бросить взгляд на забытые культуры, предшествовавшие всеми признанной культуре инков, на историю исчезнувших перуанских государств, существовавших ранее восхищавшей всех «империи Солнца».

Интерес инков к Солнцу, а чиму к Луне, всеобъемлющий культ небесных светил, столь характерный для государств древнего Перу, отнюдь еще не означают, что поклоняющиеся звездам индейцы и их культуры были наследием космических цивилизаций, творением, занесенным в Перу из Вселенной. Хотя древнеперуанские индейцы истово почитали звезды, а также с увлечением наблюдали за темными глубинами космоса, они произрастали на нашей планете. И их художественные произведения, храмы и дворцы, золотые украшения и сказочный золотой сад мы должны (пока не получим совершенно достоверных доказательств обратного) считать творением человека, сына земной цивилизации.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Имя чешского этнографа, путешественника и писателя Милослава Стингла хорошо известно тем, кто интересуется культурой народов Америки и Океании. Его книги переведены на многие языки, в том числе и на русский*. И можно не сомневаться, что новая книга М. Стингла, посвященная на этот раз древним обитателям Перу, найдет такой же широкий отклик у читателей, как и предыдущие его работы.

М. Стингл рассказывает не только о последних достижениях перуанской археологии. Читатель, прочитав книгу, узнал об открытиях, сделанных как сравнительно недавно, так и сто лет назад. Но в целом автор стремился, безусловно, отразить современное состояние науки.

Так уж случается, что наука порой идет вперед гораздо быстрее, чем пишутся и печатаются книги.

* Индейцы без томагавков. М., «Прогресс», 1971 (2-е изд. 1978); В горы к индейцам Кубы. Путешествие этнографов. М., «Мысль», 1974; Последний рай. М., «Наука», 1975; По незнакомой Микронезии. М., «Наука», 1978; Тайны индейских пирамид. М., «Прогресс», 1978 (2-е изд. 1982).

М. Стингл работал над «Поклоняющимися звездам» в середине 70-х годов и, естественно, не мог знать об открытиях, которые произойдут позже. Да и не все исследования начала прошедшего десятилетия и даже конца 60-х годов могли быть им приняты во внимание. Многое ли изменилось за последнее десятилетие?

Очень многое. Пожалуй, никогда еще перуанская археология не развивалась столь бурно, как сейчас. Несмотря на нехватку денежных средств и многие организационные трудности, которые вызваны различными причинами, начиная с землетрясений и кончая изменениями политической обстановки в Перу и Боливии, в Андах и на побережье Тихого океана работают десятки археологических экспедиций. Их возглавляют главным образом местные специалисты и американские исследователи, хотя встречаются и ученые из стран Западной Европы и Канады.

Но дело не только в новых раскопках. Исследователи доколумбовых цивилизаций стали теснее, чем раньше, сотрудничать со специалистами по смежным областям знаний — этнографами, палеозоологами, ботаниками (хотелось бы сказать: «и лингвистами», но, к сожалению, новых работ по индейским языкам Перу относительно мало и этот пробел дает о себе знать). Успешно развивается иконография — исследование древних изображений, их формы и содержания. Принципиально новые материалы получили в свое распоряжение историки. От хроник, написанных в XVI—XVII веках испанцами или потомками индейской знати, они перешли к изуче-

нию архивов того времени. Оказалось, что скучные на первый взгляд документы о взимании налогов или не предназначенные для печати отчеты миссионеров часто дают более правдивую и полную информацию, чем многотомные фолианты знаменитых историков.

В итоге наши знания о древнем Перу за последние 10—15 лет не только пополнились новыми фактами, но и сам образ доиспанского общества в представлении исследователей стал во многом иным, чем прежде. Были отвергнуты некоторые устоявшиеся гипотезы, поставлены новые вопросы.

Мы не собираемся подробно комментировать все главы книги, которую читатель прочитал, — для этого пришлось бы написать новую. Останемся лишь на самых важных из недавних открытий и на тех гипотезах М. Стингла, которые особенно нуждаются в пересмотре в свете науки сегодняшнего дня.

Сначала несколько слов о древнейшем периоде в истории Перу. Нет сомнений в том, что в X—XI тысячелетиях до н. э. человек уже проник в Южную Америку. Об этом свидетельствуют находки каменных орудий. В Венесуэле, Колумбии, Перу, Бразилии и других странах обнаружены стоянки охотников на давно уже вымерших животных. К VIII тысячелетию до н. э. древние индейцы достигли Магелланова пролива.

Были ли в тот период освоены тропические леса Амазонии, нам не известно. Следы древних людей обнаружить здесь трудно. В Амазонии нет камня, поэтому все необходимое индейцы изготавливали из дерева и тростника, которые быстро гниют во влаж-

ной почве. В результате этого археология тропических низменностей — это в основном поиски черепков древней посуды. Индейцы же Южной Америки научились лепить и обжигать горшки не раньше конца IV тысячелетия до н. э. В большинство районов гончарное дело проникло еще позднее.

Отдельные археологи отстаивают большую, чем предполагают другие, древность появления индейцев в Новом Свете. Так, крупный канадский ученый Р. Мак-Нейш доказывает, что уже 20 тысяч лет назад территория Перу была заселена человеком. В Андах он раскопал пещерную стоянку Пикимачай. Подвергнутые радиоуглеродному анализу кусочки угля из второго и третьего слоев от низа показали соответственно возраст 19 600 (± 3000) и 16 050 (± 1200) лет назад. Противники Р. Мак-Нейша утверждают, что найденные в нижних слоях расколотые куски туфа образовались естественным путем и не являлись результатом обработки их человеком. В 1981 году стали известны радиоуглеродные даты одной из стоянок в Венесуэле. Они оказались на несколько тысячелетий древнее, чем самая ранняя дата, полученная Р. Мак-Нейшем. Подробности о раскопках пока не опубликованы.

В общем, нет ничего невероятного в том, что человек проник в Южную Америку 20—25 тысяч лет назад, так как предки индейцев в это время определенно жили в Мексике. Сложность заключается в том, что на пути между Мексикой и Андами лежат труднопроходимые тропические леса Центральной Америки, которые мог-

ли задержать продвижение людей на юг.

Так или иначе, вопрос о времени заселения континента пока остается открытым. Несколько более определенно решается проблема появления у индейцев первых культурных растений и домашних животных. С этого, в сущности, и начинается история перуанской цивилизации.

Известный советский растениевод и географ Н. И. Вавилов еще в 30-х годах указал на Центральные Анды как на один из основных очагов мирового земледелия. Однако речь шла лишь о картофеле и некоторых других клубнеплодах, растущих высоко в горах. В отношении важнейшей продовольственной культуры Нового Света — кукурузы исследователи полагали, что она происходит из Мексики и лишь примерно во II тысячелетии до н. э. стала распространяться на Южноамериканский континент.

Однако в Перу зерна кукурузы обнаружили в более древних слоях. Ботаники установили, что эти древнейшие сорта сильно отличаются от мексиканских. Было решено организовать специальную экспедицию для выяснения происхождения земледелия в Андах.

Экспедицию возглавил Р. Мак-Нейш, прославивший свое имя находкой раннеземледельческих памятников в Мексике, где первые культурные растения появились в VIII—VII тысячелетиях до н. э. Для исследования были выбраны две пещеры близ города Аякучо: упоминавшаяся нами Пикимачай и соседняя Хаямачай. Сравнительно сухой климат позволял наде-

яться на хорошую сохранность органических остатков.

В результате раскопок 1969—1970 годов ученым удалось доказать, что кукуруза появилась в Андах уже в V тысячелетии до н. э., а некоторые другие культурные растения — в VII тысячелетии до н. э. К V тысячелетию до н. э. были одомашнены животные — ламы и морские свинки, причем процесс приручения, как считают исследователи, мог начаться еще в VII тысячелетии до н. э.

К сожалению, экспедиции не удалось отыскать в древних слоях следов картофеля. Возможно, что эту культуру выращивали в других, более холодных и влажных районах. Во всяком случае, пока в Перу и Боливии находки картофеля датируются не ранее чем I тысячелетием до н. э.

Сообщения Р. Мак-Нейша и его коллег о времени появления земледелия и скотоводства в Андах были подтверждены материалами, полученными другими экспедициями. Во главе одной из них стоял американец Томас Линч. Раскапывая пещеру Гитарреро на севере Перу, он обнаружил там остатки двух видов культурной фасоли, которую начали выращивать в VI тысячелетии до н. э. или даже раньше. Совсем недавно исследовательница из Франции Даниэль Лавалле с группой своих соотечественников и перуанских археологов изучала пещеру Телармачай в центральных горах Перу, расположенную на высоте 4420 метров над уровнем моря. Земледелие на такой высоте невозможно, но было установлено, что в V тысячелетии до н. э. в Телармачай, почти у края

вечных снегов, останавливались пастухи, разводившие лам. Они начали приручать животных еще раньше, возможно в VIII—VII тысячелетиях до н. э.

Открытия Р. Мак-Нейша, Т. Линча и Д. Лавалле не только доказали глубокую древность появления земледелия и скотоводства в Андах, но и независимость этого процесса от влияний из Мексики. Стало возможным правильно оценить относительную роль в этом деле горных районов и побережья. Ведь 15 лет назад древнейшие находки культурных растений и костей домашних животных происходили главным образом из прибрежных долин, Анды же оставались на археологической карте VIII—III тысячелетий до н. э. почти сплошным белым пятном. Поэтому ученые именно здесь, на берегу Тихого океана, искали колыбель перуанской цивилизации. Раздавались и скептические голоса, утверждавшие, что на побережье нет диких предков тех растений, которые позже распространились здесь в культурных формах. Однако сторонники происхождения земледелия и скотоводства во внутриконтинентальных районах долгое время не располагали конкретными фактами. Ныне установлено, что новые формы хозяйства (а с ними и новые возможности для развития культуры) пришли на побережье с востока, из горных долин. Часть растений происходит из области влажных тропических лесов и саванн, где, по мнению некоторых археологов, земледелие появилось почти так же давно, как и в Андах.

На рубеже IV и III тысячелетий до н. э. в Андах стали строить первые

храмы — внушительные здания с высокими, украшенными нишами стенами из обработанного камня. В главном святилище храма располагался углубленный в полу очаг. Древнейший из храмов, Ла Гальгада, был обнаружен в долине реки Таблачака, притока Санты (примерно в 60 километрах от порта Чимботе). Он относится к той же самой культуре, что и более поздние памятники Котош и Уарикото, открытые японскими археологами.

Что касается побережья, то, по мнению некоторых археологов, прежде всего крупного американского специалиста Майкла Мосли, вплоть до начала II тысячелетия до н. э. главной отраслью хозяйства здесь было рыболовство. Для того времени неисчерпаемые и легко доступные рыбные запасы обеспечили расцвет местной культуры. Поэтому первые храмы (Асперо, Пьедра Парада) появились здесь почти тогда же, когда и в горах, — в начале III тысячелетия до н. э.

Древнейшая «высокая» культура Перу III — начала II тысячелетия до н. э. была распространена на относительно небольшой территории — в горных и прибрежных долинах к северу от Лимы (приблизительно 400 × 200 километров). Ее создатели еще не знали о существовании керамики и металлов, не имели ткацкого станка (хотя и сплетали красиво орнаментированные полоски материи примитивными способами), но уже возводили глиняные и каменные храмы на искусственных платформах.

«Храм скрещенных рук», о котором пишет М. Стингл, не самый крупный

и ранний, но один из самых интересных. Прочитав об этом храме, читатель может задать вопрос: откуда, собственно, известно, что вылепленные на стене храма руки женские? В самом деле, судить об этом очень трудно, поэтому предположение М. Стингла всего лишь гипотеза. Делать какие-нибудь выводы о том, что означают скрещенные руки, тоже нелегко. Во всяком случае, ничто не говорит о том, что это знак «невинности или благочестия». Мы встречаем подобный жест на каменном изваянии близ озера Титикака и на керамике культуры Мочика. До сих пор во время совершения ритуалов руки скрещивают жрецы племени коги на севере Колумбии. Считается, что жрец своим жестом как бы воспроизводит мир, символом которого служит квадрат с двумя диагоналями. Повторение подобной космологической схемы возможно и в «Храме скрещенных рук», там она вполне уместна. Однако заметим, что и это только предположение.

Сегодня мы лучше, чем 10—15 лет назад, представляем себе происхождение древнейшей перуанской цивилизации — культуры Чавин, о которой пишет М. Стингл. Открытый в Чавин-де-Уантар храм долгое время оставался уникальным. Блистательная культура его создателей неизвестно как появилась в конце II тысячелетия до н. э. и также неизвестно почему исчезла в середине I тысячелетия до н. э. В 1972 году перуанские археологи Л. Лумбрерас и Э. Амат провели раскопки древнейшей части храма и обнаружили много интересного. На монументальных руинах они расчистили остатки небольших домов

и внутри обнаружили глиняные черепки, расписанные белым по красному. В Перу такие черепки находили и раньше, они датированы второй половиной I тысячелетия до н. э. Таким образом, появилась возможность хотя бы приблизительно сказать, люди какой культуры пришли на место оставленного храма, а возможно, и разрушили его.

Еще интереснее оказалась находка углубленной круглой площадки диаметром 21 метр, обрамленной каменной стеной с изображениями людей, божеств и животных. Она была расположена перед входом во внутреннее святилище, где стоит знаменитый идол «Лансон». Десятки прямоугольных или П-образных в плане сооружений с подобной круглой площадью перед храмовой платформой были вскоре раскопаны и на побережье Перу. Древнейшие из них, вероятно, датируются III тысячелетием до н. э. На побережье и в горах были открыты и другие большие и маленькие ритуальные центры конца III — начала I тысячелетий до н. э., которые чем-то напоминали Чавин, но в то же время и отличались от него. Стало ясно, что знаменитый храм — самое яркое проявление гораздо более широкой и древней традиции.

Кстати, о названии Чавин. Вопреки утверждениям М. Стингла оно не имеет отношения ни к ягуарам, ни к карибским языкам. В Перу название Чавин встречается довольно часто. По-видимому, оно связано с обозначением одного из родовых подразделений в традиционной социальной классификации у индейцев кечуа.

М. Стингл, как это было принято ранее, сопоставляет перуанскую цивилизацию Чавин со столь же древней культурой ольмеков в Мексике. Действительно, между обеими культурами есть некоторые общие черты. Однако сходство это весьма далекое. Археологи не имеют свидетельств прямых контактов и не располагают материалами, которые позволили бы показать, как именно одна цивилизация влияла на другую. В системе доказательств сторонников контактов поставлено под сомнение единственное промежуточное звено — культура Сан-Агустин в южной Колумбии, которую считали памятником того же «чавино-ольмекского» круга. Не исключено, что каменные изваяния Сан-Агустина созданы не в начале I тысячелетия до н. э., как думали раньше, а в середине I тысячелетия н. э., и в Перу они имеют сходство не с произведениями носителей культуры Чавин, а их более поздних потомков.

Разделы, посвященные гигантским рисункам на земле в районе Наска, читаются с большим интересом, хотя и меньшим, чем 10 лет назад, — ведь об этом «чуде света» в последние годы написано немало. Недавно появились сообщения, что линии и рисунки на земле обнаружены и на северном побережье, в районе реки Санта. Возможно, они были и в других местах, но стерлись со временем. Гораздо меньшие по размеру, но в остальном сходные геометрические знаки нацарапаны на стенах одной из пирамид в долине реки Лече (220 километров от Эквадора).

В настоящее время выдвинуто новое объяснение, что собой представляли

линии и рисунки. Американский астроном Э. Авени и работающий в США голландский историк и этнограф Т. Зойдема полагают, что они изображали нечто вроде системы секе у инков. Секе — это расхившиеся от священного центра, то есть от храма в городе Куско, линии, которые разгравивали территории отдельных кланов и соединяли вытянутые в цепочку святилища. Эта сложная система, в детали которой мы не станем вдаваться, отражала представления инков о структуре их общества, мифологические воззрения и календарь. Ее более примитивные прототипы можно обнаружить в символическом делении племенной территории у некоторых амазонских индейцев. Правы ли Э. Авени и Т. Зойдема, покажут дальнейшие исследования.

Одна из перуанских культур, представления о которой за последние годы довольно сильно изменились, — культура Мочика. Мочика — едва ли не самая значительная из доинкских цивилизаций Перу. Она господствовала на северном побережье в I—VII веках н. э. Открытие этой культуры «отцом» перуанской археологии М. Уле, американские раскопки 1946 года по программе «Виру» и изыскания в области мочикской иконографии недавно скончавшегося западногерманского американиста Г. Кучера, предпринятые им в 50-е годы, — вот та основа, на которую опирался М. Стингл в своем очерке о Мочика. Что же изменилось с конца 60-х годов?

Прежде всего большая группа американских ученых занялась планомерным исследованием памятников север-

ного побережья — древних поселений, могильников, дорог, каналов. Были открыты великолепные произведения искусства и огромные города; стал яснее вопрос о том, как создавались и почему были разрушены оросительные системы; чьими руками возводились пирамиды, кто и как управлял работниками.

Например, на миллионах кирпичей, из которых сложены пирамиды Солнца и Луны в долине Моче, обнаружены разнообразные знаки. Археологи предполагают, что это были отличительные символы отдельных крестьянских общин. В государстве Мочика существовал, вероятно, такой порядок: сменявшим друг друга общинам вменялось в обязанность возвести определенные части пирамиды — накопать глины, изготовить из нее кирпичи и затем уложить их под руководством мастера. Для того чтобы не спутать свою кладку с чужой, каждая группа общинников метила кирпичи своим традиционным знаком.

Начав с чисто формального анализа знаков, археологи пришли в конце концов к важным историческим выводам. Трудоемкие работы выполняли у мочикцев не рабы (которых, скорее всего, не было, так как пленников индейцы побережья приносили в жертву богам), а рядовые земледельцы. Такое же положение существовало позже и у инков.

Изменились наши представления о территории, которую занимала мочикская цивилизация. Она оказалась почти вдвое большей, чем думали раньше. Американский ученый японского происхождения Ицуми Шимада, вот уже несколько лет ведущий исследова-

ния в долинах к северу от Чикамы, обнаружил новые мочикские памятники. Самым важным из них (известным давно, но не исследованным) оказалось городище Пампа-Гранде. В VII веке, когда центр в долине Моче утратил свое значение, сюда переместилась столица мочикского государства. Главная пирамида в Пампа-Гранде, Уака Форталеса, массивнее Пирамиды Солнца и выше ее на четыре метра. Это самое высокое искусственное сооружение в Южном полушарии, построенное в дотехническую эру.

Неизвестные ранее мочикские памятники были обнаружены в последние годы в долине Уармей, расположенной к югу от основной территории культуры Мочика. Климат в Уармей суше, чем в северных долинах, поэтому в найденных погребениях лучше сохранились органические вещества. Так, например, было обнаружено много мочикских тканей, которые по качеству не уступали лучшим образцам из других районов Перу.

Много открытий сделано и в долине Моче. Так, Пирамида Солнца оказалась по размеру большей, чем предполагалось раньше. Видимо, до того как значительная часть этого сооружения была разрушена кладоискателями, его площадь составляла не 228×136 метров, а 342×159 метров. А вот канал Ла-Кумбре, который М. Стингл по традиции считает мочикским, был прорыт только в эпоху чиму. К тому же его строители встретились с такими трудностями, что не довели его сооружение до конца (строительство Ла-Кумбре было прервано около 1400 года н. э.).

При раскопках поселений в долине Моче и в Пампа-Гранде зоологи исследовали найденные в культурном слое кости животных. Издавна считалось, что домашних лам разводили в горах, а на побережье использовали только для перевозки грузов. Караваны лам доставляли с гор картофель, шерсть, шкуры, вяленое мясо, а возвращались назад, навьюченные мешками с кукурузой, фасолью, хлопком и прочими земледельческими продуктами, выращенными в теплом климате. В настоящее время установлено, что мочикцы разводили лам сами и регулярно употребляли мясо этих животных в пищу. Это важный вывод, ибо мясное животноводство существенно отличает культуру Мочика от цивилизаций майя, ацтеков и других народов Мексики. По-видимому, древние перуанцы имели такое же комплексное хозяйство (включающее земледелие, скотоводство и рыболовство), как древние шумеры или египтяне.

А вот домашних индюшек перуанцы не разводили — здесь М. Стингл ошибся. В разделах, посвященных культуре Мочика, есть и ряд других ошибок. Мочикцы не выращивали какао, корицу и ананасы, не употребляли гарпуна и лассо, не носили «типичного перуанского пончо» (которое вообще появилось после Колумба), их женщины вовсе не ходили с обнаженной грудью, а одевали длинные рубашки-балахоны. Обломки музыкальных инструментов найдены на одной из террас Пирамиды Солнца, а не на Пирамиде Луны. Совершенно не известно, для чего предназначались помещения на вершине Пирамиды Луны — жили ли тут жрецы и знат-

ные лица или это был только храм. Что касается «роскошных дворцов» мочикских правителей, то и о них мы ничего не знаем. Жилища знати находились, видимо, вблизи храмов и на их фоне могли выглядеть достаточно скромно.

Совершенно неверно судить о телосложении индейцев по лепным фигуркам на керамике: для подобных изображений характерно систематическое искажение пропорций. Мочикцы часто изображали людей с изуродованными лицами. Это следы заболеваний — верруги и тропического лейшманиоза (гораздо более слабая форма лейшманиоза известна в Средней Азии под именем пендинской язвы). Возможно, что в некоторых случаях мочикцы намеренно уродовали людей, чтобы те походили на больных. Люди с подобными физическими недостатками считались ритуально «отмеченными», таинственным образом связанными с плодородием растений.

После исследований в долине Моче существенно пополнились наши знания о культуре Салинар, от которой мочикцы многое заимствовали. Она оказалась более развитой, чем думали раньше. Археологи обнаружили вырытые создателями этой культуры многокилометровые каналы, по которым вода поступала на поля. Они исследовали огромное городище Серро-Арена площадью около 100 гектаров, которое было столицей долины Моче в период господства здесь салинар. Когда сюда проникли мочикцы, они стали строить собственную столицу с пирамидами Солнца и Луны.

Новые интересные данные получены о древнеперуанской металлургии. Техника обработки драгоценных металлов достигла высокого уровня уже в ранний период культуры Мочика. Позже создатели этой культуры научились отливать из меди массивные фигурные предметы. Для того чтобы придать металлу большую прочность, они добавляли в него мышьяк. Передовая для своего времени технология сочеталась у мочикцев с крайне примитивной. Проведенный анализ показал, что некоторые медные кубки были выкованы из самородной меди, то есть как во времена, когда люди еще только осваивали металлы.

Наибольшего развития достигла перуанская металлургия в эпоху чиму и в период господства инков. В последние годы на северном побережье Перу в долине Лече исследован крупный металлургический центр XII — начала XIV вв. Раскопками руководил И. Шимада. Здесь, впервые в доиспанской Америке, обнаружены десятки печей из огнеупорной глины, предназначенных для выплавки меди из руды и производства мышьяковистой бронзы.

Одним из самых знаменитых и загадочных памятников древнего Перу является Великая стена, протянувшаяся от моря до Кордильер в долине реки Санта. Долгое время предполагали (и это мнение разделяет М. Стингл), что ее воздвигли создатели культуры Чиму, отражавшие нападения инков. Последние исследования доказали более древний возраст Великой стены. Жители Санты построили ее скорее всего в VII—IX веках н. э., когда этот район побережья достиг наивысшего

расцвета в своей истории. Однако местная культура до сих пор еще плохо изучена — она даже не получила общепринятого наименования. Короткий период подъема закончился катастрофой, причины которой пока не известны. К началу IX века в Санте имелось 440 поселений, из которых затем сохранилось лишь 56. Это значит, что население долины сократилось в 8 раз.

Сенсационной находкой последнего времени стало открытие храма Уака Люсия, возведенного 3300 лет назад в долине Лече создателями культуры Куписнике. Монументальные святилища Куписнике встречались археологам раньше в более южных долинах, но ни разу еще не удавалось найти здание столь хорошей сохранности. Постройку украшали три ряда глиняных колонн диаметром 120 сантиметров и высотой 3—4 метра, окрашенных в розовый цвет. Хотя колонны были повалены, на полу лежали их обломки длиной до двух метров с полнотью сохранившейся штукатуркой. Если бы храм был разрушен врагами или пришел в запустение от времени, падавшие колонны, несомненно, рассыпались бы на мелкие куски, так как они сложены из слабо скрепленных между собой глиняных комьев. В любом случае откололась бы окрашенная облицовка. Загадка Уака Люсии решается в том случае, если предположить, что храм был намеренно «разобран» и осторожно «погребен» под слоем песка, удаленного теперь археологами. Тонкая прослойка песка обнаружена под обломками, которые были, видимо, аккуратно положены на нее. Есть данные, позволяющие

предполагать, что ритуальные «погребения» храмов производились в Перу и в последующие эпохи.

Не станем описывать все открытия археологов, изучавших культуры северного побережья Перу. Но об одном нельзя не сказать: многие выводы специалистов были получены не в ходе полевых изысканий, а в результате «кабинетной» деятельности или работы в музейных хранилищах.

В 70-х годах нашего столетия ученые разных стран независимо друг от друга пришли к переоценке сущности и содержания мочикского искусства. Это стало возможным благодаря трем обстоятельствам.

Во-первых, был накоплен огромный фактический материал. В музеях и частных собраниях Америки и Западной Европы сейчас хранится до полутора тысяч мочикских предметов с изображениями. Сюжеты их столь разнообразны, что лишь очень большая выборка способна дать верное представление о содержании мочикского искусства. Поэтому были созданы специальные картотеки фотографий, в которых собрана информация о многих тысячах предметов.

Во-вторых, накопленные коллекции подверглись систематическому изучению и классификации. Таким образом удалось заметить некоторые детали и закономерности, которые способствовали правильному пониманию сущности изображений.

В-третьих, ученые попытались понять содержание мочикского искусства с помощью данных этнографии. Оказывается, что у современных индейцев, а иногда и метисов, сохранились некоторые обычаи, очень сход-

ные с обычаями мочикцев. Описания индейских ритуалов XVI—XVII веков сохранили для нас испанские авторы того времени.

К каким же выводам пришли исследователи? Прежде всего оказалось далеким от истины старое представление, будто в искусстве Мочика отражена «вся жизнь» индейцев, «от зачатия, — как пишет М. Стингл, — до смерти», их повседневные дела, окружающая действительность. Искусство древних перуанцев не знало «жанровых» сцен, его сюжеты связаны с ритуалами, магией, мифами. С одной стороны, только мир сверхъестественного и священного признается в индейской культуре истинным, а значит, только он и достоин отображения. С другой стороны, создание изображения считалось в древности сакральным, магическим актом. Обращаться в искусстве к обычным, повседневным темам было бы кощунством.

Вот характерный пример. Многие североперуанские, особенно мочикские, сосуды вылеплены в виде женщины, держащей на руках или несущей за спиной ребенка. Эти сцены не раз служили поводом для сентиментальных рассуждений о «вечно женственном». Французская исследовательница А. М. Оккенгем убедительно доказала, что фигуры типа «мать и дитя» далеки от идиллии. Скорее всего, дети предназначались в жертву божествам и служили темой изображения именно в качестве «священных даров».

Уникальны мочикские изображения металлургов и ткачих. Благодаря им мы узнаем много важного о древних

ремесленниках. Но и в этом случае художников интересовали не ремесленники как таковые, для них было важным другое: мастера и мастерицы заняты изготовлением одежды и украшений для участников церемонии. К такому выводу пришел американский археолог К. Доннан.

Изучение мочикского искусства продолжается, и можно надеяться, что сотни разрозненных на первый взгляд сюжетов удастся объединить в несколько крупных тем, посвященных важнейшим церемониям, культу главных божеств.

Нельзя принимать на веру утверждения М. Стингла (повторяющего слова некоторых ученых) о том, что правитель у мочикцев был также и верховным жрецом. При современном уровне знаний подобные высказывания просто неправомерны. Наши привычные представления о некоем «древнем» обществе во главе с единовластным монархом могут не соответствовать действительности доиспанского Перу. Даже у инков, о которых мы знаем несравненно больше, чем об индейцах побережья, живших на тысячу лет раньше, система управления оказалась иной, чем принято было думать. Об этом интересном факте стоит рассказать немного подробнее.

В 1964 году упомянутый выше Том Зойдема выпустил книгу, к которой поначалу многие отнеслись скептически. В ней приводились доказательства того, что известный с XVI века список 13 инкских правителей не вполне верен. И дело не в том, что имена первых царей могли принадлежать мифическим персонажам. Иным

был сам принцип управления: в традиционном списке в последовательный ряд выстроены монархи, правившие по двое одновременно. Они выступали от имени двух ритуальных половин инкского общества — «верха» (ханан) и «низа» (хурин). Представитель «верха» считался главным правителем. Потребовалось 15 лет, чтобы другие видные американисты заявили: несмотря на некоторые неточности, в целом Т. Зойдема оказался прав.

Возможно, что соправителей было и не двое, а четверо — по числу «четвертей» (суйю), так как «верх» и «низ» в свою очередь делились пополам. Одни правители ведали главным образом делами государства и предводительствовали армией, другие стояли во главе иерархии жрецов. Есть основания думать, что и в обществе мочикцев не было единовластия, хотя имелся главный правитель наподобие верховного инки в Куско. Можно ли его называть также и «жрецом», пока совершенно не известно.

Необычность системы управления в древних обществах типа перуанского проявляется и в особом положении супруги правителя как своеобразного должностного лица. М. Стингл недооценивает женщин Мочика, когда пишет, что им отводилась чисто подчиненная роль. Известны росписи на сосудах, где женщина выступает как правительница, хотя и занимает более скромное положение, чем правитель-мужчина. Видимо, в доиспанском обществе у женщин существовала своя иерархия управления, в упрощенной форме повторявшая главную, мужскую иерархию. Некоторые церемонии

происходили с участием только женщин или же только мужчин. Есть сообщения, что в индейских селениях в Андах еще недавно бытовала подобная система.

Исследование социальной организации народов Анд в древности только начинается, и многие высказываемые в настоящее время гипотезы, наверное, будут отвергнуты. Но важно одно: проблема поставлена и решается уже не умозрительно, а на основе большого количества археологических, этнографических и исторических материалов.

Поскольку мы заговорили об инках, хотелось бы обратить внимание читателей на еще одну ошибку М. Стингла, вернее, его источника — Гарсиласо де ла Веги, автора знаменитых «Королевских комментариев», переведенных и на русский язык*. Гарсиласо был потомком испанского идалго и инкской принцессы. В своей книге он поведал об обычаях и законах предков по матери, о знаниях и мудрости инков, об истории создания их государства. Но несмотря на текущую в его жилах индейскую кровь, по мировоззрению и кругозору Гарсиласо был более европейцем, чем перуанцем. Его образ инкской монархии — это скорее утопическая картина идеального государства, нежели попытка собрать точные сведения о доиспанском Перу.

В хронике Гарсиласо наряду с множеством ценных сведений встречаются и ошибки, причем по мере того, как

ученые анализируют другие, менее совершенные в художественном плане, но более достоверные источники, неточностей в «Королевских комментариях» отыскивается все больше. Одна из них касается облика главной святыни в центральном храме инкского государства — Кориканче.

Согласно Гарсиласо де ла Веге и некоторым другим авторам, идол Солнца имел вид гигантского золотого диска с отходящими во все стороны лучами. Такой образ вполне соответствует манере изображать солнце у народов средневековой Европы, но он не был известен индейцам. Когда испанцы вошли в Куско, золотой святыни в храме уже не было — отступавшие инки унесли ее с собой в свое последнее убежище на Вилькабамбе. Когда же пал и этот оплот и статуя вместе с другими трофеями попала в руки победителей, оказалось, что это не диск. Божество было представлено в человеческом облике, и лучи обрамляли только его голову и плечи. По сторонам от фигуры человека располагались две змеи, а может быть, одна двуглавая змея, изгибавшаяся дугой. Справа и слева стояли золотые пумы или ягуары.

Эти данные подтверждены очевидцами, и нет оснований сомневаться в них. Верховное божество издавна изображалось в Перу в обрамлении арки змеи (символа радуги, Млечного Пути, грома, небосвода) и в окружении хищников. Особенно велико сходство между инкским идолом и некоторыми изображениями с побережья Перу. Эти изображения VII—IX веков, выполненные в рельефе на керамических сосудах и нарисованные на

* Инка Гарсиласо де ла Вега. История государства инков. Л., «Наука», 1974.

тканях, частично восходят к традициям культуры Мочика.

Каким образом эти традиции восприняли в дальнейшем инки, пока загадка. Было бы лучше, конечно, если бы мы могли сами взглянуть на святыню из Кориқанчи, вместо того чтобы восстанавливать ее облик по отрывочным описаниям. Имеется ли такая возможность? По мнению французского исследователя Пьера Дювиоля, идол мог сохраниться до сих пор. В свое время он будто бы был послан в Толедо Филиппу II, а оттуда мог попасть в Ватикан. Но по правде говоря, надежды разыскать статую мало.

Когда мы оцениваем произведения древнего изобразительного искусства или анализируем содержание индейских мифов, нам хочется, естественно, употребить привычные категории нашей культуры. Но сделать так — значит подчас отказаться от подлинного понимания, заменить истинную картину, пусть во многом туманную и фрагментарную, хорошо прорисованной фальшивкой.

Вот характерный пример. В древнеперуанских могилах найдены черепа со следами прижизненной трепанации. На первый взгляд это свидетельство расцвета древнеперуанской медицины. На самом же деле кусочек черепа извлекался у живого человека скорее всего из магических соображений. Такое действие более пристало назвать жертвоприношением, а не медицинской операцией. О практике подобного рода среди негров Габона в начале нашего века писал Альберт Швейцер.

Жаль, что М. Стингл не уделил должного внимания историческим

фактам, которым наука еще не дала всестороннего объяснения, и посвятил немалую часть книги явным выдумкам и легендам. Это и камни, на которых якобы изображены доисторические животные, и попытки доказать, что древние перуанцы летали на воздушных шарах, и бородатые люди, пришедшие неведомо откуда в Америку, а затем уплывшие в Тихий океан. И хотя каждая такая новелла заканчивается решительным выводом, что рассказанная история — выдумка и подделка, чувствуется, что автору книги, а вслед за ним и читателю чуть-чуть обидно: вот если бы и на самом деле раскрылись вдруг такие потрясающие факты, которые перевернули бы все наши представления о прошлом человечества!

Рассказчика можно понять: ведь популярная книга по археологии должна быть прежде всего занимательной, а что занимательнее разоблаченной, но интересной фальшивки! И все же хотелось бы заметить: подобные подделки и легенды всегда оставались вне науки, и страсти, кипевшие вокруг них, почти не затрагивали ученый мир. Археологи-профессионалы, как правило, легко отличают подлинные открытия и достоверные гипотезы от мнимых и фантастических, но иногда требуются неимоверные усилия, чтобы убедить в том же широкую «околонаучную» публику.

Взять хотя бы распространенные в Америке мифы о бородатых людях, культурных героях. Индейцы ждали их возвращения и при виде европейцев поначалу верили, что перед ними вновь появились древние вожди и божества. Уж не плавали и в самом

деле наши предки через Атлантику тысячи лет назад? Объяснение, вероятно, следует искать в другом.

Как известно, у представителей монголоидной расы, к которым относятся и индейцы Америки, волосистой кожей на лице развит слабо. Поэтому человек с усами и бородой выделяется среди окружающих. Его внешняя «отмеченность» может в глазах индейцев указывать на обладание сверхъестественными способностями. То же, кстати, относится и к другим телесным особенностям и дефектам: слепоте, хромоте, лысине, разного рода кожными заболеваниями. В легендах и сказках всех народов мира волшебники, колдуны, древние герои наделены подобными признаками. Мифологические персонажи индейцев также бывают то лысыми, то хромыми, то бородатыми. Подобные предания не надо понимать как воспоминание о реальных событиях. Это мифы, содержание и стиль повествования которых подчинены своим особым законам.

Что же касается «бородатого» идола из Тиауанако, то лицо его, скорее всего, закрывает не борода, а маска. Видимо, она изображает усы на морде животного — ягуара или обе-

зьяны-капуцина. До того как местное божество стало мыслиться в облике человека, индейцы могли представлять его полуживотным. Эти более древние изображения того же или родственного персонажа найдены — правда, не в Тиауанако, а на керамических сосудах и тканях из богатых погребений с южного побережья Перу. (В первых веках до нашей эры между районом озера Титикака и южным побережьем поддерживались интенсивные связи.)

Мы отметили лишь часть неточностей и ошибок, содержащихся в книге М. Стингла. При этом следует подчеркнуть, что Стингл — прежде всего писатель. Работая с источниками, он силой своего богатого воображения создает живой и яркий образ давно исчезнувших культур, смело домысливая то, что ученым зачастую вообще не известно. В этом и состоит привлекательность многих его книг, в том числе книги о прошлом народов Анд.

Читатель, который пожелает узнать о древнем Перу больше и точнее, может обратиться к другим источникам (см. литературу в конце книги).

*кандидат исторических наук
Ю. Е. БЕРЕЗКИН*

ЛИТЕРАТУРА

- Bennett, Wendell Clark. Chimu Archaeology. "Scientific Monthly", vol. 45, p. 35—38. New York, 1937.
- Benson, Elizabeth P. The Mochica. A Culture of Peru. New York — Washington.
- Bonavía, Duccio. Ricchata Quelccani. Pinturas murales prehispánicas. Lima, 1974.
- Bormida, Marcelo. Los esqueletos de la cueva de Lauricocha. Acta Praehistorica, V—VI. Buenos Aires, 1964.
- Burger, Richard L., and Salazar, Lucy. Ritual and religion at Huaricoto. "Archaeology", vol. 33, N° 6, 1980, p. 26—32.
- Buse, Herman. Peru, 10 000 anos. Lima, 1962.
- Bushnell, G. H. S. Peru, Ancient Peoples and Places. London, 1959.
- Canals Frau, Salvador. Las Civilizaciones Prehispánicas de América. Buenos Aires, 1959.
- Cardich, Augusto. Lauricocha, fundamentos para una prehistoria de los Andes Centrales. Centro Argentino de Estudios Prehistóricos. Studia Praehistorica, III. Buenos Aires, 1964.
- Carrion, Cachot, de Girard, Rebecca. La religión en el antiguo Perú, Lima, 1959.
- Charroux, R. L. L'Énigme des Andes. Paris, 1974.
- Chávez, Sergio J., Mohr Chavez, Karen L. A carved stela from Taraco, Puno, Peru, and the definition of an early style of stone sculpture from the Altiplano of Peru and Bolivia. "Ñawpa Pacha", Berkeley, N° 13, p. 45—84.
- Cieza de León, Pedro (1554). La Crónica de Perú. Madrid, 1890.
- Coe, Michael D. Olmec and Chavín: Rejoinder to Lanning. "American Antiquity", vol. 29, № 1, p. 101—104. Menasha, 1963.
- Däniken, E. von. Erinnerungen an die Zukunft. Düsseldorf, 1970.
- Donnan, Christopher B. Moche art and iconography. University of California Latin American Center, Latin American Studies, vol. 33, 1976. Переиздание с большим количеством иллюстраций Donnan, C. B. Moche art of Peru. Los Angeles, 1978.
- Dumbarton Oaks Conference on Chavin. Washington, 1971.
- Dumbarton Oaks Conference on Death and the Afterlife in Pre-Columbian America. Washington, 1975.
- Duviols, Pierre. Punchao, idolo mayor del Coricancha, historia y tipología. "Antropología andina", № 1—2, 1976, p. 176—182.
- Engel, F. Un groupe humain datant de 5000 ans a Paracas, Pérou. "Journal de la Société des Américanistes", nouvelle serie, t. XLIX, p. 7—30, Paris, 1960.
- Fellman Velarde, José. Los Imperios Andinos. La Paz, 1961.
- Grieder, Terence. The art and archaeology of Pashash. Austin — London, 1978.
- Grieder, Terence and Bueno Mendoza, Alberto. La Galgada: Peru before pottery. "Archaeology", vol. 34, № 2, 1981, p. 44—51.
- Hagen, V. W. von. Wüstenkönigreiche Perus. Wien — Hamburg, 1964. Handbook of South American Indians. Washington, 1946.
- Hart-Terre, Emilio. La fortaleza de Chuquimancu. Revista arqueológica del Museo Larco Herrera, № 2. Lima, 1923.
- Hocquenghem, Anne Marie. Quelques projections sur l'iconographie des mochicas: une image de leur monde d'après leurs images du monde. "Baessler-Archiv", Band XXV (1977), 1978, p. 163—191.
- Ibarra, Grasso D. E. Prehistoria de Bolivia. La Paz, 1973.
- Isbell, William H., Schreiber, Katharina J. Was Huari a State? "American Antiquity", vol. 43, № 3, 1978, p. 372—389.

- Izumi, Seiichi and Toshihico S. Andes 2. Excavations at Kotosh, Peru, Tokio, 1963.
- Izumi, Seiichi and Kazuo, Terada. Andes 4: Excavations at Kotosh, Peru 1963 and 1966. University of Tokio Press. Tokio, Japan, 1972.
- Kauffman, Federico. La Cultura Chimu. In: Las Grandes Civilizaciones del Antiguo Perú, IV. Lima, 1964.
- Kauffman, Federico. Origen de la Cultura Peruana. Aloctonismo de Chavín. Sociedad Académica de Estudios Americanos, serie Antropollogía, № 5, p. 5—74. Lima, 1963.
- Kauffmann, Federico. La Cultura Chavín: In: Las Grandes Civilizaciones del Antiguo Perú, II. Lima, 1961.
- Kosok, Paul. Water, Land and Life in Ancient Peru. New York, 1965.
- Kosok, Paul and Reiche, Marie. The Mysterious Markings of Nasca. "Natural History", vol. 56. № 5, p. 200—207, 237—238. New York, 1947.
- Kosok, Paul and Reiche, Maria. Ancient Drawings on the Desert of Peru Archaeology, vol. 2, p. 206—215. 1949.
- Kroeber, Alfred Louis. The Uhle Pottery Collections from Moche. University of California Publications in Archaeology and Ethnology, vol. 43. № 4, p. 327—432. Berkeley, 1956.
- Kutscher, G. Chimú — Eine Altindianische Hochkultur. Berlin, 1950.
- Lanning, E. P. Peru before the Incas. Englewood Cliffs, 1967.
- Lapiner, Alan C. Pre-Columbian art of South America. New York, 1976.
- Larco Hoyle, R. La cerámica de Vicús. Lima, 1965.
- Leicht, H. Indianische Kunst und Kultur. Zürich, 1944.
- Lothrop, Samuel K. Gold and Silver from Southern Peru and Bolivia. "Jornal of the Royal Anthropological Institute", p. 305—325. London, 1937.
- Lumbreras, Luíz Guillermo. De los pueblos, las culturas y las artes del Antiguo Perú. Lima, 1969.
- Lumbreras, Luíz Guillermo. Los orígenes de la civilización en el Perú. Lima, 1974.
- MacNeish, Richard, Nelken-Terner, Antoinette and Garcia Cook, Angel. Second Annual report of the Ayacucho archaeological-botanical project. Robert S. Peabody Foundation dor Archaeology. Mass., 1970.
- Mason, J. A. Ancient Civilizations of Peru. London, 1968.
- Means, Philip Ainsworth. Ancient Civilizations of the Andes. New York — London, 1931.
- Menzel, Dorothy. La cultura huari. Lima, 1968.
- Moseley, Michael E. The maritime foundations of Andean civilization. Menlo Park, 1975.
- Moseley, Michael E. Prehistoric principles of labor organization in the Moche valley, Peru. "American Antiquity", vol. 40, № 2, part 1, 1975, p. 191—196.
- Moseley, Michael E. Peru's golden treasures. An essay on five ancient styles. Chicago, 1978.
- Moseley, Michael E. and Mackey, Carol J. Chan Chan, Peru's ancient city of Kings. "Natural Geographic", vol. 143, № 3, 1973, p. 319—345.
- Ponce Sanginés, Carlos. Tiwanaku: espacio, tiempo y cultura. Ensayo de síntesis arqueológico. La Paz, 1972.
- Reiche, Maria. Mystery on the Desert. Lima, 1949.
- Rowe, John Howland. Chavín Art. An Inquiry into its Form and Meaning. The Museum of Primitive Art. New York, 1962.
- Ryden, Stig. Archaeological researches in the highlands of Bolivia. Göteborg, 1947.
- Schaedel, Richard P. Incipient urbanization and secularization in Tiahuanacoid Peru. "American Antiquity", vol. 31, № 3, part 1, p. 338—344. 1966.
- Sherbondy, Jeanette. Les réseaux d'irrigation dans la géographie politique de Cuzco. "Journal de la Société des Américanistes". Paris, t. LXVI, 1979, p. 45—66.
- Shimada, Izumi. Batán Grande: An ancient Religions and Burial Center in Northern Peru. Princeton University. "Archaeology", vol. 34, № 4.
- Shimada, Izumi. Horizontal archipelago and coast-highland interaction in North Peru: archaeological models. "Senri Ethnology

- gical Studies", vol. 10, National Museum of Ethnology, Osaka, 1982, p. 137—210.
- Shimada, Izumi. Economy of prehistoric urban context: commodity and labor flow at Moche V Pampa Grande, Peru. "American Antiquity", vol. 43, № 4, 1978, p. 569—592.
- Shimada, Izumi. Temples of time. The ancient burial and religious center of Batán Grande, Peru. "Archaeology", vol. 34, № 5, 1981, p. 37—45.
- Soldi, Pablo. Chavín en Ica. Ica, 1956.
- Squier, Ephraim George. Peru, Incidents of travel and exploration in the land of the Incas. New York, 1972.
- Strong, William Duncan. Paracas, Nasca and Tiahuanacoid Cultural Relationships in South Coast Peru. Memoirs of Society for American Archaeology, № 13. Salt Lake City, 1957.
- Tello, Julio C. Wira Kocho. Revista Inca, vol. 1, № 1, 3. Lima.
- Ubbelohde-Doering, H. Altperuanische Kunst. Berlin, 1936.
- Uhl, Max. Ancient Civilizations of Ica Valley. California Publications in American Archaeology and Ethnology, vol. XXI, p. 128—132. Berkeley, 1924.
- Valcárcel, Luis E. Altiplano Andino. Instituto Panamericano de Geografía e Historia. México, 1953.
- Willey, Gordon R. An introduction to American Archaeology. Vol. 2, South America. Englewood Cliffs, 1971.
- Willey, Gordon R. (ed.). Das alte Amerika. Propyläen Kunstgeschichte. Bd. 18. Berlin, 1974.
- Zuidema, R. Tom. The Ceque system of Cuzco. The social organization of the capital of the Inca. International Archives of Ethnography, Supplement to vol. L. Leiden, 1964.

* * *

- Башилов В. А. Древние цивилизации Перу и Боливии. М., «Наука», 1972.
- Березкин Ю. Е. Росписи культового содержания на сосудах наска (Перу). «Из культурного наследия народов Америки и Африки», сб. Музея Антропологии и Этнографии, вып. XXXI, 1975, с. 69—93.
- Березкин Ю. Е. Социальная структура общества мочика. — В: «Возникновение раннеклассового общества». Конференция. М., 1973. Тезисы докладов.
- Березкин Ю. Е. Из истории древнего Перу: социальная структура мочика сквозь призму мифологии. «Вестник древней истории», 1978, № 3, с. 38—59.
- Березкин Ю. Е. Ранние земледельцы побережья Перу. Л., «Наука», 1980, с. 86—109.
- Березкин Ю. Е. Люди, звери и боги мочика. «Природа», 1979, № 5, с. 88—97.
- Божество-покровитель земледелия на изображениях мочика (Перу). Сб. Музея Антропологии и Этнографии, вып. XXXVII, с. 35—53. Л., «Наука».
- Золото доколумбовой Америки. Каталог выставки. М., 1976.
- Инка Гарсиласо де ла Вега. История государства Инков. Л., «Наука», 1974.
- Культура Перу. М., «Наука», 1975.
- Самаркина Н. К. Община в Перу. М., 1974.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Авельянеда, Рамон 126, 127
 Авени, Э. 166
 Агурто Кальво, Сантьяго 79
 Адам (библ.) 112, 114, 136
 Айар Такко Капак 137
 Акунта 146
 Альфери, Тринидад 25
 Альяскунти 146
 Амат, Э. 165
 Андерсен 75
 Анко-Куйуч 158
 Атауальпа 45, 141

Бакей, Михаэль де 71
 Бандельер 148
 Баписта, Мариано 115
 Барнард, Кристиан 77
 Бартель, Томас 44, 124, 125
 Башнелл, Джордж 63
 Белами, Х. С. 112, 124
 Беннетт, Уэндел Кларк 16, 83
 Бержье 123
 Бернаскони 85
 Бонавиа, Дуксио 67
 Бохович, Миомир 14
 Брюнинг, Г. 103
 Бусе, Эрманн 21

Вавилов, Н. И. 163
 Валера, Блас 137, 138
 Вальямил де Рада, Эметерио 112
 Варгас, Хуан де 113
 Васкес де Эспиноса, Антонио 23
 Велар, Жан 131, 132
 Веларде 148
 Виракоча Инка 119, 120, 121, 122, 123, 124, 140
 Вудмэн, Джим 68, 69, 71, 72, 73, 74, 75, 76

Гальо, Мигель Мухика 100
 Гальярд, Серхио 107
 Гарсиласо де ла Вега 157, 159, 172
 Гафрон 52, 53
 Гейне-Гельдерн, Роберт 33
 Гёрбигер, Ганс 123, 124
 Гоген, Поль 59
 Гроссе, Шарлотт Дороти 143
 Гусери-Каур 147
 Гумбольдт, Александр фон 82, 86, 87, 142
 Гусман, Бартоломеу де 69—72

Деникен, Эрих фон 57, 58, 123
 Джонсон, Джордж Р. 46, 55, 151
 Диссельхоф, Ханс Дитрих 51, 80, 81
 Доннан, К. 171
 Дэйвис, Эдвин 87
 Дювиоль, Пьер 173
 Зелер, Эдвард 49
 Зойдема, Т. 166, 171

Ибарра Грассо, Дик Эдгар 116
 Ицуми, Сейити 20—22

Кельос 151
 Кабельо де Бальбоа, Мигель 84, 144
 Кабрера Даркера, Хавьер 77, 78, 79, 80, 81
 Кабрера, Херонимо Луис 77
 Кала 146
 Каланча, Антонио де ла 84, 99, 105, 135
 Капак Уайна 104
 Капак Юпанки 156, 157
 Карл III 85, 86, 95
 Карл IV 86
 Кардич, Аугусто 15
 Каррера, Фернандо де ла 84, 85, 105, 135
 Кауфман, Федерико 36
 Качот, Ребека 37
 Керам, К. 7
 Ко, Михаэль Д. 36
 Колумб, Христофор 9
 Компаньон, Мартинес 86, 148
 Кортес 85
 Косок, Поль 55—59, 60, 64, 65, 66, 67, 82, 153
 Коэн, Марсель 44
 Кусманко 156
 Кусто, Жак-Ив 126, 127
 Кучер, Герд 96, 98, 166

Ла Роса 101, 102
 Лавалле, Даниэль 163, 164
 Ларко Ойле, Рафаэль 89, 95, 105, 106, 107, 108, 109, 124

Ларко Эррера, Рафаэль 89
 Лаффон, Робер 78—80
 Леннинг 18
 Линарес Малага, Элой 80, 81
 Линдберг 18, 152
 Линч, Томас 163, 164
 Лотроп, Самюэль Киркленд 37, 51, 52
 Лумбрерас, Л. Г. 36, 46, 165
 Льямеколь 146
 Ляйхт, Герман 149

 Мазьер, Франсуа 78—80
 Майта Капак 110
 Мак-Нейш, Р. 162, 163, 164
 Мартинес де Компаньон, Бальтасар Хаиме 86
 Маскуй 146
 Мейсон, Джон Олдон 115
 Мехия Ксепе, Торибио 37, 40
 Миддендорф, Э. 85, 105
 Минз, Филип Эйнсворт 8, 137, 138
 Минчанкаман 147, 156, 158
 Монгольфе, Этьен и Жозеф 69
 Монтальва 99
 Монтесинос, Фернандо 136, 137, 138, 144
 Моруа 107
 Мосли, Майкл 164
 Мулумуслан 146
 Мюллер, Рольф 58

 Наймлап 144, 146, 147, 155
 Нотт, Джулиан 73
 Нофан-Неч 146
 Ньянсен-Пинко 147

 Ойальдебуру 113
 Ойе, К. А. 107
 Оккенгем, А. М. 170
 Очкокало 145
 Орбиньи, Альсид де 112
 Осборн, Харольд 132
 Оша 147

 Пачакути 156, 157
 Пауэлз 123
 Пинела, Антонио де Леон 112
 Пиру 11
 Пируа Пакари Манко 137, 138, 144
 Писарро, Франсиско 11, 85, 141, 142, 150
 Познанский, Артур 111, 112, 114
 Понгмасса 147
 Понсе Санхинес, Карлос 114, 116, 127

Португал, Пио 103, 104
 Прескотт, Уильям Хиклинг 87

 Раймонди, Антонио 28, 45
 Райнэл, Геральд 58
 Райхе, Мария 58, 59, 60, 64, 65, 66, 67, 68, 73
 Риве, Поль 11
 Ривера 148
 Риден, Пауль 49
 Росси, Арки 79
 Роу, Джон Хоулэнд 46, 80, 159

 Саагун, Бернардино де 8
 Салас, Балтасар де 112
 Сетерни 145
 Сигде, Фонга 144
 Синчи 110
 Скуайер, Эфраим Джорж 16, 87, 88, 89, 105, 148
 Соно, Тоширико 20
 Солер 63
 Сольди, Карлос и Пабло 79
 Сольсдоньи 146
 Софи, Пита 144
 Стефенс, Джон Ллойд 87
 Стронг, Уильям Дункан 46, 50, 61, 81, 95, 96
 Стюард, Джулиан 33
 Съеса де Леон 115, 134, 135, 159

 Теи Тетуа 122
 Тельо, Хулио Сесар 16, 20, 22—25, 28, 33, 37, 39, 40, 43, 49, 55, 103, 139, 148
 Тито Юпанки Пачакутек 137
 Томпсон, Эрик 87
 Тупак (Инка) Юпанки 107, 157

 Уббелоде-Дёринг, Генрих 98, 149
 Уилли, Гордон 81, 82
 Уле, Макс 16, 89, 97, 112, 142, 143, 144, 166
 Уоллес, Дуайт 46
 Уртеага Бальон, Оскар 40

 Фальенписан 147
 Фемпельек 146, 147
 Фейхо-Соса 86
 Филипп II 173
 Фунг Пинеда, Роса 19

 Хаген, Виктор Вольфганг 85, 86
 Хара, Викториа де ла 44, 124, 125, 126
 Харвей 88

Хейердал, Тур 73, 121, 122, 123
Хименес де ла Эспада, Маркос 136
Хоукинс, Джеральд 67

Чайке, Антонио 99, 100
Чульюмписан 147
Чумун-Куар 158
Шару, Робер 78—80

Швейцер, Альберт 173
Шедль, Рихард 98
Шимада, Ицуми 167, 169
Шиппи, Роберт 46, 54, 55, 150, 151, 152
Штюбель, Альфонс 112, 143

Эванс, Клиффорд 81, 95, 96
Энгель, Фредерик Андре 15—18

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Ацтеки 7, 8, 11, 44
 Земледелие доколумбова Перу 10, 11,
 16—19, 31, 32, 45, 91, 163, 164
 Индейцы 8, 12, 18, 19, 34, 48, 68, 129, 161, 162
 — аймара 72, 132, 133, 134, 135, 136
 — кечуа 132, 136
 — уру 129—132, 136
 Культура Котош 20—22, 23, 85, 105, 164
 — «Храм скрещенных рук» 20—22, 165
 Культура Мочика 32, 56, 83—109, 111, 140,
 165, 166, 167, 168, 1
 — ирригационная система 90, 91, 148
 — керамика 89—94, 170
 — металл 92, 99—104
 — Пирамида Луны 97—99, 100, 101, 104,
 148, 167, 168
 — Пирамида Солнца 97—99, 100, 101,
 148, 167, 169
 Культура Наска 5, 40, 44—69, 71—75, 81,
 101, 111, 166
 — гидросооружения 45
 — «Большой храм» и Кауачи 47, 50
 — изображения в Пампа-де-Наска 56—
 68, 71—78, 79, 166
 — керамика 48, 49, 50, 52, 53, 54, 61
 — погребения 50, 51
 — Эстакерия, строительный комплекс 47,
 66

Культура Паракас 37—40, 41—45, 49, 81,
 105, 111
 — камень, дерево, кость, металл 38
 — керамика 37
 — погребения 37—40, 41—43, 48
 — текстиль 36, 39, 41—43, 44, 49, 72
 Культура Сечин 28—30
 — Мохеке, ступенчатая пирамида 30
 — Серро-Сечин, архитектурный комплекс
 28—30
 — Сечин Альто, пирамида 29
 — скульптура 28, 29, 30
 Культура Тиауанако 109—129
 — Акапана, искусственный холм 116, 117
 — Ворота Солнца (Инти-Пунку) 114, 118,
 119, 127, 139
 — Дворец Саркофагов 113, 116
 — Каласасая 115, 116
 — Монолит Беннетта 116
 — Полуподземный храм 116
 — Пума-Пунку 117, 126
 Культура Уари 138, 139, 140, 141, 142
 Культура Чавин 22—36, 44, 80, 85, 101, 111,
 165, 166
 — Кастильо 26, 27
 — керамика 31, 33
 — Кунтур-Уаси, архитектурный ком-
 плекс 31, 32
 — Лансон, изваяние божества 27—29, 165
 — «Обелиск Тельо» 28
 — скульптура 25—27, 29
 — «стела Раймонди» 28
 — технические сооружения 32
 Культура Чиму 55, 56, 84, 87, 101, 148—160,
 169
 — Великая перуанская стена 55, 151, 169
 — государство Чимор 97, 105
 — керамика 154, 155
 — Парамонга, крепость 150, 151, 152
 — ритуальный нож «туми» 96, 100, 103
 — Чан-Чан 86, 148, 149, 159
 Мачу-Пикчу 23, 24
 Миштеки 8, 34, 44
 Майя 7, 8, 34, 44, 80, 85, 109
 Наска (см. Культура Наска, изображения в
 Пампа-де-Наска)
 Ольмеки 33—36, 166
 Предчавиноидные и чавиноидные памятни-
 ки 12—19, 49
 Сапотекы 34, 44
 Тольтеки 7
 Чульпы 133, 134

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЧЕМУ?	5
ПРОИЗНЕСЕМ ЭТО СЛОВО:	
ПЕРУ	7
СНЕГ, ВОДА И ПЕСОК	9
СНАЧАЛА БЫЛ КАМЕНЬ	12
ОТ ТЫКВЫ К ПИРАМИДЕ	15
ЯПОНЦЫ В «ХРАМЕ СКРЕЩЕН-	
НЫХ РУК». КОНЕЦ НАЧАЛА	19
ЧАВИН	22
ПЕРЕД ПОТОПОМ	25
ПО СЛЕДАМ ЯГУАРА	30
«ПОЛУОСТРОВ МУМИЙ»	36
«ГОРОД МЕРТВЫХ» В ПЕРУАН-	
СКОЙ ПУСТЫНЕ	39
«ДЕМОНСТРАЦИЯ МОД» НА ПОЛУ-	
ОСТРОВЕ ПАРАКАС	41
А ТЕПЕРЬ — НАСКА	44
«ОХОТНИКИ ЗА ЧЕРЕПАМИ»	
НА ДАЛЕКОМ ЮГЕ	47
НИЗКИЕ ГОНОРАРЫ ОКУЛИСТ-	
ТА ГАФРОНА	52
В САМОЙ БОЛЬШОЙ КАРТИН-	
НОЙ ГАЛЕРЕЕ МИРА	54
ПРОФЕССОР МАТЕМАТИКИ НА	
КАНАТЕ	57
ШЕСТЬ ВОПРОСОВ ПУСТЫНИ	
НАСКА	60
ПОЧИТАТЕЛИ «КАЛЕНДАРЯ» ИЛИ	
ПОКЛОНЯЮЩИЕСЯ ЗВЕЗДАМ	64
ИНДЕЙЦЫ В ВОЗДУХЕ, ИЛИ	
ИНДЕЙЦЫ С ВОЗДУХА	68

ЗАХОРОНЕНИЕ С ПОМОЩЬЮ ВОЗ-	
ДУШНОГО ШАРА	72
ЧТЕНИЕ КАМЕННЫХ КНИГ	75
СВИДЕТЕЛЬСТВО «МЕРТВОГО	
БЫКА»	78
«КОНЕЦ ИНТЕРМЕДИЙ»	81
СОТОВ ОТКРЫТИЕ ИНДЕЙЦЕВ МО-	
ЧИКА	83
ПОРТРЕТ АВТОПОРТРЕТА	89
БОЖЕСТВО В ГРОБУ	95
ПИРАМИДА СОЛНЦА И ПИРА-	
МИДА ЛУНЫ	97
ЗА ЗОЛОТОМ ИНДЕЙЦЕВ МОЧИ-	
КА	99
РЕКВИЕМ ПО ЗОЛОТЫМ БАБОЧ-	
КАМ	101
ЗАГАДКА НАДПИСЕЙ НА ФАСО-	
ЛИ	105
ТАК БЛИЗКО К ЗВЕЗДАМ, ТАК ДА-	
ЛЕКО ОТ ЛЮДЕЙ	109
ПРАОТЕЦ АДАМ ОСНОВЫВАЕТ	
ГОРОД	111
ПРОГУЛКА ПО ТИАУАНАКО	114
НАСЛЕДИЕ БЕЛОГО БОГА?	121
КАКОВ ВОЗРАСТ «ВЕЧНОГО ГОРО-	
ДА»?	126
ЛЮДИ С ЧЕРНОЙ КРОВЬЮ	129
ЦАРСТВО ПОГРЕБАЛЬНЫХ БА-	
ШЕН	132
БАРОН МЮНХГАУЗЕН В АН-	
ДАХ	136
ОТКРЫТИЕ ГОСУДАРСТВА УА-	
РИ	138
ОРАКУЛ ДРЕВНЕЙ АМЕРИКИ	140
ПРАВИТЕЛЬ НАЙМЛАП С БАЛЬ-	
СОВОГО ПЛОТА	144
ОТ ЧАН-ЧАНА ДО ВЕЛИКОЙ КИ-	
ТАЙСКОЙ СТЕНЫ	147
ПОБЕДА СОЛНЦА НАД ЛУНОЙ	152
НЕМНОГО О КОСМОСЕ И ЗОЛО-	
ТОМ САДЕ	158
ПОСЛЕСЛОВИЕ	161
ЛИТЕРАТУРА	175
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	178
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	181

Милослав
СТИНГЛ

**ПОКЛОНЯЮЩИЕСЯ
ЗВЕЗДАМ**

**ПО СЛЕДАМ
ИСЧЕЗНУВШИХ
ПЕРУАНСКИХ
ГОСУДАРСТВ**

ИБ № 7462

Редактор *В. П. Терехов*

Художник *В. К. Бисенгалиев*

Художественный редактор *В. А. Пузанков*

Технические редакторы *В. Д. Крылова* и *Г. В. Лазарева*

Корректор *М. А. Таги-заде*

Сдано в набор 14.02.83. Подписано в печать 19.08.83.
Формат 70×90 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура
«Таймс». Печать офсетная. Условн. печ. л. 13,45 + 2,34
печ. л. вклеск. Усл. кр. отт. 23,31. Уч.-изд. л. 14,40. Ти-
раж 100 000 экз. Заказ № 1995. Цена 1 р. 50 к. Изд.
№ 34827

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Прогресс»
Государственного комитета СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский по-
лиграфический комбинат Союзполиграфпрома при
Государственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. г. Калинин,
пр. Лефкина, 5.

Поправка

В выходных данных цена 1 р. 50 к.
напечатана ошибочно.

Правильная цена 1 р. 70 к.

Милослав
СТИНГЛ

ПОКЛОНЯЮЩИЕСЯ ЗВЕЗДАМ

ПО СЛЕДАМ
ИСЧЕЗНУВШИХ
ПЕРУАНСКИХ
ГОСУДАРСТВ

Прогресс

Чешский этнограф, путешественник и писатель Милослав Стингл хорошо известен советским читателям. В своей новой книге он рассказывает о древнейших цивилизациях Америки, об увлекательном труде ученых—археологов и историков, посвятивших себя поискам доинкских культур на Американском континенте.

1 р. 50 к.